

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.Н. КАРАЗИНА

КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС

№ 2

Серия «Филология»

Международный электронный сборник научных статей

Издается с 2010 года

Харьков
2010

В статьях этого международного научного сборника рассматриваются актуальные вопросы когнитивистики, коммуникативных исследований, когнитивной прагматики и дискурса на материале славянских, германских и романских языков.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

Рекомендовано к печати решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина
(протокол № 6 от 28 мая 2010 г.)

Редакторы:

І.С. Шевченко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна)
В.І. Карасик, докт. філол. наук (Волгоградський державний педагогічний університет)

Редакційна колегія:

А.Д. Белова, докт. філол. наук (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)
Л.Р. Безуглая, докт. філол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
В.И. Goverдовский, докт. філол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
С.А. Жаботинская, докт. філол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
Г. Коллер, доктор филологии (университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия)
Г.Н. Манаенко, докт. філол. наук (Ставропольський державний педагогічний інститут, Росія)
А.П. Мартынюк, докт. філол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
М. Миниелли, доктор филологии (Кингсборо Колледж университета г. Нью-Йорк, США)
Л.М. Минкин, докт. філол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина)
С.А. Моисеева, докт. філол. наук (Белгородский государственный университет, Россия)
Е.И. Морозова, докт. філол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Л.С. Пихтовникова, докт. філол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
А.Н. Приходько, докт. філол. наук (Запорожский государственный университет, Украина)
Г.Г. Слышкин, докт. філол. наук (Волгоградский филиал Российского государственного торгового-экономического университета, Россия)
Л.В. Солощук, докт. філол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
В.Е. Чернявская, докт. філол. наук (Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Россия)

Ответственный секретарь:

Е.В. Бондаренко, канд. філол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Адрес редакционной коллегии:

Украина, 61077, г. Харьков, пл. Свободы, 4
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
Факультет иностранных языков
Тел.: (057) 707-51-44
ishev7@gmail.com

Интернет-страница журнала: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

Текст дается в авторской редакции
Все статьи рецензированы
Выпускается ежегодно

© Харьковский национальный университет
имени В.Н. Каразина, оформление, 2010

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

№ 2

Серія «Філологія»

Міжнародний електронний збірник наукових праць

Видається з 2010 року

Харків
2010

У статтях цього міжнародного наукового збірника розглядаються актуальні питання когнітивістики, комунікативних студій, когнітивної прагматики та дискурсу на матеріалі слов'янських, германських і романських мов.

Для лінгвістів, викладачів, аспірантів та магістрантів.

Затверджено до друку рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
(протокол № 6 від 28 травня 2010 р.)

Редактори:

І.С. Шевченко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна)
В.І. Карасик, докт. філол. наук (Волгоградський державний педагогічний університет)

Редакційна колегія:

А.Д. Белова, докт. філол. наук (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)
Л.Р. Безугла, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
С.А. Жаботинська, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
Г. Коллер, доктор філології (університет імені Фрідріха-Александера, м. Ерланген-Нюрнберг, Німеччина)
Г.М. Манаєнко, докт. філол. наук (Ставропольський державний педагогічний інститут, Росія)
А.П. Мартинюк, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
М. Мінієлі, доктор філології (Кінгсборо Коледж університету, м. Нью-Йорк, США)
С.А. Моїсеєва, докт. філол. наук (Белгородський державний університет, Росія)
О.І. Морозова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
А.М. Приходько, докт. філол. наук (Запорізький державний університет, Україна)
В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
Г.Г. Слишкін, докт. філол. наук (Волгоградська філія Російського державного торговельно-економічного університету, Росія)
Л.В. Солощук, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.Е. Чернявська, докт. філол. наук (Санкт-Петербурзький державний університет економіки та фінансів, Росія)

Відповідальний секретар:

С.В. Бондаренко, канд. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, м. Харків, пл. Свободи, 4
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна
Факультет іноземних мов
Тел.: (057) 707-51-44
ishev7@gmail.com

Інтернет-сторінка журналу: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

Текст подано в авторській редакції

Усі статті рецензовані

Видається щорічно

© Харківський національний університет
імені В.Н. Каразіна, оформлення, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Демецкая ДИСКУРС И ТЕКСТ В ПЕРЕВОДЕ	6
В.В. Козловский КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГРАММАТИКИ (на материале современного немецкого языка).....	18
Г.Н. Манаенко ИНФОРМАЦИЯ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.....	25
Р.Е. Пилипенко МЕДИАПРОСТРАНСТВО ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.....	37
Т.П. Рогожникова ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ КОММУНИКАЦИИ.....	42
Г.В. Токарев ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА.....	51
И.И. Чесноков ТАКТИКА ИЗГНАНИЯ КАК СТРУКТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВИНДИКТИВНОГО ДИСКУРСА (прямые и косвенно-производные формы объективации).....	62
И.С. Шеченко ДИСКУРСООБРАЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТЫ ВИКТОРИАНСКОГО ДИСКУРСА: СКРОМНОСТЬ vs ХАНЖЕСТВО.....	73
Н.В. Петлюченко <i>НОВО CHARISMATICUS</i> В НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ (контрастивный аспект)	85
Редакторы, редакционная коллегия	105
Рекомендации по оформлению статей.....	107

УДК 81'25+81'42:303.446.2=111

ДИСКУРС И ТЕКСТ В ПЕРЕВОДЕ **В.В. Демецкая (Херсон, Украина)**

В.В. Демецкая. Дискурс и текст в переводе. Статья рассматривает проблемы текста и дискурса применительно в теории перевода. Уточняется понимание дискурса, его вертикальные и горизонтальные разновидности, прагматические характеристики текстов отдельных жанров. Доказывается, что культурная асимметрия обуславливает различия в парадигме текстов и доминирующих функций дискурсов, сохранение которых при переводческой трансляции способствует адекватной идентификации и интерпретации типа дискурса.

Ключевые слова: текст, дискурс, теория перевода, вертикальные и горизонтальные разновидности дискурса, культурная асимметрия, адекватный перевод.

В.В. Демецька. Дискурс і текст у перекладі. Стаття розглядає проблеми тексту і дискурсу стосовно теорії перекладу. Уточнюються розуміння дискурсу, його вертикальні й горизонтальні різновиди, прагматичні характеристики текстів окремих жанрів. Доводиться, що культурна асиметрія зумовлює відмінності в парадигмі текстів і домінуючих функцій дискурсів, збереження яких при перекладацькій трансляції сприяє адекватній ідентифікації та інтерпретації типу дискурсу.

Ключові слова: текст, дискурс, теорія перекладу, вертикальні і горизонтальні різновиди дискурсу, культурна асиметрія, адекватний переклад.

V. Demetskaya. Discourse and text in translation. This article focuses on the problems of text and discourse in connection with the theory of translation. The concept of discourse, its vertical and horizontal varieties, pragmatic features of texts of different genres are specified. It is proved that cultural asymmetry stipulates distinctions in the paradigm of texts and dominant discourse functions. Their preservation in translation stipulates adequate authentication and interpretation of the type of discourse.

Keywords: text, discourse, theory of translation, vertical and horizontal varieties of discourse, cultural asymmetry, adequate translation.

Появление в конце 20-го века проблемы «лингвистической интерпретации человека» [Дуличенко 1996: 124–131] привело к более тесному взаимодействию лингвистики с другими антропоориентированными дисциплинами и последующему проникновению лингвистической информации в другие сферы знаний. Этот процесс способствовал **актуализации** в научном пространстве

лингвистики текста, семиотики, лингвопрагматики, теории коммуникации и межкультурной в частности, теории перевода, теории дискурса, методологическая база которых строится с учетом таких экстралингвистических факторов, как развитие средств коммуникации, связи, информационных технологий, глобализации, универсализации и т.д. [Арутюнова 1990: 136–137].

Очевидно, что такая парадигма подходов потребовала решения целого ряда теоретических и практических вопросов, связанных с разграничением понятийного аппарата, описанием методологических и лингвистических основ, разработки концептуального и терминологического метаязыка. Интегративная сущность лингвистической теории текста, коммуникации, лингвистики дискурса [Ревзина 1999: 25–33], а в нашем случае – и теории перевода, определяет **цель** данной статьи – установление дифференциального объекта их исследования применительно к переводоведению, начиная с уточнения самого термина «дискурс».

Впервые появившись в контексте прагматического описания функционирования языка во второй половине 20-го столетия, термин «дискурс» трактовался с учетом различных теоретических подходов, получая свое дальнейшее распространение, однако, и сейчас не существует общепризнанных дефинитивных параметров дискурса, которые полностью раскрывали бы его сложную когнитивную иерархию и коммуникативную специфику.

Регистр значений термина «дискурс» изменялся в соответствии с развитием лингвистической семантики текста. С точки зрения семиологического подхода к изучению языка понятие «дискурс» осознавалось вторым маркированным членом сосюровской оппозиции «язык – речь» [Якобсон 1996: 357–377] с акцентом на получателя сообщения [Бенвенист 1974: 446; Гаспаров 1996: 352; Серио 1999: 337–383].

Родоначальником современной теории дискурса по праву считается голландский ученый Т. ван Дейк, который на основе работ Лакоффа, Филмора, Серля [Lakoff, Hedges 1973: 458–508; Searle 1970: 204] в области лингвистической прагматики установил существование не только связанной последовательности предложений как семантической макроструктуры текста, но и связанной последовательности речевых актов – как прагматической макроструктуры текста [Дейк 1989: 312]. По сути Т. ван Дейк наметил интегральную связь языка – речи (текста как ее материального проявления) – коммуникативной ситуации и получателя, адресата.

В то время трактовка термина «дискурс» сводилась к понятию сети эквивалентности между фразами или «цепочками фраз как высказываний, сверхфразовых единиц...и связанной с ними ситуации» [Селиванова 2002: 336; Harris 1969: 43–59], «связной последовательности предложений или речевых актов» [Дейк 1989: 8]. Таким образом, термин «дискурс» впервые был вписан в социальный контекст функционирования языка.

Пожалуй, наличие именно социального контекста или коммуникативной ситуации как основополагающего критерия идентификации дискурса не вызывает сомнений в рамках современного подхода к изучению этого явления. Действительно, большинство отечественных и зарубежных ученых согласны с тем, что «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Арутюнова 1990: 136–137; Караулов, Петров: 8; Селиванова 2002: 3]. В широком понимании термин «дискурс» используется при обозначении различных видов речевой деятельности, связность и осмысление которых происходит с учетом всей совокупности не только языковых факторов [Арутюнова 1990: 414].

В основу современных описаний дискурса положено разнообразие теоретических и методологических подходов, отражающих концептуальность этого термина для исследований в области лингвопсихоментальной деятельности человека. Так, дискурс как следствие открытости языковой системы, проявляющейся во взаимодействии знакового и реального миров, представляется Т. ван Дейку «коммуникативным событием» [Дейк 1989: 121], американской исследовательнице Д. Шиффрин – интегративными устными и письменными высказываниями, взятыми в отдельном контексте [Schiffirin 1994: 470].

Несомненно, в этих суждениях заложен коммуникативный аспект понимания дискурса. Это даёт основания рассматривать дискурс как коммуникативную ситуацию, интегрирующую текст с другими ее составляющими [Nunan 1993: 6-7]. И, поскольку речь идет преимущественно о коммуникативной ситуации, коммуникативном «модусе дискурса» (термин В. Бурбело) [Бурбело 1999: 36], как его дифференциальном признаке, мы подразумеваем, наряду с текстом, и наличие субъекта высказывания, адресата, момент и определенное время ситуации [Шевченко 2005: 356].

Обязательное наличие в дискурсе актантов коммуникации – адресанта и адресата – актуализирует тексто-дискурсивную категорию адресованности, которая, в свою очередь, детерминирует лингвистические механизмы дискурса. Адресованность рассматривается как текстовая категория, отражающая в семантике и структуре текста его определенную направленность на адресата коммуникации, которая задает тексту определенную интерпретационную модель как семантическая база текстовой рецепции [Воробьева 1993: 199]. Подобная направленность на адресата характерна для дискурса в целом [Мышкина 1991: 213].

С точки зрения категории адресованности концептуальный лингвистический каркас дискурса формируется на основе когнитивных и коммуникативных механизмов [Караулов, Петров 1989: 5–11; Колегаева 1991: 120, Мышкина 1991: 213]. Коммуникативные механизмы выражаются в использовании тех или иных коммуникативных стратегий и тактик [Колегаева 1991: 120], «моделей ситуаций» [Дейк 1989: 312], необходимых адресату в качестве основы интерпретации текста. Когнитивные механизмы включают в

себя аспекты ментального понимания дискурса, которые служат своеобразным «триггером», запускающим и направляющим процесс когнитивной обработки текста адресатом [Колегаева 1991: 120]. Коммуникативная направленность дискурса, его адресованность, позволяет привлечь к его изучению множество собственно коммуникативных, социальных и других экстралингвистических факторов [Весна 2002: 18; Протасова 1999: 142–155; Taylor 1995: 304; Taylor, Telbot 1997: 239].

Г.Г. Кук в книге «Дискурс» отмечает наличие трех контекстов дискурса: текстуального, социального, психологического [Cook 1994: 324]. Текстуальность дискурса свидетельствует о значимости текста для адресата: чем большее значение для адресата приобретает текст, тем интенсивнее он будет обрабатываться и тем лучше он сохранится в памяти адресата. Подобный когнитивный анализ единиц дискурса позволяет установить, для какой аудитории («своей» или «чужой») был написан текст, какую цель преследовал автор и, какого эффекта он достиг [Макеева 1998: 37–53].

Один из концептуальных подходов к изучению дискурса связывают с объединением в дискурсе вербальных и невербальных компонентов, соотношение которых предопределяет разграничение в дискурсе собственно текста как языкового, вербализованного, материального компонента и невербальных единиц, связанных с интерпретационным базисом адресанта/адресата, который охватывает социокультурные, этнопсихологические, прагматические и другие составляющие [Александрова 1999: 9-13; Арутюнова 1990: 136–137; Кравченко 2000: 3–9; Dirven, Verspoor 1998: 301].

С точки зрения лингвистической прагматики вербальные и невербальные компоненты имеют разные потенциалы воздействия с прогнозируемой эксплицитной и имплицитной формами актуализации и могут быть отнесены в регистр, соответственно, коммуникативных и когнитивных лингвистических механизмов дискурса [Кравченко 2000: 3–9].

С определенной долей уверенности можно говорить о том, что вербальная форма коммуникации по своей сути явление абстрактное, идеальное. В прагматическом смысле процесс когнитивной обработки дискурса и его интерпретация адресатом предполагают известную интерференцию вербального компонента с невербальным (непрерывная работа сознания человека), побуждая его к определенному (запрограммированному, заранее смоделированному) ответному действию [Грайс 1985: 217–237].

Рассмотрение понятия дискурса в аспекте его семантики и структуры позволяет утверждать, что в современной лингвистике и теории коммуникации под дискурсом понимаются «единицы и формы речи» [Протасова 1999: 144]; «связный текст в совокупности с экстралингвистическими <...> факторами» [Арутюнова 1990: 136–137]; «связный текст; устно-разговорная форма текста; диалог; группа высказываний, связанных между собой по содержанию; речевое соединение как данность – письменное или устное» [Николаева 1978: 33]; «совокупность высказываний, относящихся к определенной проблематике и

рассматриваемых во взаимосвязи с этой проблематикой» [Гром'як, Ковалів 1997: 201]; «связный текст в контексте многих конституирующих и фоновых факторов» [Шевченко 2005: 356]; «коммуникативное событие, ситуация...» [Селиванова 2002: 336]; «вербализованная и используемая для коммуникации (в широком смысле) совокупность соответствующих языковых знаний и стратегий» [Булатова 1999: 34]; дискурс как «текст в ситуации» [Серажим 2002: 392].

Приведенные фрагменты дефиниций, безусловно, не исчерпывают всего спектра существующих в отечественной и зарубежной прагмалингвистике и теории коммуникации определений дискурса, однако, с некоторой долей уверенности можно утверждать, что они в целом отражают академический взгляд ученых на это явление.

Представляется очевидным, что большинство ученых-теоретиков дискурса, выбирая основной референт данному понятию, руководствуются задачами научной дисциплины, в рамках которой они призваны решить теоретические и практические задачи. С позиций переводоведения модель прагматической ситуации воздействия, принципы и категории ее лингвистического и экстралингвистического формирования выступают основным, если не единственным, критерием дифференциации дискурсов по степени их прагматичности. Разумеется, самой ситуацией восприятия, ее участниками программируется реализация дискурса в том или ином типе текста. Отчасти это зависит от доминанты одной из «точек зрения», латентно высказанных в дискурсе.

Дискурс как семиотический процесс представляется дихотомией «текст и экстралингвистические факторы», поскольку «источником информации о дискурсе является текст, письменный и устный» [Булатова 1999: 34]. И, если предположить, что инвариантными признаками дискурса представляются текст (предлагаемые всевозможные комбинации смежных явлений нами не анализируются) и экстралингвистические факторы, определяющие статус коммуникативной ситуации, то с точки зрения теории адаптации особый интерес представляет процесс идентификации дискурсов и текстов с учетом асимметрии культур.

Итак, дискурс как коммуникативный процесс отражен формулой «текст и действие». В этом отношении примечательным в дискурсе с прагматической точки зрения будет коммуникатор или адресант и текст, смоделированный в расчете на модель мира аудитории, а не на индивидуального реципиента. Реально коммуникатор (адресант) передает не сообщение, информацию, а «ключ», приводящий в действие психологические механизмы социума, которые максимально соответствуют запрограммированной им модели поведения. Обобщая, можно сказать, что подобный подход к описанию дискурса вполне отвечает остроумной фразе М. Фуко – «...говорить можно не все, говорить можно не обо всем, говорить можно не всем и не при любых обстоятельствах» [Фуко 1996: 51]. Это же утверждение вполне применимо и к работе

переводчика, который особенно при трансляции прагматических текстов и дискурсов, должен сознательно делать выбор между переводческими и адаптивными стратегиями в зависимости от типа дискурса/текста, близости/дальности языков, культур и учета возможной, прогнозируемой реакции аудитории.

Дискурс – медиатор между аудиторией и текстом [Новикова 2005: 432]. К разряду наиболее культуроспецифических дискурсов можно отнести политический и религиозный дискурсы потому, что именно они реализуют в полном объеме идеологическую, историческую и национальную составляющие той или иной культуры.

Имплицативным для любой идеологии является стремление к установлению светского и религиозного лидерства. Привычные для нас определения идеологии и свойственные западному менталитету представления об идеологии сходятся на том, что это некий набор (set), система идей и/или верований (beliefs) [Тер-Минасова, 2000: 194]. Основным для нас представляется латентное стремление идеологии устанавливать в обществе определенные светские и религиозные нормы или директивы, позволяющие осуществлять метасемиотический глобальный контроль за процессами, которые, так или иначе, протекают в различных социально активных сферах. Функциональное подразделение идеологии на светскую и религиозную сферы реализуется посредством принципа секуляризации и предполагает их диверсификацию, закрепленную в терминах культуры. Понятие светской культуры основано на рационалистических размышлениях, базой которых являются «продуктивные достижения и открытия науки при отрицании, как правило, различных религиозных культов» [Хоруженко 1997: 431]. По мере своего исторического развития религия, не отказываясь от решения мировоззренческих задач, приобретает все более выраженные социально-регулятивные и общеидеологические функции [Флиер 2000: 227–229]. Возможным поэтому становится принципиальное разграничение (светской) культуры и религии по принципу конвенции, предложенной А. Флиером: «в культуре доминирует социальная конвенция между людьми, выраженная преимущественно в форме традиции, а в религии действует сакральная конвенция (договор) между Богом и людьми, выраженная в той или иной форме самого религиозного учения» [Флиер 2000: 227].

Таким образом, идеология представляется системой формирования моделей политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов социума, концептуальная структура которой в большей мере определяется прагматическими, социокультурными характеристиками дискурсов.

Говоря терминами лингвистической прагматики, перед нами прагматическое по своей сути коммуникативное поле, которое, с одной стороны, конденсирует все возможные дискурсы/тексты, группирует их по двум направлениям функционирования – светскому и религиозному, а с другой

стороны, генерирует, порождает новые прагматексты в рамках дискурсов, руководствуясь системой (внешних и внутренних) запретов и исключений.

Оппозиция «светский – религиозный» может быть уточнена с позиций анализируемых дискурсов как «социальный-религиозный», поскольку политический дискурс реализует высшую социальную власть, а религиозный – высшую сакральную власть. Разумеется, что степень реализации власти актуализируется по-разному во всех типах текстов, входящих в дискурс, однако, наиболее четко она проявляется в прагматических типах текстов. И это объясняется тем, что прагматекст – это тот тип текста, который рассчитан на изменение поведения адресата. Задача прагматекста заключается не только в том, что адресат должен понять текст и его почувствовать (информативная функция), а прежде всего в том, чтобы адресат действовал в соответствии с программой, предложенной адресантом (волюнтативная, директивная функции). Этот подход предопределяет и парадигму прагматических типов текстов в обоих дискурсах, к которым относятся: учебный тип текста (политология, гомилетика), политическая речь и проповедь, рекламный текст. Но, если набор прагматических типов текстов в обоих дискурсах совпадает, и в обоих дискурсах реализуется концептосфера власти, возникает вопрос: есть ли какое-то существенное отличие в функционировании политического и религиозного дискурсов, и как это соотносится с проблемами выбора для переводчика между собственно переводческими и адаптивными стратегиями?

Интерпретация или идентификация политического и религиозного дискурсов как «социальный – религиозный» невозможна без учета одного из основополагающих факторов переводоведения – асимметрии культур. Другими словами, переводческая адаптация невозможна без учета аудитории – «своей» или «чужой», на которую рассчитан дискурс/текст, какую цель он преследует и, какую реакцию ожидает получить адресант.

Сопоставляя функционирование дискурсов в атлантической и восточнославянской традициях, обычно исходят из предположения, что для обеих культур политический и религиозный дискурсы интерпретируются и идентифицируются примерно одинаково и, если и существуют определенные различия, то они не носят принципиального характера и могут быть отнесены на счет разности языков и культур и, соответственно, решаются переводчиками в частном порядке без широкого привлечения переводческих адаптивных стратегий. Для того, чтобы доказать обратное, нам необходимо остановиться на тематическом контексте, единицы которого участвуют в формировании целостности дискурсивного поля [Арутюнова 1990: 136-137; Белова 2002: 136–137; Булатова 1999: 34–49; Бурбело 1999: 36; Весна 2002: 18; Демьянков 2002: 32–43; Проскуряков 1999: 34–49; Ревзина 1999: 25–33; Серажим 2002: 392; Шейгал 2004: 326]. Иначе говоря, тематика объединяет типы текстов, входящих в тот или иной дискурс.

Действительно, если для вычленения дискурса опираться на тематический критерий, то парадигма прагматических текстов политического дискурса

логично завершается рекламным типом текста, ибо и в атлантической, и в восточнославянских традициях политический рекламный тип текста занимает прочное положение как наиболее прагматический. То же можно сказать и в отношении религиозного дискурса в рамках атлантической традиции: в основе разграничения дискурсов в атлантической традиции положен принцип различия в тематике, поэтому естественным представляется и наличие в парадигме типов текстов и рекламы религиозной тематики.

Для атлантической традиции политический и религиозный рекламные тексты – это тексты разной тематики, а в восточнославянской традиции рекламные тексты религиозной тематики маркируются как значимо отсутствующие. Принципиальная разница заключается в том, что для восточнославянской традиции (православия) религиозный дискурс воспринимается не просто как особый тематический, но и особый онтологический дискурс: различаются мирские и сакральные дискурсы, где ощутимо разделение профанного и сакрального, при котором это не просто другая тематика текстов, а другая парадигма текстов. И эта парадигма текстов не может включать рекламные тексты религиозного характера (ср., например, реклама пороков и добродетелей). В пределах восточнославянской традиции отличие религиозного от «нерелигиозного» дискурса заключается в разной степени авторитетности, в атлантической – разной тематике. Степень авторитетности формирует вертикаль дискурсов, разность тематик – горизонталь. Таким образом, можно назвать два критерия определения дискурса: если дискурс анализируется по горизонтали, основным критерием выступает тематический, а если по вертикали – критерий авторитетности определяет место того или иного дискурса в пределах всего дискурсивного поля в рамках одной культуры.

Если при переводческой работе с дискурсами за отправную точку принимать положение о «вертикальном» расположении дискурсов в пределах восточнославянской традиции, приходится констатировать, что и переводческая адаптация имеет свои границы. Это особенно очевидно для типов текстов религиозного дискурса.

Степень прагматического потенциала резко возрастает в тех типах текстов, в которых максимально полно реализуются культурно обусловленные приоритеты и суперценности (в восточнославянской культуре – это проповедь). Именно поэтому при трансляции данного типа текста переводчику недостаточно собственно переводческих, репродуктивных стратегий: он работает с достаточно высоким уровнем ценностной шкалы православия. Для достижения адекватной реакции реципиентов переводчику необходимо прибегнуть к переводческим адаптивным стратегиям. Сознательные или неосознанные изменения ценностной шкалы могут привести к тому, что реципиент воспримет целевой текст не как адаптацию, а как «переворачивание» ценностной оси в том случае, если запретное, табуированное или кощунственное значение выдается за норматив. И тогда, к примеру, проповедь

может восприниматься не как не-проповедь, а как антипроповедь. В этом смысле принципиально невозможна переводческая адаптация рекламного текста религиозного характера атлантической традиции, поскольку в нормативном сознании носителя восточнославянской культуры рекламный текст воспринимается не как текст, а как антитекст.

Для атлантической традиции существование рекламного текста в религиозном дискурсе свидетельствует о том, что в этой культурной традиции, по-видимому, не существует разграничения по принципу мирской – сакральный дискурс. Для них актуально разграничение по тематическому критерию, поэтому религиозные и торговые рекламные тексты – это тексты разной тематики, но не разной структурно-композиционной и лексико-семантической организации.

Таким образом культурная асимметрия, обуславливает не только принципиальное расхождение в парадигме текстов, но также и определяет систему доминирующих функций дискурсов, сохранение которых при переводческой трансляции способствует адекватному восприятию того или иного типа дискурса, т.е. адекватную его идентификацию и интерпретацию. Сказанное открывает **перспективы** продолжения переводческих исследований в области дискурсов и текстов отдельных типов на материале различных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О.В. Проблема дискурса в современной лингвистике / О.В. Александрова // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. – Калининград: Калинингр. ун-т, 1999. – С. 9–13.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
3. Белова А.Д. Поняття “стиль”, “жанр”, “дискурс”, “текст” у сучасній лінгвістиці / А.Д. Белова // Вісник “Іноземна філологія”. – К.: КНУ, 2002. – Вип. 32-33. – С. 11–14.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 1974. – 446 с.
5. Булатова А.П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе / А.П. Булатова // Вестн. Моск. ун-та. Сер.9: Филология. – 1999. – №4. – С. 34–49.
6. Бурбело В.Б. Художній дискурс в історії французької мови та культури 9-18 ст.: Автореф. дис... доктора філол.наук / В.Б. Бурбело. – К., 1999. – 36 с.
7. Весна Т.В. Ідеологічний та національно-культурний компонент в семантичній структурі лексики політдискурсу (уа матеріалі франко-російськомовної преси 90-х років): фвтореф. дис. ... канд. філол. наук / Т.В. Весна. – Одеса, 2002. – 18 с.

8. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата / О.П. Воробьева. – К.: Вища школа, 1993. – 199 с.
9. Гаспаров Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
10. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
11. Дейк Т.А. ван. Язык. Понимание. Коммуникация: Пер. с англ. / Т.А. ван. Дейк / Сост. В.В. Петрова / Под ред. В.И. Герасимова / Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
12. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – № 3. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 32–43.
13. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен / Под общ. ред. Шевченко И.С.: монография / Перевод с укр. – Харьков: Константа, 2005. – 356 с.
14. Дуличенко А.Д. О перспективе лингвистики XXI / А.Д. Дуличенко // Вестник МГУ. Сер. философия. – 1996. – № 5. – С. 124–131.
15. Караулов Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю.Н. Караулов, В.В. Петров // Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ.: сб. работ / Сост. В.В. Петров / Под ред. В.И. Герасимовича / Вступ. статья Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5–11.
16. Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации / И.М. Колегаева. – Одесса: Изд-во ОГУ, 1991. – 120 с.
17. Кравченко А.В. Естественнонаучные аспекты семиозиса / А.В. Кравченко // Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 3–9.
18. Літературозначий словник-довідник / Сост. Р.Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів та інш. – К.: ВЦ “Академія”, 1997. – 752 с.
19. Макеева М.Н. Теоретическое обоснование общих проблем герменевтики / М.Н. Макеева // Антропоцентрический подход к языку: межвуз. сб. науч. тр. : В 2 ч.-Пермь:Пермский ун-т, 1998. – Ч.1. – С. 37–53.
20. Мышкина Н.Д. Динамико-системное исследование смысла текста / Н.Д. Мышкина. – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1991. – 213 с.
21. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. № 8. – С. 29–47.

22. Новикова М.А. Міфи та місія / М.А. Новикова. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. – 432 с.
23. Проскуряков М.Р. Дискурс борьбы (очерк языка выборов) / М.Р. Проскуряков // Вестн. Моск.ун-та. Сер. 9:Филология. – 1999. – №1. – С. 34–49.
24. Протасова Е.Ю. Функциональная прагматика: вариант психолингвистики или общая теория языкознания? / Е.Ю. Протасова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 142–155.
25. Ревзина О.Г. Язык и дискурс / О.Г. Ревзина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1999. – № 1. – С. 25–33.
26. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учебное пособие / Е.А. Селиванова. – К.: Изд-во укр. фитосоциолог. центра, 2002. – 336 с.
27. Серажим К. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність (на матеріалі сучасної газетної публіцистики): монографія / К. Серажим / за ред. В. Різуна. – К.: Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, 2002. – 392 с.
28. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с франц. и порт. – М.: ОАО ИГ „Прогресс”, 1999. – С. 337–383.
29. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб.пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
30. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии / А.Я. Флиер. – М.: Академический Проект, 2000. – 496 с.
31. Фуко М. Порядок дискурса/ М. Фуко // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: Пер. с англ. / М. Фуко. – М.: Аспект пресс, 1996. – 581с.
32. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь / К.М. Хоруженко. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. – 640 с.
33. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
34. Якобсон Р. Лінгвістика і поетика / Р. Якобсон // Слово. Знак. Дискурс: Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. – Львів: Літопис, 1996. – С. 357–377.
35. Cook G. Discourse and Literature / G. Cook. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. – 324 p.

36. Dirven R. Cognitive Exploration of Language and Linguistics / R. Dirven, V. Verspoor. – Amsterdam (Philadelphia): John Benjamins Publishing Company, 1998. – 301 p.
37. Harris Z. Discourse Analysis / Z. Harris // Languages. – 1969. – № 13. – P. 43–59.
38. Lakoff G. A Study of Meaning, Criteria, and the Logic of Fuzzy Concepts / G. Lakoff, A. Hedges // Journal of Philosophical Logic, 1973, No. 2. – P. 458–508.
39. Nunan D. Introducing Discourse Analysis / D. Nunan. – London: Penguin, 1993. – 175 p.
40. Schiffrin D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford; Cambridge, MA, 1994. – 470 p.
41. Searle J.R. Speech Acts / J.R. Searle. – London: Cambridge Univ. Press, 1970. – 204 p.
42. Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory / J.R. Taylor. – L., N.Y.: Routledge, 1995. – 304 p.
43. Taylor J.R. Theorizing Language / J.R. Taylor, J. Telbot. – Pergamon, 1997. – 239 p.

Владислава Валентиновна Демецкая, доктор филол. наук, зав. кафедрой теории и практики перевода английского языка Херсонского государственного университета; e-mail: vdemetskaya@mail.ru

УДК 811.112

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГРАММАТИКИ
(на материале современного немецкого языка)
В.В. Козловский (Киев, Украина)**

В.В. Козловский. Когнитивно-прагматический аспект грамматики (на материале современного немецкого языка). В статье подчеркивается роль грамматики в целостном механизме формирования мысли, ее роль в реализации отношений между языковыми и мыслительными процессами, в интерпретации языковых знаков.

Ключевые слова: грамматика, когнитивно-прагматический аспект, мысль, язык.

В.В. Козловський. Когнітивно-прагматичний аспект граматики (на матеріалі сучасної німецької мови). У статті підкреслюється роль граматики в цілісному механізмі формування думки, її роль в реалізації відносин між мовними і розумовими процесами, в інтерпретації мовних знаків.

Ключові слова: граматики, когнітивно-прагматичний аспект, думка, мова.

V. Kozlovsky. Cognitive and pragmatic aspect of grammar (on the material of modern German). In this article the role of grammar in the integral mechanism of thought formation is underlined, its role in realization of relations between linguistic and cognitive processes, in interpretation of linguistic signs.

Keywords: grammar, cognitive-pragmatic aspect, thought, language.

Ознакомление с работами, в которых языковые факты изучаются в аспекте когнитивной лингвистики [Демьянков 1994; Кубрякова 1994; Поллюжин 2002; Попова 2007 и др.], позволяет сделать вывод о том, что **объектом** изучения в этих работах преимущественно выступают единицы лексического уровня, в то время грамматическим единицам, являющихся основой формирования и выражения мысли, должного внимания не уделяется. Это приводит к нарушению баланса в общей картине взаимодействия лексики и грамматики и к недостаточной интерпретации языковых единиц.

Изучение вопроса отношений между грамматикой и ментальными процессами обусловлено **целью** данной статьи – подчеркнуть роль грамматики языка в нашей жизни, оценить ее функцию в целостном механизме формирования мысли, репрезентации фрагментов знаний как реакции на окружающую действительность [Кубрякова 1994: 36; Поллюжин 2002: 12]. Такая постановка вопроса определяет **актуальность** темы статьи.

Тактика изложения материала основывается на двух теоретико-методологических положениях В. фон Гумбольдта. Первое положение определяет грамматическую единицу как операционную единицу ментального уровня: она служит средством организации мысли и только „потом” – средством выражения содержания (семантики); второе – подчеркивает связь формы языка с формами мышления и культурой народа. Мышление В. фон Гумбольдт представляет как „духовную деятельность” – как „Граматику” (*als Grammatik*). Грамматика в понимании В. фон Гумбольдта – это своего рода „манифестация духа” (*„Manifestation des Geistes”*), обобщающий метод, который служит цели построения мысли и ее понимания: *Die zu ihrem [der Sprachen – В.К.] Studium unentbehrliche Zergliederung ihres Baues nöthigt uns sogar sie als ein Verfahren zu betrachten, das durch bestimmte Mittel zu bestimmten Zwecken vorschreitet, [...]. Diese Arbeit nun wirkt auf eine constante und gleichförmige Weise. [...]. Sie hat zum Zweck das Verständniss. Es darf also Niemand auf andre Weise zum Andren reden, als dieser, unter gleichen Umständen, zu ihm gesprochen haben würde* [Humboldt 1963: 419].

Х. Штейнталь также считал, что грамматику следует понимать как „форму представления мысли“ (*... als Darstellungsform von Gedanken, die das Stoffliche und das Formale des Gedankens durch differente Formen in Erscheinung bringt ...*) [Steinthal 1968: 391]. Грамматические средства, подчеркивает он, это – формы, функция которых состоит в формировании мысли в виде так называемых „ментальных языковых структур”. Такая направленность языка – в первую очередь его грамматика – имеет общественный характер. Ментальные структуры создаются и закрепляются в языке по мере познания человеком окружающего мира [там же].

Принимая во внимания сказанное, подчеркнем, что **грамм атика языка представляет собой комплекс ментальных языковых структур – структурированных лингвистических единиц.** „Структурированный” означает *оформленный в соответствии с существующими в языке системными отношениями.* Такие единицы создают в совокупности инвентарь лингвистических единиц – слов, словосочетаний, словоформ, простых и сложных конструкций с разной степенью синтаксической связанности составных [Redder, Rehbein 1999: 9–10].

Конвенциональный характер языковых единиц определяет их символьное значение в рамках определенного контекста. Например, в группе единиц *Brot* (хлеб), *Salz* (соль), *Tag* (день), *Nacht* (ночь); *Held* (герой), *Tod* (смерть); *sterben* (погибнуть); *gut* (хороший), *schlecht* (плохой) фиксируются такие части речи, как имя существительное, глагол, прилагательное. Они могут образовывать разные классы грамматических форм и разные по количественным параметрам языковые структуры. Как показывает практика, эти единицы имеют высокую степень конвенциональности. Они превратились в лингвокультурные символы с достаточно эксплицитной представленностью. В виде символов они существуют в нашем сознании. Репрезентации символов (выражение

отношений между грамматикой и ментальными процессами) предшествует сигнал в виде намерения человека высказать задуманное.

Структурированный инвентарь лингвистических единиц объединяется в нашем сознании в „блоки“: *Brot und Salz* (хлеб и соль), *Tag und Nacht* (день и ночь), *den Heldentod sterben* (погибнуть смертью героя), *gut und schlecht* (хороший и плохой). Введенные в определенный контекст, эти блоки служат способом выражения конкретного смысла (и символа), который связан с конкретной картиной мира. Грамматика проявляет себя в том, что, во-первых, слова-блоки построены в соответствии с семантико-синтаксическими правилами, во-вторых, каждое слово находится в соответствующей морфолого-синтаксической форме. Изменение формы блока ведет к нарушению его структуры, что, в свою очередь, свидетельствует о значимости когнитивной структуры языковой единицы – как слова, так и всего блока.

Процесс интерпретации языковой единицы основан на том, что **выбору конкретной грамматической единицы предшествует конкретная когнитивная операция**. Это означает: выбор и употребление грамматической формы или конструкции – это умственная целенаправленная деятельность человека в конкретной ситуации взаимодействия. Например, употребление временной формы Perfekt .. *habe ... gelesen ...* (... прочитал ...); ... *ist ... gekommen ...* (... пришел ...) ассоциируется с фактом завершенности действия, прямой связью (контактом) момента речи и момента действия, что определяет актуальный характер предложения (высказывания). Семы „завершенность” и „актуальность” являются одновременно и ментальными единицами высокой степени конвенциональности. Они существуют в памяти участников интеракции в виде символических знаков, операционных единиц, выражения и восприятия факта завершенности определенного действия. Аналогичная когнитивная функция свойственна и другим временным формам (как ментальным структурированным единицам). Грамматические формы *Futur I* и *Präsens* служат не только средством выражения абсолютного будущего и абсолютного настоящего – в этом состоит их грамматическое значение (план содержание, семантика). Как ментальные единицы они вызывают у человека ассоциации: определенные представления жизни в форме так называемых фрагментов картин мира, которые носители языка представляют в рамках мыслительных процессов (операций) сознания. Например, абсолютное прошедшее / настоящее / будущее закреплены в сознании человека конкретными знаками в виде языковых форм – „лингвистических“ структур памяти. Человек оперирует ими, когда необходимо отреагировать на ту или иную команду: принять или отправить информацию о временных характеристиках объекта. То же самое можно сказать про грамматические конструкции: *wollen / sollen + Infinitiv I / II*, употреблению которых предшествуют мыслительные операции по выбору способа передачи „чужих слов“ (*Wiedergabe fremder Worte*) и „оценочного отношения говорящего к

содержанию передаваемого“ (*einschätzende Stellungnahme des Berichters zum Inhalt fremder Worte*):

Er will / soll wohl dieselbe Schule absolvieren.

Er will / soll dieselbe Schule absolviert haben.

Эти конструкции занимают в грамматической системе немецкого языка „отдельное“ место. Их употребление определяется условиями коммуникативной ситуации, когда необходимо: а) воспроизвести чужие слова, при этом б) выразить „негативное“ отношение говорящего к содержанию передаваемого (*сомнение / предположение*). В одном случае (с глаголом *wollen*) в роли подлежащего выступает то лицо, слова которого воспроизводятся, в другом (с глаголом *sollen*) – непосредственный автор в силу композиционных причин не называется, что в нашем представлении соотносится со структурами: *Man sagt, ... Es heißt, ... (Говорят, что ...)*. *Infinitiv I* и *Infinitiv II* – знаки, обозначающие „настоящее“ и, соответственно, „прошедшее“. „Заслуга“ грамматики состоит в том, что она зафиксировала и оформила конструкцию, определила для нее условия употребления. Иными словами, грамматика – благодаря системе категориальных отношений – „обеспечивает“ связи по линии *форма – значение*, открывает возможности реализации прагматических отношений по линии интенции говорящего, типа речевого действия (акта), реакции слушающего.

К специфическим для немецкого языка конструкциям относятся образования с модальными глаголами в претерите конъюнктива (*Präterit Konjunktiv*) (А), конструкции косвенной речи со сказуемым в форме презентного / претеритального конъюнктива (Б), устойчивые (*festige*) конструкции со сказуемым в форме претерита / плюсквамперфекта конъюнктива, кондиционалиса I (В), употребляемые для выражения „вежливого“ („дипломатического“) утверждения / просьбы / желания / вопроса / предложения и т.п. [Козловский 1997: 153–164]. Например:

(А) *Ich könnte Sie anrufen (Indikativ: Ich kann Sie anrufen)*

Wir müssten ihn einladen!

Er dürfte sich geirrt haben.

(Б) *Er sagte, dass seine Schwester nach Hamburg gefahren wäre /*

Er sagte, dass seine Schwester nach Hamburg gefahren sei.

Er sagte, dass seine Schwester nach Hamburg gefahren ist.

(В) *Es wäre alles.*

Ich hätte vierhundert Gramm Käse.

Ich hätte Sie gern gesprochen!

Wie wäre es mit einer Fahrt ins Grüne?

Знак как таковой соотносится с определенным значением. При этом знак и значение отображают в сознании человека определенные правила / условия / возможности употребления языковых форм. Например, грамматическая единица *könnte* (пример группы А) служит для выражения: а) действия, которое *может / или могло бы быть реализованным при определенных*

условиях, б) *возможности*, в сочетании с *вежливостью*. Сценарий формы *müsste* соотносится прежде всего с *предложением* в *вежливой* тональности, а формы *dürfte* – *вежливым (дипломатичным) утверждением*.

В памяти человека существуют структуры с устойчивыми представлениями поведения участников взаимодействия. Это приводит к созданию определенных образов (*Gestalten*). К таковым можно отнести грамматические структуры, служащие для репрезентации факта „воспроизведения“ чужих слов и соответствующих отношений между „непосредственным автором“ высказывания (*Urheber*), тем, кто его „передает“ (*Berichter*), и тем, кто его „принимает“ (*Hörer*) – (Б). Немецкий язык выработал устойчивые связи между языковым знаком и полем его функционирования: факт передачи „чужих слов“ находит выражение в употреблении формы конъюнктива (*Konjunktiv*).

С когнитивно-прагматической точки зрения употребление лингвистической единицы соотносится с целями, мотивами и ожиданиями говорящего. Процесс осмысления речевого действия включает также оценку ситуации реального общения, выбор конкретной языковой формы, приобщения ее к соответствующей структуре мышления. Осуществляется связь: содержание того, что говорящий „непосредственно говорит“ (семантическая структура) + цель + выбор языковой формы + грамматизация (оформление) + актуализация. Эти этапы отражают ментальные операции, которые человек сознательно совершает. Немецкие грамматики отмечают, что употребление претеритальных форм конъюнктива в предложениях косвенной речи (*Präterit / Plusquamperfekt Konj. / Konditional*) (1) может быть вызвано намерением говорящего подвергнуть чужие слова негативной оценке (сомнению, несогласию, отрицанию и др.), а употребление презентных форм (*Präsens / Perfekt / Futur I Konj.*) (2) – засвидетельствовать свое нейтральное отношение к содержанию передаваемого. Что касается формы индикатива в предложениях косвенной речи (3), то эта форма рассматривается как единица, которая может подчеркивать позитивное отношение говорящего („positive“ *Stellungnahme des Berichters*) к содержанию чужих слов (поддержка непосредственного автора, солидарность с его мнением и т.п.):

- (1) *Herr Lemke sagte, dass er im Park niemanden gesehen hätte.*
- (2) *Herr Lemke sagte, dass er im Park niemanden gesehen habe.*
- (3) *Herr Lemke sagte, dass er im Park niemanden gesehen hat /hatte.*

Интерпретация факта употребления форм конъюнктива и форм индикатива включает конкретные мыслительные операции со стороны говорящего и со стороны слушающего: для говорящего – это: 1) оценка ситуации, 2) выбор языковой единицы, 3) употребление языковой единицы; для слушающего – это: 1) прием информации, 2) ее оценка, 3) ответная реакция. Каждый шаг этих операций осуществляется благодаря: а) существованию в памяти структурированных языковых единиц, б) их конвенциональному

характеру, в) языковой и коммуникативной компетенции участников взаимодействия

Лингвистические структуры в границах ментальной деятельности ассоциируются с конкретными понятиями (образами), при этом сами ассоциации возникают на основе связи конвенционального значения лингвистической единицы и текста, в рамках которого она употребляется [Демьянков 1994]. Конвенциональный характер лингвистической единицы обусловлен стереотипами окружающего мира, реакцией на это со стороны человека и относительно высокой степенью частотности употребления этой единицы. Ассоциации, которые возникают во время употребления лингвистической единицы, в рамках определенного контекста приводят к символизации понятия. К корпусу таких единиц в немецком языке можно отнести устойчивые речевые формулы со сказуемым в форме претеритального конъюнктива. Например:

Da wären wir am Ziel ... – Вот мы и на месте ...

Wie wäre es mit einem Spaziergang? – Как насчет прогулки?

Ich hätte gern diese Schuhe ... – Я бы хотел (купить) эти туфли ...

Es wäre gut, wenn ... – Было бы хорошо, если ...

В основе „устойчивости” (*Festigkeit*) конструкций лежит фактор „частоты употребления“ (*Gebrauchlichkeit*) в языковой среде. „Устойчивость“ проявляет себя на структурном, психолингвистическом, прагматическом уровнях. Конструкции такого типа прошли долгий путь развития, что обусловило „кристаллизацию“ ее структурно-семантической основы. Двигательной силой „кристаллизации“ есть человеческий фактор, который на каждом этапе развития явления находил соответствующую языковую форму. Конъюнктивная структура этих образований – это инструмент познания ситуаций взаимодействия. Отображение задуманного осуществляется на фоне учета факторов лингвистического и экстралингвистического характера. Для адресата процесс познания ситуации осуществляется в виде восприятия услышанного (написанного) и понимания смысла (того, что имел ввиду / задумал адресант). Этапы взаимодействия основываются на конвенциональном характере языка как объективном факторе, общей и языковой компетенции адресанта и адресата – как факторе субъективном. Для адресанта субъективный фактор проявляет себя в том, что он сознательно и в соответствии с целью выбирает именно такую формулу, которая, по его мнению, должна привести к желаемому эффекту, а для адресата – в его умении распознать смысловую нагрузку этой формулы. Таким образом, ментальные структуры становятся оперативными системными единицами памяти, ментальным фондом, который находит свое отражение в психике человека. Как информационная единица она отражает результаты познания мира человеком, его знания и опыт [Попова 2007: 217].

Перспектива исследования данной проблемы на материале современного немецкого языка состоит в установлении целостной картины грамматикализованных структур, их систематизации та интерпретации с целью

получения соответствующих данных, что будет содействовать раскрытию качественных характеристик ментального мира индивида и коллектива [Дигоева 2000: 25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С.17–33.
2. Дигоева Э. В. Когнитивная прагматика как новое направление в изучении языка / Э. В. Дигоева // Когнитивные аспекты языковой категоризации. – 2000. – С. 25–26.
3. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
4. Козловский В.В. Предложения с конъюнктивом (структура, семантика, прагматика) / В.В. Козловский. – Черновцы: Рута, 1997. – 281 с.
5. Полюжин М.М. Когнітивно-прагматичні механізми іллокутивних моделей мовлення / М.М. Полюжин // Проблеми романо-германської філології. – 2002. – С. 9–16.
6. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова – М.: АСТ: „Восток – Запад“, 2007. – 314 с.
7. Humboldt, W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts / W. von Humboldt – Werke, Bd. III. – 1963. – S. 368–756.
8. Redder A., Rehbein J. Zusammenhänge von Grammatik und mentalen Prozessen / Angelika Redder, Jochen Rehbein // Grammatik und mentale Prozesse. – StauFFenburg Verlag, 1999. – S. 1–11.
9. Steinthal H. Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Prinzipien und ihr Verhältniss zueinander / H. Steinthal – Hildensheim: Olms. – 1968. – 528 S.

Козловский Виктор Владимирович, доктор филол. наук, профессор кафедры германской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; e-mail: vvkoz@yandex.ru

УДК 811.112

**ИНФОРМАЦИЯ:
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Г.Н. Манаенко (Ставрополь, Россия)

Г.Н. Манаенко. Информация: когнитивно-дискурсивное измерение. В статье рассматриваются различные трактовки понятия «информация»: атрибутивная, функциональная и методологическая. Антропоцентрическая парадигма когнитивной лингвистики и корректное применение информационного подхода к явлениям и процессам речемыслительной деятельности и коммуникации детерминируют релевантность методологической трактовки для языковых исследований, выполненных в рамках когнитивно-дискурсивного подхода.

Ключевые слова: информация, знание, сознание, познавательные и коммуникативные процессы.

Г.М. Манаснко. Інформація: когнітивно-дискурсивний вимір. У статті розглядаються різні трактування поняття «інформація»: атрибутивне, функціональне та методологічне. Антропоцентрична парадигма когнітивної лінгвістики і коректне застосування інформаційного підходу до явищ і процесів мовленнєво-розумової діяльності та комунікації детермінують релевантність методологічного трактування для мовних досліджень, виконаних у рамках когнітивно-дискурсивного підходу.

Ключові слова: інформація, знання, свідомість, пізнавальні та комунікативні процеси.

G.N. Manaenko. Information: cognitive-discursive dimension. This article discusses various interpretations of "information": attributive, functional and methodological. The anthropocentric paradigm of cognitive linguistics and adequate application of the informational approach to the phenomena and processes of speech-and cognitive activities and communication determine the relevance of the methodological interpretation for linguistic research carried out within the cognitive-discursive approach.

Key words: information, knowledge, consciousness, cognitive and communicative processes.

В современной науке первоначально информация понималась как сведения о чем-либо, передаваемые устным, письменным или каким-нибудь другим способом, а также сам процесс передачи или получения этих сведений. В дальнейшем трактовка этого понятия была расширена и включила обмен сведениями не только между людьми, но и между человеком и машиной, а

также обмен сигналами в животном и растительном мире. Уточнения и ограничения этого, скорее, интуитивного представления привели к естественнонаучному пониманию информации как меры организации саморегулируемых систем, как фактора снятия неопределенности в результате получения сообщений, передаваемых по каналам связи. Наиболее существенные результаты в области изучения процессов хранения, преобразования и передачи информации связаны прежде всего с именами К. Шеннона и Н. Винера, положивших начало новой науке об управлении и связях в природе и обществе – кибернетике. Значительный вклад в развитие математической теории информации внесли отечественные ученые А.Н. Колмогоров, В.М. Глушков и многие другие. Целью данной статьи является уточнение понятия информации относительно процессов речемыслительной деятельности и коммуникации.

Термин «информация» используется во многих специальных дисциплинах, но трактуется по-разному. Если в теории связи во главу угла ставится знаковая природа информации, а содержание (смысл) передаваемых сообщений значения не имеет, то в социологии, например, важны именно аксиологические свойства информации, т.е. свойства, связанные с ее ценностью, полезностью. Вопрос о содержании понятия «информация» весьма важен прежде всего потому, что область ее исследования лежит на стыке многих наук, таких, как информатика, кибернетика, лингвистика, психология, теория информации, психолингвистика, социология, компьютерная семиотика. Принципиально различные подходы представителей разных научных направлений к оценке и использованию тех или иных свойств информации затрудняют взаимопонимание, особенно при обсуждении вопросов, связанных с коммуникативными процессами в обществе, где понятие «информация» становится ключевым.

В последние годы исследования в области информационных проблем развития общества, включая и философские проблемы анализа роли информации и научных знаний в процессе эволюции человека и социума, приобрели особую актуальность. В основе исследований российских ученых лежит концепция ноосферы («сферы разума»). Этот термин был введен в двадцатых годах XX в. французскими учеными П. Тейяром де Шарденом, Э. Леруа и независимо от них выдающимся российским естествоиспытателем В.И. Вернадским. В развитие этой концепции большой вклад внесли К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, Н.В. Тимофеев-Ресовский, а также современные российские философы Н.Н. Моисеев, А.Д. Урсул. С общенаучных, философских позиций информация рассматривается в одном ряду с такими категориальными понятиями, как материя и энергия. По определению А.Д. Урсула, «информация есть передача, отражение разнообразия в любых объектах и процессах (неживой и живой природы)». Однако заметим, что в такой трактовке информация в универсальной формуле «материя = вещество + энергия + организация», по существу, просто подменяет

последнюю составляющую. Особенность информации, по мнению многих исследователей, заключается в том, что она может объективироваться, передаваться и вообще участвовать в различных формах движения, которые реализуются в природе и обществе.

В предисловии ко второму изданию антологии семиотики Ю.С. Степанов, обосновывая его необходимость и внесенные изменения, отметил: «... изменилась не наука (семиотика) – изменился *информационный мир* вокруг нее, семиотика лишь фиксирует это изменение, хотя отчасти она же и предсказала его, – на наших глазах создается *единый информационный мир*, подобный единому миру природы вокруг нас [Степанов 2001: 6]. При этом понятие *информационный мир*, или *инфосфера*, по сути, определяет физическую реальность и опирается на концепцию информации «как объективной сущности, объединяющей в себе материальное (физическое) и идеальное, структуру и функцию, в тесной взаимосвязи» [Новик, Абдуллаев 1991: 5]. Последнее утверждение весьма примечательно, поскольку само становление понятия информации в качестве общенаучного, как известно, проходило в полемическом противостоянии прежде всего двух его трактовок: атрибутивной, согласно которой информация предстает как необходимое свойство, присущее всем уровням материи, и функциональной, ограничивающей информацию в рамках функционального качества самоорганизующихся живых систем, т.е. информация понималась либо как физическое свойство или даже «вещь», либо как системная функция высокоорганизованной материи.

Современные лингвистические исследования также не обходятся без апелляции к данному понятию, достаточно в этой связи отметить, что дефиниции языка в наше время обязательно опираются на «информацию»: «Существенно, что язык, обладая внутренней цельностью и единством, является полифункциональной системой. Среди его функций важнейшими можно считать те, которые связаны с основными операциями над информацией (знаниями человека о действительности) – созданием, хранением и передачей информации...» [Кибрик 2001: 9]. Информация как базисное понятие теории информации получила в когнитивной лингвистике (одном из наиболее перспективных направлений современной науки), синтезирующей достижения традиционного языкознания, психолингвистики, теории информации и когнитивной психологии, широчайшее распространение и специфическую трактовку как «знания, репрезентируемого и передаваемого языковыми формами в коммуникации» [КСКТ 1996. 36]. Здесь же отмечается, что когнитивный поворот в науке «поставил в центр исследовательских интересов прежде всего когнитивную информацию как специфически человеческую информацию, приобретаемую в опыте познания мира при восприятии и обобщении этого опыта. Собственно предметом когнитивной науки является ментальная информация» [там же].

По данному положению необходимо заметить, что «когнитивный поворот» характеризует и отечественную теорию речевой деятельности, начавшую

складываться значительно раньше – в 20 – 30 годы XX века – прежде всего в исследованиях Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Н.И. Жинкина и многих других ученых. Понимание информации как сведений, снижающих неопределенность (и ее меру – энтропию), становится основополагающим в современных трудах представителей данной школы: «Под *сообщением* следует понимать некоторую относительно замкнутую информацию, передаваемую другим лицам. Сообщение коммуникативно по своей природе. Относительная замкнутость сообщения означает, что информация, являющаяся содержанием сообщения, представляет собой некую замкнутую систему или некий фрагмент знания, который может быть воспринят автономно от других частей совокупного знания, основываясь на общих фоновых сведениях и представлениях» [Супрун 1996: 20].

В целом же можно констатировать, что в таких областях гуманитарного знания, как языкознание, психолингвистика и когнитология, доминирует функциональная трактовка информации, которая, по наблюдениям А.В. Соколова, представлена двумя разновидностями: «*кибернетической*, утверждающей, что информация (информационные процессы) есть во всех самоуправляемых технических, биологических, социальных системах, и *антропоцентристской*, считающей областью бытия информации человеческое общество и человеческое сознание» [Соколов 1990: 14]. В указанных сферах науки, безусловно, представлена «антропоцентристская» функциональная трактовка информации, однако, с нашей точки зрения, «антропоцентризм» таких взглядов вовсе не реализация антропного принципа в познании мира, а, скорее, редукция понятия информации к понятию социальной информации: «Антропоцентристские взгляды... присущи обыденной речи и конкретным общественным дисциплинам (журналистика, педагогика, библиотековедение и т.д.), но не чужды они и философскому мышлению. Актуальность антропоцентристским трактовкам придает дискуссия вокруг искусственного интеллекта, где обсуждаются проблемы «информация и знание», «язык и компьютер» и т.д.» [Соколов 1990: 16]. Причем, как отмечает А.В. Соколов, соотношения между ключевыми понятиями информации и знания и их интерпретация при различных подходах оказываются не только неоднозначными, но и внутренне противоречивыми.

Так, не находит своего разрешения соотношение информации и знания (при функциональном понимании информации) через категории объективного и субъективного в философском аспекте. Не снимаются противоречия и при деятельностном подходе, наиболее актуализированном в современных лингвистических исследованиях и в соответствии с которым информация – это обозначение определенного состояния знания, т.е. знания в коммуникативной форме, «движущегося», транспортируемого, поскольку, по меньшей мере, странно считать, что без использования (передачи и обработки) знание само по себе «не информация». В логическом аспекте разведение понятий «данные» – «информация» – «знание», по сути, ничего не дает, т.к. любое «знание» как

«информация» всегда предстает в виде «данных». Семиотический же подход приводит к противоположным, но взаимообратимым суждениям: о знании как данной в ощущениях информации, принявшей знаковую форму, формализованном знании [Логический словарь 1994: 47], и, наоборот, информации как знанию, воплощенном в языковых формах [КСКТ 1996: 47], что обусловлено приоритетностью анализа либо познавательных, либо коммуникативных процессов и оставляет за пределами «знания» / «информации» чувственные образы, эмоции, установки, практические умения, не поддающиеся вербальной репрезентации. (Кстати, такое положение в области искусственного интеллекта привело к кризису и поиску новых теоретических установок).

По мнению же А.В. Соколова, крайнее многообразие соотношения данных понятий предопределено тем, что функциональную и атрибутивную трактовки информации объединяет одна общая черта (вот, где их «взаимосвязь», откуда появляется «инфосфера») – «презумпция объективного, не зависящего от человеческого сознания существования информации» [Соколов 1990: 16 – 17]. По нашему глубокому убеждению, ничего «антропоцентристского» в подобных трактовках понятия информации нет, различие в них определяется лишь областью бытия информации в материальном, физическом мире. В научной же рефлексии таких интерпретаций понятия информации господствует системоцентрический подход. «Антропоцентризм» функциональной трактовки информации – чисто внешний, определяющий информацию лишь как свойство тех или иных высокоорганизованных и саморазвивающихся систем, соответственно и в зависимости от его «степени», в живых, социальных или антропогенных (научно-технических и художественных).

В концепции, развиваемой Д.И. Дубровским в философском аспекте, информация как «содержание сообщения» (по Н. Винеру), как содержание *отражения* на уровне самоорганизующихся систем «необходимо воплощена в материальном (точнее, субстратном, физическом) носителе, который выступает как ее код. Информация существует лишь как особое, функциональное свойство высокоорганизованной материальной системы» [Дубровский 2002: 128–129]. Соответственно, возможны четыре основные формы существования информации: 1) допсихическая (например, на уровне ДНК); 2) психическая, определяемая наличием субъективной представленности содержания информационного процесса; 3) анимально-опредмеченная, которая воплощена в продуктах деятельности и «следах» поведенческих актов животных (гнездо птицы, «орудия» обезьян, отпечатки лап на песке и т.д.); 4) социально-опредмеченная, охватывающая результаты деятельности человека [там же: 130]. При использовании информационного подхода, как считает Д.И. Дубровский, философскую категорию идеального можно представить «как данность информации в «чистом» виде и способность оперировать ею с высокой степенью произвольности» [там же: 132].

Специфика психической формы существования информации, по Д.И. Дубровскому, как раз и заключается в том, что, будучи «необходимо воплощенной» в определенных нейродинамических системах, в субъективной представленности своего содержания информация освобождена от необходимости отображения мозговых носителей, т.е. мозговые носители какой-либо информации для человека начисто элиминированы, им не ощущаются [Дубровский 2002: 32]. Хотя информация (любого типа), существующая только в кодовой форме, «включает и описание *кодовой зависимости*, т.е. связи данной информации с данным кодовым носителем», но «в принципе одна и та же информация – одна и та же по формальным, содержательным и ценностным характеристикам – может быть воплощена и передана посредством разных носителей, кодов – разных по пространственным, временным, субстратным, энергетическим и прочим физико-химическим характеристикам. Это мы называем *принципом инвариантности информации по отношению к свойствам ее носителя*» [там же: 129].

Пожалуй, даже неподготовленный читатель сразу заметит в этих теоретических положениях множество противоречий и языковых недоразумений. Так, получается, что информация, являясь содержанием сообщения, в свою очередь, обладает своим содержанием, а значит, и формой. Включая же в свое содержание *описание кодовой зависимости*, информация, тем не менее, «инвариантна» к свойствам своего кодового носителя. «Представляя» в высокоорганизованной материальной системе некоторый значимый для нее объект, информация, по определению, является свойством этой системы. Отсюда следует, что, к примеру, анимально-опредмеченная информация, воплощенная в гнезде птицы, необходимо свидетельствует, что ее «кодовый носитель» есть живая самоорганизующаяся система, равно как и песок, содержащий информацию о поведенческом акте животного (отпечаток лапы), а также другие «следы» и результаты деятельности животных и людей. ДНК-РНК-белок обладает информацией о значимом объекте, которая как результат отражения *вторична* [Дубровский 2002: 133] по отношению к этому объекту.

В целом можно выделить на основе критерия «субъективной представленности содержания» два типа информации, однако при этом не ясно, характерно ли это качество анимально-опредмеченной и социально-опредмеченной формам ее существования. Если идеальное (информация, обладающая качеством субъективной представленности своего содержания) «характеризует именно живую мысль, а не отчужденное от личности содержание мысли, которое может быть представлено в самых разнообразных внеличностных, немозговых кодах (предметных, знаково-символических и других, существующих независимо от человека)» [Дубровский 2002: 141], то возникает вопрос: воплощена ли информация в своем отчужденном от личности виде в таких сугубо материальных, по Д.И. Дубровскому, явлениях, как тропизмы растений или процесс радиоактивного распада, ведь их «содержание» может стать (или уже когда-то было?) содержанием «живой»

мысли, т.е. содержанием информации «в чистом виде». Поскольку информационные процессы, в том числе протекающие в человеке и имеющие для него фундаментальное значение, осуществляются на допсихическом уровне [там же: 134], получается, что информация сама по себе может создаваться, храниться, передаваться и обрабатываться (!), т.е. выступать как активная и созидательная самодостаточная сущность, но не как функциональное качество другой сущности.

Не менее противоречива в этой концепции и языковая сторона «воплощения» информации о понятии информации. Если физический носитель информации выступает как ее код, то возникает вопрос: кто разработал этот код, поскольку «код» – это 1) система *условных* обозначений, сигналов, названий; 2) совокупность знаков (символов) и система правил, при помощи которых информация может быть представлена в виде набора из таких символов в информационных процессах; 3) *генетический* код – система «записи» (явная метафора – Г.М.) наследственной информации в молекулах нуклеиновых кислот [Современный словарь иностранных слов 1992: 285]. Если информация содержит *описание* своей кодовой зависимости, то не ясно, кто описывает эту зависимость; или же данное *описание* предстает (перед кем?) информацией об информации. Поскольку информация, по Д.И. Дубровскому, не только обладает формальными (синтаксическими), содержательными (семантическими) и ценностными (прагматическими) характеристиками, но и «может служить фактором управления, т.е. инициировать определенные изменения в данной системе на основе сложившейся кодовой организации» [Дубровский 2002: 137], то, в принципе, информация выступает здесь не просто как самодостаточная сущность, но даже как субъект, наделенный сознанием и волей, т.к. речевые характеристики типа «инициировать», «обрабатываться» приложимы только к нему. Такие параметры информации, как новизна, ценность, точность, полнота, достоверность и т.п. действительно предполагают субъекта, но таким субъектом может быть только человек.

Какой бы «формы существования» информации мы ни касались, везде необходимым образом проявляется человек как субъект, обладающий сознанием и волей. Так, У. Матурана отмечает: «Принято считать, что генетическая и нервная системы кодируют информацию об окружающей среде, и эта информация представлена их функциональной организацией. Это мнение не выдерживает критики. Генетическая и нервная системы кодируют процессы, специфицирующие процессы преобразований, начиная с исходных состояний, и декодироваться они могут лишь посредством актуализации последних, а не посредством *описаний* окружающей среды, выполненных наблюдателем и принадлежащих исключительно его когнитивной области» [Матурана 1996: 136]. И продолжает: «Понятие информации относится к степени неуверенности наблюдателя в своем поведении в области определенных им самим альтернатив, в связи с чем понятие информации может применяться только внутри его когнитивной области» [там же: 137]. Тем самым У. Матурана

показывает, что информацию создает сам человек и существует она лишь в области сознания познающего и общающегося субъекта. Иначе говоря, вне человека и его деятельности информации в любом виде не существует.

В неявной форме это положение находило свое воплощение и в трудах других исследователей, в частности у Р.И. Павилёниса: «Еще до знакомства с языком человек в определенной степени знакомится с миром, познает его; благодаря известным каналам чувственного восприятия мира он располагает определенной (истинной или ложной) информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания. Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система как система определенных представлений человека о мире. Построение такой системы до усвоения языка есть невербальный этап ее образования. На этом этапе человек знакомится с объектами, доступными непосредственному восприятию.

Знакомство с языком для такой системы, как и знакомство с любым другим объектом познания, предполагает различение и отождествление его выражений. Оно означает построение определенной информации о нем как определенном объекте, что возможно только на базе информации, которая уже содержится в концептуальной системе. Таким образом, информация, содержащаяся в концептуальной системе, служит как для восприятия (выделения в мире) определенных объектов, так и для выделения языка как особого объекта: осуществляемое концептуальной системой их соотнесение есть кодирование языковыми средствами определенных фрагментов, «кусков» концептуальной системы. Дальнейшее усвоение информации о языке означает усвоение его грамматики как средства оперирования выражениями языка. Последнее – ввиду прикрепленности языковых выражений как кода к определенным фрагментам концептуальной системы – означает манипулирование содержащейся в ней информацией, что приводит к построению в ней такой информации, которая неконструируема без языка и которая дает возможность выйти за пределы непосредственного опыта. При всем этом любая новая информация становится частью концептуальной системы, если соблюдается последовательность ее образования в данной концептуальной системе» [Павилёнис 1983: 100–102].

Аналогичное понимание соотношения непосредственного опыта и языковой деятельности при образовании информации встречается и у А.В. Кравченко: «На определенном этапе развития организма его встраивание в среду (информирование) завершается в том смысле, что большая часть его возможных взаимодействий со средой уже репрезентирована совокупностью специфических состояний активности нервной системы (элементарных репрезентаций), и каждая новая репрезентация взаимодействия со средой активизирует существующую мнемоническую структуру, составным компонентом которой является элементарная репрезентация взаимодействия с

определенным языковым объектом. Поскольку взаимодействие с концептами как сложными репрезентациями взаимодействий со средой осуществляется на уровне репрезентаций взаимодействий с языковыми объектами, входящих составной частью в сложные репрезентации, постольку система репрезентаций взаимодействий с языковыми объектами оказывает решающее влияние на общую структуру концептуальной (национальной) картины мира» [Кравченко 2002: 244].

Следовательно, информация – это не особое явление материального мира или функция высокоорганизованных и саморазвивающихся систем, а продукт сознания, абстракция, позволяющая синтезировать в описании познавательные и коммуникативные процессы. Таким образом, «полярными воззрениями на природу информации являются не атрибутивная и функциональная концепции, как думали раньше, а «онтологическое» и «методологическое» их понимание» [Соколов 1990: 18], обусловленные, соответственно, системоцентрическим и антропоцентрическим подходами. В пользу «методологического» понимания информации свидетельствует тот факт, что нет таких реалий, в отношении которых можно было бы утверждать, что нечто и есть информация, а не сообщение, знание, отражение, структура, сигнал и т.п., поскольку информация не дана нам в ощущениях.

Так как понимание природы информации опосредовано значениями языковых выражений, которые, в свою очередь, детерминированы самой языковой картиной мира, представляется необходимым рассмотреть языковое «воплощение» понятия информации. Прежде всего отметим, что в русском языке *информация* – это отглагольное существительное [Тихонов 1990: 396], которое обладает а) значением отвлеченного процессуального признака и может иметь б) вторичное значение результата действия [Русская грамматика 1982: 161, 197], что уже раскрывает не онтологическую, а процессуальную (предполагающую деятельность активного субъекта) основу формирования понятия информации. В словаре Ожегова *информация* – это «Сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-н.» [Ожегов 1961: 246]; в словаре иностранных слов – «1) сообщение о чем-л.; 2) сведения, являющиеся объектом хранения, переработки и передачи; 3) в математике, кибернетике – количественная мера устранения неопределенности (энтропии), мера организации системы ...» [Современный словарь иностранных слов 1992: 246]. Т.е. в словаре Ожегова и во втором значении из словаря иностранных слов закреплено вторичное значение «результат действия», первое же значение из этого словаря – «отвлеченный процессуальный признак». (Третье значение – терминологическое, ограниченное сферой применения и затрагивающее меру носителя информации).

Еще более наглядна картина в языке-источнике – латинском, где у слова *informātio* зафиксированы следующие значения: «1) разъяснение, изложение, истолкование; 2) представление, понятие; 3) осведомление, просвещение». Здесь в первом значении даны номинации деятельности: говорящего –

«изложение» (организация сообщения), слушающего – «истолкование» (интерпретация сообщения) и наблюдателя («стороннего» сознания) – «разъяснение» (представление сути двух процессов). Во втором значении отражены знаковый способ осуществления («представление») и конечный результат («понятие») данных видов деятельности; в третьем определено с позиции наблюдателя назначение этих видов деятельности в коммуникативном («осведомление») и познавательном («просвещение») аспектах семиозиса.

Надо отметить, что не только словарные данные, но и другие языковые средства, используемые при описании понятия информации, сигнализируют об обязательном присутствии активного субъекта – познающего и общающегося человека. Информация не может быть «ценной» сама по себе – должен быть *кто-то*, для кого существенна прагматическая сторона информации; *кто-то* должен быть и для того, чтобы создавать, хранить, передавать и обрабатывать информацию. Для «появления», материализации информации, как это ни парадоксально, необходимо когнитивное пространство – сознание, в котором она отображается как результат деятельности живой системы, ее взаимодействий с окружающим миром, что и является неуловимым «содержанием» информации. Для человека – активного субъекта – информация суть все то, что релевантно координирует со структурами его когнитивного пространства и развивает их, то, что усиливает его адаптационные возможности как «живой» системы и повышает эффективность его взаимодействий с другими сущностями. Вне сомнений, информация – это и отношение (позиция) субъекта к актуализированному при познании и коммуникации «содержанию» – предметной деятельности, эмоциональным переживаниям и аффективным состояниям, знаниям и представлениям о мире и о себе. Таким образом, информация «существует лишь в плоскости сознания познающего субъекта» [Соколов 1990: 22].

Обосновывая первичность информационного подхода по отношению к понятию информации, А.А. Соколов предлагает следующую дефиницию последней: «Информация – базовое функциональное понятие информационного подхода, содержание и объем которого переменны и зависят от изучаемых отражательных и организационных явлений» [Соколов 1990: 22]. Утверждая в противоположность атрибутивистам, что отражение есть содержание информации, а не наоборот, ученый отмечает целесообразность использования информационного подхода при познании духовных процессов, «и тогда информация выступает как способ движения знаний, эмоциональных переживаний, волевых воздействий в пространстве и времени» [там же: 22].

Принимая такой подход к понятию информации в целом, заметим, что все-таки его содержание и объем отнюдь не переменны и представляют на единых основаниях именно способ движения *результатов* познавательных и коммуникативных процессов как в когнитивных пространствах одного субъекта и «Другого» (по М.М. Бахтину) субъекта, так и между этими пространствами. В противном случае – изменения содержания и объема

информации в зависимости от изучаемых явлений – человек как «кодовый носитель» информации перестает быть активным субъектом и возникает возможность как онтологизации информации, так и метафоризации ее научных описаний. При этом заметим, что наблюдатель (по У. Матуране), описывающий консенсуальную область языковых взаимодействий как денотативную, сам может быть слушателем, в результате чего и происходит онтологизация информации с его точки зрения. В то же время говорящий может молчаливо полагать, что его слушатель тождественен ему, то есть тождественен его собственной когнитивной области, в результате чего происходит онтологизация информации с его точки зрения. Именно по этой причине идет развитие не только обыденной, но и научной метафоры о коммуникации как обмену информацией, эксплицированной, в частности, в своем классическом виде в трудах К. Бюллера [см.: Бюлер 2000]. Здесь же необходимо добавить, что специфика человеческой деятельности в таких сферах социально ориентированного поведения, как участие отдельной личности в общественных процессах идеологического и политического характера, предполагает осознанное ориентирование человека в своей когнитивной области в соответствии с общественными стереотипами поведения, и поэтому действительно «никого и никогда нельзя убедить рациональными доводами в истинности того, что в конечном счете уже не присутствует в неявной форме в комплексе верований этого человека» [Матурана 1996: 140].

Подводя итоги, отметим, что именно потому, что человек есть существо социальное и для него существуют социальные приоритеты, стал возможен феномен массовой информации, требующий от говорящего в его речевой деятельности ориентации на идеальную модель слушающего как представителя определенной социальной группы, прослойки, класса и некоего социума в целом, учета «ожиданий» моделируемого собеседника, его верополаганий, мнений, знаний и пристрастий. Слушатель же как представитель массового адресата, в свою очередь, в речевом взаимодействии, характеризующемся обычно разделенностью в пространстве и времени, дистантностью и отсутствием обратной связи, должен быть интенционально настроен на изменение своего поведения по мере видоизменений, происходящих в его когнитивном пространстве, в предлагаемом ему как члену общества направлении, которое детерминируется онтологически понимаемой информацией, проявленной в тексте как продукте речевой деятельности на основе значений языковых выражений. **Перспективным** представляется продолжение исследования информации в массовой коммуникации, PR, рекламе и под.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: Изд. группа «Прогресс», 2000. – 528 с.

2. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность / Д.И. Дубровский. – М.: Канон+, 2002. – 368 с.
3. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). – 2-е изд. / А.Е. Кибрик. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 336 с.
4. Кравченко А.В. Знак, значение, знание / А.В. Кравченко // Проблемы общего языкознания. Вып. 1: Языковой знак. Сознание. Познание: Хрестоматия / Под редакцией А.Б. Михалева. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 240–259.
5. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
6. Логический словарь: ДЕФОРТ / Под ред. А.А. Ивина, В.Н. Переверзева, В.В. Петрова. – М.: Мысль, 1994. – 268 с.
7. Матурана У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – С. 95–142.
8. Новик И.Б. Введение в информационный мир / И.Б. Новик, А.Ш. Абдуллаев. – М.: Наука, 1991. – 228 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 4-е изд. / С.И. Ожегов. – М.: Советская энциклопедия, 1961. – 900 с.
10. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павилёнис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
11. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1982. – 783 с.
12. Современный словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1992. – 740 с.
13. Соколов А.В. Информация: Феномен? Функция? Фикция? / А.В. Соколов // Философские науки. – 1990, № 9. – С. 13–22.
14. Степанов Ю.С. В мире семиотики / Ю.С. Степанов // Семиотика: Антология. Изд. 2-е. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 5–42.
15. Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности / А.Е. Супрун. – Минск: Бел. Фонд Сороса, 1996. – 287 с.
16. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. 2-е изд. Т. 1 / А.Н. Тихонов. – М.: Рус. яз., 1990. – 856 с.

Геннадий Николаевич Манаенко, доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией "Личность. Информация. Дискурс" ("ЛИД"); e-mail: manaenko@list.ru

УДК 811.112.2(043.3)

МЕДИАПРОСТРАНСТВО ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Р.Е. Пилипенко (Киев, Украина)

Р.Е. Пилипенко. Медиапространство германской филологии. В статье осмысливаются актуальные тенденции развития медиального пространства германской филологии (МПГФ). Определяется его структурная специфика, условно поделенная на четыре сегмента: учебный сегмент как место овладения виртуальной коммуникацией; информационный сегмент как место поиска профессиональных данных; интерактивный сегмент как рабочая платформа общения филологического сообщества; издательский сегмент как поле творческой самореализации филологов.

Ключевые слова: медиапространство, медиальный дискурс, германская филология, онлайн-сегменты.

Р.Є. Пилипенко. Медіапростір германської філології. У статті осмислюються актуальні тенденції розвитку медіального простору германської філології (МПГФ). Визначається його структурна специфіка, умовно поділена на чотири сегменти: учбовий сегмент як місце оволодіння віртуальною комунікацією; інформаційний сегмент як місце пошуку професійних даних; інтерактивний сегмент як робоча платформа спілкування філологічного співтовариства; видавничий сегмент як поле творчої самореалізації філологів.

Ключові слова: медіапростір, медіальний дискурс, германської філології, онлайн-сегменти.

R. Pylypenko. Mediaspace of Germanic Philology. This article reveals the actual tendencies in the development of German philology mediaspace (GPMS). Its structural features are determined according to the four segments relatively singled out: educational segment as place of capture virtual communication; informational segment as place of retrieval of professional data; interactive segment as working platform of intercourse of philological research community; publishing segment as field of creative self-realization of philologists.

Keywords: mediaspace, media discourse, German philology, on-line segments.

Все мы, представители гуманитарных наук, имеем отношение к таинству передачи знания о человеке и его мире, к коллективной памяти и поиску новых пространственно-временных сфер, необходимых для поддержания преемственности традиций и развития интеллектуальной силы человека. Германская филология является ярким репрезентантом таких поисков.

В данной статье предпринята попытка осмыслить место науки в медиaprостранстве. Современная германистика стоит перед необходимостью модернизировать пути трансляции знаний. Она всё чаще обращается к медиаведению как к одному из самых богатых источников своего сохранения и развития. Для раскрытия этого потенциала необходимы знания о медиальном пространстве германской филологии. Необходимость моделирования такого пространства и определяет **актуальность** темы данного исследования.

Объектом статьи стало медиальное пространство германской филологии, а **предметом** – его структурные характеристики.

В данной публикации автор преследует **цель** – систематизировать знания о коммуникативных уровнях многомерной медиасферы германской филологии и выделить современные особенности интеллектуальной медиакультуры филологов-германистов.

Медиаведение (*media studies* – англ., *Medienwissenschaft* – нем., *medioznawstwo* – польск. etc.) стало академической дисциплиной на факультетах германской филологии во многих западных университетах. Эта наука изучает историю и коммуникативную природу различных средств массовой информации. Ещё совсем недавно в программах ряда немецких вузов эту дисциплину представляли три взаимосвязанные компоненты: критика художественных стилей и эстетических форм, экономические исследования медиальных рынков и дискурсивный анализ текстов. Однако программы по медиаведению развиваются и совершенствуются. Об этом свидетельствуют новые спецкурсы по изучению видеопорталов, блогов, театрализованных новостей и т.д. В целом германистика с медиаведением взаимодействуют в двух областях:

1. Интегрированного обучения, которое предполагает медиатеоретические, медиапрактические, филологические и экономические объекты исследований, входящих в модульно-рейтинговые планы факультетов германистики немецкоязычных вузов; о медиаведческом характере филологического обучения свидетельствуют названия новых бакалаврских и магистерских программ.

2. Научно-практической деятельности, в которую входят общие с германистикой и медиаведением предметы и методы исследования (дискурсивный анализ профессиональных текстов), а также литературоведческие аспекты (современные идеологические направления).

Эти два интегрированных вида деятельности обнаруживают методологическую общность двух наук. Объединяющим началом для такого интегрирования является наличие общих теоретико-методологических корней двух дисциплин. Во-первых, история филологических наук – это история человека говорящего и пишущего. Медиаведение изучает человека, передающего информацию. Во-вторых, германская филология – это история поисков языковой и культурной идентичности человека. И в этом схоже проявляет себя медиаведение, которое занимается конструированием

медиальных образов гениев, публичных людей, массовой аудитории. В-третьих, история германистики – это история междисциплинарного распада и интеграции, постоянных смещений научно-исследовательских парадигм. То же самое можно сказать и о медиаведении, которое постоянно расширяет собственную научно-теоретическую опору. Например, распространение профессиональных сетевых сообществ (журналисты, преподаватели, нотариусы, священники) способствует формированию новых типов языковой личности. Не стали исключением сетевые сообщества специалистов в области германской филологии (лингвисты, литературоведы, исследователи средневековых текстов – медиевисты).

Несмотря на сближение германистики с виртуальным миром, его связи с медиаведением складываются непросто. На пути к расширению границ МПГФ стоят определённые преграды. Так, многие специалисты-филологи неохотно идут на контакт с виртуальной средой или вовсе отвергают её, поскольку филология – это наука книжная, которая веками представляла культуру печатного слова. И всё же интерактивное общение в виртуальной среде активно развивается. Такую среду в медиаведении можно считать медиапространство общения и передачи сообщений в электронном режиме. Переход германской филологии от эпохи Книги к медиальной эпохе имеет свои преимущества. Во-первых, мир Интернета не упраздняет ведущую на данный час книжную культуру общения среди филологов-германистов. Во-вторых, медиапространство, в отличие от графической среды передачи знаний, не является авторитарным. В нем могут сосуществовать тексты самых различных областей знаний, верований, идеологий. МПГФ является культурным резервуаром обработки филологических знаний, переведенных из буквенной памяти учёного сообщества (памяти книг) и аналоговых запоминающих устройств в **синергетический конструкт медиапространства**. Представим такой конструкт условно как четырёхмерное образование, где на сегментном уровне отображены четыре вида деятельности филологов-германистов, а именно: учебная, информационная, интерактивная и творческая деятельность.

1. Учебная деятельность подготовки филологов-германистов предусматривает ознакомление с общими принципами функционирования медиального пространства, его инструментами, процессами и проблемами. К другим задачам относятся: овладение принципами работы с гипертекстовыми документами, включающие знания о графических, звуковых и видеовозможностях Интернета, а также знания о его службах (всемирная паутина; электронная почта; дискуссионные форумы, телеконференции, группы новостей, чаты; программы управления файлами; службы для общения в реальном времени, для удаленного доступа к компьютерам и для обеспечения доступа к информации с помощью иерархических каталогов; телевидение межсетевых протоколов, Интернет-телефония, онлайн-радио etc.).

Практические знания об инструментах Интернета дают пользователю представления об универсальной технической системе усвоения человеческого

опыта. И всё же нельзя игнорировать тот факт, что даже самая гибкая технологическая система не подменяет культуры освоения человеческого опыта.

2. Информационная деятельность филолога предусматривает овладение знаниями о специализированных поисковых каталогах, библиографии, авторских и тематических страницах филологических, литературоведческих, исторических и прикладных сайтов. Эта деятельность представляет наиболее активный сегмент МПГФ. Правда, у многих исследователей процесс поиска информации имеет размытый характер вследствие недостаточного опыта работы в виртуальном пространстве. Поэтому филологам важно координировать свою поисковую деятельность в рамках сложившейся медиальной культуры германистики. Наряду с универсальными поисковыми системами и каталогами (*MetaGer, Fireball, Google, Lycos, AltaVista* etc.) завоевывают популярность поисковые сайты филологической направленности (*Erlanger Liste, bds1-online.de, Fachbibliographien Germanistik Augsburg, Germanistik.net*, сайты немецкоязычных университетских библиотек). В то же время поисковые операции в информационном сегменте МПГФ, давая возможность находить информацию, не заменяют познания языковых реалий. Познание является более сложным актом, который интегрирует информацию в структуры знаний о последовательностях явлений внешнего и внутреннего мира, их закономерностях в жизни человека.

3. Интерактивная деятельность в сетевом сообществе филологов выступает важной формой работы учёных-германистов. Наиболее распространёнными инструментами общения в МСГФ выступают новостные группы, списки сообщений для сообществ учёных, вики-сайты, множество дискуссионных форумов (*Usenet, Mailinglist, Telnet-Forum, Webforum*). Особенно популярными являются модерлируемые форумы (*Reference, IASL, Die professionelle Germanistik*). Их подписчики регулярно получают информацию о новостях в мире германистики. Они имеют возможность давать на проверку модератору свои идеи и материалы перед окончательной публикацией своих результатов. Несмотря на растущий интерес к интерактивным сайтам в западных странах, отечественные филологи на них мало представлены.

4. Творческая деятельность германистов активно проявляется в работе с профессиональными гипертекстами. Учёные стремятся синтезировать прежние знания в интердисциплинарных полях литературы и искусства, философии и естественных наук. Филологические сайты, интегрированные в межнаучные исследования, делают германистику привлекательной наукой (см. проекты "*Romantik*", "*Der arme Poet*", "*Textgalerie*", "*Literaturhaus Wien*" etc.). Творческий сегмент МСГФ – это ещё попытка учёного заявить о себе. Рассмотренный вид деятельности отображает новые процессы передачи знаний и способы осмысления жизненного опыта человека.

Одной из основных задач учёного-германиста в сетевых сообществах становится защита от плагиата. Так, творческая работа исследователя в

научном блоге, как правило, связана с установлением плагинов для блогов с целью защиты от несанкционированного копирования текста (*WP-CopyProtect*, *Deferred RSS*) и подключением к виртуальным сервисам антиплагиатной проверки текстов (*webmasterlabor.com*, *myfreecopyright.com*, *articlechecker.com*, *web.archive.org*, *turnitin.com*, *ithenticate.com*). Юридический аспект защиты авторских прав является важным фактором защиты научной деятельности филолога.

Подводя итоги, отметим, что предложенная классификация основных сегментов МПГФ носит условный характер, поскольку медиальная среда очень динамична и её границы постоянно трансформируются.

Перспектива дальнейших исследований видится автору в анализе взаимоотношений между текстом и образом, семиотикой и текстуальностью в современной медиасфере. Так, на Западе как никогда возрос интерес к поэтическому творчеству и интимной лирике в Интернете в форме виртуальных блоговых дневников.

Бесспорно, освоение филологами новых возможностей текстовой передачи знаний способствует развитию интеллектуальной культуры. Однако не следует забывать и об опасностях, которые скрывает онлайн-культура общения. Здесь речь идет об опасности утраты филологического вкуса к печатному слову, где, как в геноме биологического организма, сокрыта информация о традициях организации и передачи знаний, понимание которых необходимо для духовной эволюции человека. Информационные технологии, превращаясь из средства понимания в цель исследования, провоцируют культурные противоречия, т.е. лишают ученого возможности раздумывать над словом. И всё-таки германская филология располагает богатым интеллектуальным потенциалом и традициями передачи информации. А одним из инструментов реализации этой передачи является моделирование МПГФ как среды трансформации знаний о языке и культуре.

Ростислав Евгеньевич Пилипенко, доктор филол. наук, доцент кафедры германской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; e-mail: rostphil@ukr.net

УДК 811.161

**ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ
ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ
В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ КОММУНИКАЦИИ**

Т.П. Рогожникова (Омск, Россия)

Т.П. Рогожникова. Особенности современного употребления церковно-славянской лексики в различных сферах коммуникации. Статья посвящена одному из динамических процессов современной речевой деятельности – реактивизации церковнославянской лексики в различных сферах коммуникации. Рассматриваются конкретные примеры из средств массовой информации и особенности их текстовой реализации. Материалом для исследования является также краткий словарь православной церковной культуры, содержащий случаи разговорного употребления церковнославянизмов и отступления от нормы.

Ключевые слова: динамический процесс, церковнославянская лексика, реактивизация, текстовая реализация.

Т.П. Рогожникова. Особливості сучасного вживання церковно-слов'янської лексики в різних сферах комунікації. Стаття присвячена одному з динамічних процесів сучасної мовленнєвої діяльності – реактивізації церковно-слов'янської лексики в різних сферах комунікації. Розглядаються конкретні приклади із засобів масової інформації та особливості їх текстової реалізації. Матеріалом для дослідження є також короткий словник православної церковної культури, що містить випадки розмовного вживання церковнослов'янських і відхилення від норми.

Ключові слова: динамічний процес, церковнослов'янська лексика, реактивізація, текстова реалізація.

T.P. Rogozhnikova. Characteristics of Contemporary Use of Church Slavonic Vocabulary in Different Spheres of Communication. This article focuses on one of the dynamic processes of contemporary speech activities that is the re-activation of Church Slavonic vocabulary in different spheres of communication. Certain examples from the mass media and peculiarities of their textual realization are examined. The material for analysis is also drawn from the short dictionary of the Orthodox Church culture, which contains cases of informal use of Church Slavonic expressions and deviations from the norm.

Key words: dynamic processes, Church Slavonic dictionary, re-activation, textual realization.

На протяжении многих веков вся жизнь человека, от рождения до смерти, была наполнена содержанием, отражающим мир православия и религиозно-церковной жизни. В русской истории за годы советской власти массив лексики, связанный с православием, был отодвинут на периферию лексической системы и практически вытеснен из языкового сознания людей. Период 1917–1988 годов в истории церковно-славянского языка (далее – ЦСЛ) является временем резкого сокращения его функционирования: уменьшения числа храмов, священнослужителей, прихожан; прекращения издания церковнославянских текстов, утраты шрифтов, перерыва традиций его преподавания в школе и подготовки преподавателей, упразднения религиозного просвещения и образования.

Между тем в последние десятилетия эта проблематика приобрела особую **актуальность**, поскольку в этой области наметилась положительная динамика: по всей России восстанавливают, строят храмы и церкви, возрастает количество православных школ и семинарий, возрождаются многие религиозные традиции, люди вновь стали придерживаться годового и недельного кругов богослужения, посещать церковные службы, на телевидении появляются специальные богослужебные передачи т.д. Церковнославянский язык как важнейший компонент духовной культуры получает широкое распространение в обществе. Появляется новая литература о церковнославянском языке, в том числе и учебная, становится доступной и специальная литература. Появились работы о языке Библии, периодические издания, затрагивающие темы, в которых находят отражение христианские вопросы.

Сегодня мы по праву называем ЦСЛ «возвращенной», и эта лексика, кроме того, что возвращается в активное употребление в церковной среде, ещё и выходит за пределы замкнутой сферы богослужения и обретает достаточно широкое речевое употребление, что обуславливает **объект** нашего анализа. Соответственно ЦСЛ получает всё большее и большее распространение, ее можно встретить не только в издаваемой большими тиражами популярной церковной литературе, но также в сфере светской, внецерковной жизни: в текстах СМИ, в репортажах, интервью, информационных материалах и даже в разговорной речи. При этом в различных сферах ЦСЛ имеет свои особенности употребления, выявление которых является **целью** нашей статьи.

1. Особенности употребления ЦСЛ в СМИ. Одной из специфических особенностей современных СМИ является широкое использование устаревшей лексики. Обращение к устаревшей лексике обусловлено социокультурными и политическими переменами, происходящими в нашем обществе. Новая социокультурная ориентация проявляется, в частности, в том, что новые явления и предметы общественной жизни получают названия, существовавшие в дореволюционной политической лексике: *Дума, губернатор, суд присяжных* и др. До недавнего времени эти слова и выражения рассматривались как историзмы, а сегодня они снова вошли в активный словарь каждого хотя бы немного политически активного россиянина. Особым случаем актуализации

устаревших единиц языка является актуализация конфессиональной и церковно-славянской лексики.

Между тем в речевом пространстве современных СМИ отмечаются более сложные обращения к историческому контексту. Имеются в виду те случаи, когда устаревшая лексика выбирается участниками общения как экспрессивное средство языка. При этом обычно делается ставка на оценочный аспект, содержащийся в актуализированном слове. К числу таких сложных случаев обращения к историческому контексту относятся библеизмы, библейские перифразы и аллюзии, пересказы ветхо- и новозаветных сюжетов. Примеры использования данных языковых единиц мы находим в политических памфлетах, в перевыборных плакатах и листовках, в рекламе. Поводы обращения к такому материалу различны, степень точности воспроизведения исторического текста также неодинакова.

При этом если в журналистике советского и постсоветского периодов данные языковые единицы по идеологическим причинам были представлены довольно скупо, то в последние годы данный пласт лексики стал использоваться более активно. В условиях демократии конфессиональная и церковно-славянская лексика в текстах СМИ оказывается востребованной при полемике и социальной критике.

Сегодня обращение к библейской истории означает восстановление коммуникативных связей между современностью и прошлым. Процесс этой коммуникации сопровождают помехи, создающие дополнительные трудности при восприятии информации. Причиной этих помех является незнание глубинного смысла, который содержит текст источника. «Отсюда и неверная интерпретация слов, содержащихся в этих текстах. Это обстоятельство (наряду с другими) дает право говорить о проблеме дисфункционального использования актуализированных единиц языка. Под дисфункциональным использованием актуализированных единиц понимаются случаи, когда автор обращения приписывает лексеме неверное значение, отчего возникает эффект, автором этого сообщения не планируемый» [Ушакова 2002: 47].

Сопоставление современной политической ситуации с событиями библейской истории, изложенными в Ветхом и Новом Завете, – явление широко распространенное в текстах СМИ. Есть случаи неуместного употребления библейской фразеологии, причина которого в непонимании смысла тех речений, которые журналист заимствует из Священного Писания.

Газетная речь – достаточно своеобразное явление, которое стоит несколько особняком в ряду других видов текстов. Мы видим, что в современных средствах массовой информации ЦСЛ находит широкое применение. При этом наблюдается смешение стилей, при употреблении в речи устойчивые церковнославянские конструкции разрушаются, особенно ярко это проявляется в языке нового слоя русских, кто причисляет себя к элите общества. Видимо, данное явление объясняется желанием придать своей речи какой-то культурный, высоконравственный смысл, но употребление устойчивых

конструкций, отдельных церковнославянизмов в самом контексте в большинстве случаев несёт иронический, сниженный оттенок. Приведем примеры из материалов российских газет: «замахнулись на самое святое – на источники неучтённого внебюджетного финансирования; ...обвести ближнего вокруг пальца; и большинство из нас суёт благодетелям деньги...; ...обращается к высочайшему собранию Михеич...; ...просто млею от следующих абзацев ...; Как гласит официоз ОАО «Омскэнерго, полностью была демонтирована высоковольтная линия.;...будет пребывать во мраке, пока не достанем ...трансформатор. Как и завсегда обретаемся во мраке...(=без света); Власть предрержащие знают, что вокруг пресловутого лома творится сплошной беспредел [Комок, МК в Омске, 2008].

Судя по приведённым примерам, можно говорить о тенденции к разрушению нормы в использовании церковнославянизмов в современном русском языке. В то же время некоторые слова церковнославянского происхождения, возвращаясь к жизни, сохраняют старые значения. Интересно в этой связи слово *лепота*, встречающееся на страницах газет в значении ‘красота, великолепие’. В старославянском языке оно использовалось в том же значении при выражении восхищения, наряду с ним употреблялись и прилагательное *леп*, а также наречие *лепо*.

Выявлены также случаи со словами церковнославянского происхождения *чрево*, *перст*, сохраняющими старое значение, например: «Вначале сложенные персты поставляются на лоб, затем на чрево. Спасительно и душеполезно» [Комок 2008].

Актуализированные библеизмы в речевом пространстве современных СМИ используются для выражения определенного оценочного содержания. «На страницах оппозиционных коммунистических газет и журналов обычно используются взятые из Библии слова с элементом негативного, которые произносятся от имени народа и общества и вплетаются в общий стилистический рисунок того или иного СМИ» [Прядко: Электронный ресурс]. Следует отметить, что ЦСЛ в текстах массовой коммуникации используются в переносном значении или служат материалом для создания новых метафорических образов.

2. Особенности употребления ЦСЛ в разговорной речи. Современный ЦСЯ характеризуется отсутствием жесткой социальной привязки, в храме теперь можно увидеть представителя любого социума – от нищего до президента. Действительно, в последнее время ЦСЛ все больше проникает в словарный запас каждого говорящего, мы начинаем ее использовать не только по отношению к религии, но и в обиходной, повседневной, разговорной речи. С учетом этой тенденции Г. Н. Склярёвской был составлен словарь «Лексика православной церковной культуры: краткий словарь справочник» (Серия «Давайте говорить правильно!»). Уже только из одного названия мы можем понять направленность словаря: «Данное справочное пособие предназначено для самого широкого круга читателей и призвано помочь им избежать

распространенных ошибок в речи» [Скляревская 2006: 3]. Следовательно, словарь представляет некий разговорник и соответственно включает в себя слова и толкования, которые наиболее часто употребляются в повседневной жизни простого обывателя, то есть в разговорной речи.

Конечно, этот словарь не может являться единственным источником материала для выявления особенностей употребления ЦСЛ в разговорной речи, поэтому в дальнейшем мы планируем провести эксперимент, который поможет дать более объективные результаты. Данный же словарь ставит своей задачей привлечь внимание читателя к этому массиву лексики – одному из важнейших в русской культуре и духовной жизни нашего народа и «дать возможность получить языковые ориентиры и навыки в соответствующей языковой сфере» [Скляревская 2006: 5].

Одним из достоинств данного словаря является наличие помимо собственно лингвистических сведений (истолкование значений слов, грамматические характеристики, этимологические справки, особенности произношения и написания, некоторые стилистические пометы, иллюстрации в виде речений) большого объема энциклопедической информации, которая либо составляет всё содержание словарной статьи, либо приводится в конце словарной статьи в особом комментарии, содержащем богословские, исторические, фактические, культурные и другие сведения.

Словник включает набор лексики православной церковной культуры, восполняющий определенный пробел в словарном запасе современного россиянина. Тематически словник состоит из следующих разрядов слов: основные понятия вероисповедания и богословские понятия (*Бог, Троица, Евангелие, вера, воскрешение, таинство, догматы*); названия таинств (*крещение, миропомазание, покаяние, причащение, брак, елеосвящение*); элементы церковного календаря, отражающие названия церковных праздников, частей богослужебного круга и суточных богослужений и т.п. (*Пасха, Рождество Христово, Троица, Благовещение, Великий пост, Сретение, Успение Богородицы*); формы и элементы богослужения (*литургия, утренняя, вечерняя, молебен, панихида*); храм и его части (*церковь, алтарь, иконостас, амвон, придел*); предметы богослужения (*антиминс, дискос, потир, кадило*); священнические облачения и их части (*фелонь, орарь, омофор, камилавка, митра*); наименования церковной иерархии (*иерей, диакон, митрополит, епископ, патриарх и т.п.*); наименования библейских персонажей и знаменательных лиц (*апостол, пророк, святой, мученик, великомученик, новомученик, праведный и т.п.*); имена собственные (*Бог, Богородица, Господь, Святой Дух, Спас Вседержитель, Спас Нерукотворный, Спаситель, Сын Божий; Библия, Евангелие, Священное Писание, Четвероевангелие; Димитрий Донской, Дионисий, Серафим Саровский, Флоренский; Афон, Гефсиман, Иерусалим, Фавор* и др.

Ещё одним «плюсом» этого словаря является то, что устойчивые сочетания, имеющие терминологический характер, разрабатываются как

самостоятельные единицы словаря (эквиваленты слова) на своем алфавитном месте, но отсылки в алфавите на другие члены словосочетания не приводятся: *житийная икона* 'икона святого, обрамленная клеймами с изображением сюжетов из жития святого'; *Закон Божий* – 1. 'Учебный предмет в средней школе, знакомящий учащихся с основами христианства. После революции 1917 г. преподавание Закона Божия было отменено, а после 1929 г. уголовно наказуемо; в настоящее время возрождается'. 2. 'Книга, излагающая основы христианского вероучения'; *крестный ход* – 'шествие духовенства и верующих с крестами, иконами, хоругвями и другими святынями'.

Поскольку описываемый в словаре лексический пласт представляет собой составную часть словарного состава современного русского языка и обладает всеми свойствами лексической системы (имеются в виду такие свойства, как словообразовательные процессы, синонимия, антонимия, омонимия, грамматические свойства слов, а также его стилистические, нормативные и функциональные особенности), то словарь ставит своей задачей отразить эти свойства. В частности, наряду с лексикой, имеющей терминологический характер, в словаре представлены производные, выраженные разными частями речи, преимущественно именами прилагательными (*библейский, благоверный, великопостный, евангельский, мирской, пасхальный*) и глаголами (*благословить, канонизировать, креститься, мироточить, молиться, окормлять*).

Структура и содержание словарной статьи достаточно информативны. Статья содержит обязательную информацию (заголовочное слово с ударением, грамматическую характеристику и толкование), а также дополнительную, факультативную, обусловленную теми или иными особенностями слова (произношение, стилистическую помету или пояснение, этимологический комментарий, примеры употребления, справочный отдел, а также нормативное предостережение – указание на типовую, распространенную ошибку).

Рассмотрим некоторые, наиболее интересные для нашего исследования элементы словарной статьи:

– этимологическая справка. Словарная статья содержит сведения о происхождении (источнике заимствования в русский язык) слов. Этимологическая справка может быть краткой или подробной в зависимости от длины и сложности пути, который прошло то или иное слово, прежде чем адаптироваться в русском языке. Указывается первоисточник – латинский или древнегреческий язык. Обычно значения церковного термина и его прототипа даже при семантической близости всё же не тождественны, поэтому приводится толкование прототипа: *апостолы* (др.-греч. *ἀποστόλος* посланный); *осанна* (др.-евр. *hoša-na* Спаси же (нас)!); *семинария* (лат. *seminarium* рассадник, питомник, школа).

– стилистика характеристика. В силу стилистического единства описываемой лексики нет необходимости в специальной стилистической и функциональной характеристике слов, тем не менее в отдельных случаях

приводится помета *Обиходн.* (обиходное), характеризующая употребление маркированного ею слова в речевом обиходе за пределами богослужебной сферы: двадцатка...*Обиходн.* Приходской совет из 20 человек; *записка. Обиходн.* Листок с перечнем имен, подаваемый молящимися в церкви для поминовения на молебне или панихиде.

– примеры употребления. При некоторых словах приводятся примеры – краткие свободные словосочетания (речения), которые служат цели дать дополняющую информацию о самом предмете, а также показать наиболее типовые, привычные случаи словоупотребления; *молебен. Благодарственный молебен. Молебен святой блаженной Ксении Петербургской. Молебен Пресвятой Богородице. Молебен об умножении любви и искоренении всякой злобы. Новогодний молебен; пасхальный. Пасхальное богослужение. Пасхальная заутреня, вечерня, литургия. Пасхальный канон. Пасхальный тропарь. Пасхальный цикл. Расчет пасхальных дат. Пасхальные облачения священников. Пасхальная трапеза. Пасхальные куличи. Радостное пасхальное приветствие...*

– справочный отдел. При необходимости при слове или отдельном значении приводится справочный отдел, содержащий исторические, культурные, фактологические и т.п. сведения. Это очень важный элемент словарной статьи, так как современные люди имеют очень размытое представление о многих религиозных понятиях и, тем более, реалиях: *Ксения Петербургская блаженная. Гробница блаженной Ксении Петербургской находится в часовне на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге и служит местом паломничества и поклонения как великая святыня. В часовне ежедневно служат молебны и панихиды. Известны много численные факты исцелений и избавлений от бед по молитвам святой блаженной Ксении. Канонизирована в 1988 г. Оптина пустынь. В монастырь приезжали и вели переписку с оптинскими старцами такие деятели русской культуры, как Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, А.Г. Рубинштейн, Вл. Соловьев, А.К. Толстой, Л.Н. Толстой и многие другие. В 1923 г. монастырь был закрыт и разорен. В настоящее время монастырь возрожден; поминовение. Дни особого поминовения усопших: 3-й, 9-й и 40-й дни после смерти, суббота мясопустной седмицы, субботы 2-й, 3-й и 4-й седмиц Великого поста, Радоница, суббота накануне Пятидесятницы, Дмитриевская суббота (суббота перед 8 ноября);*

– нормативная характеристика. В случаях типовых распространенных ошибок в словаре принята специальная помета запретительного характера – *неправильно!* Ошибочное употребление слова, сопровождаемое этой пометой, приводится в конце словарной статьи и подтверждается типовым примером. Примеры типовых ошибок заимствованы из текстов СМИ, устной речи журналистов, публичных выступлений политиков, интервью и т.п.

апо'криф... неправильно! *апокр'иф;* *оглаше'нные* неправильно!
оглашённые;

схи'ма неправильно! употребление слова *схизма* вместо *схима*. *Принять схизму.*

Этот элемент словарной статьи указывает на то, что ЦСЛ активно употребляется в речи, пусть и не всегда в нормативном варианте. Что ещё раз подтверждает правильность выбора данного источника исследования для выявления особенностей употребления ЦСЛ в разговорной речи.

«Активное употребление церковнославянской лексики и фразеологии является также выражением языкового вкуса, и происходит как реакция на хлынувший в литературную речь поток просторечных слов, диалектизмов, жаргонизмов» [Горбань, Лопушанская 2002: 44]. В связи с этим, появление таких словарей очень важно. Они возрождают один из крупнейших и важнейших пластов лексики, кроме того, показывают правильное лексическое, грамматическое и фонетическое употребление, что необходимо для речи современного, образованного человека.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что на протяжении всего своего существования русский литературный язык претерпевал многочисленные изменения, в особенности связанные с развитием общества. Как известно, лексический ярус является наиболее чувствительным к изменениям в языке. При этом процесс трансформации лексического пространства почти непрерывен, проявляя связь языковой системы с другими сферами общественной жизни (политической, социально-экономической, государственной). Все наиболее важные события, происходившие в политической, экономической и культурной жизни страны, оставили заметный отпечаток и в структуре, и в семантике языка.

Анализ толковых словарей, изданных в период с 1847 по 2003 годы, показал, что лексико-семантическая система ЦСЛ в языке дореволюционного, советского и постсоветского периодов имеет существенные различия. В семантической сфере религиозного были выявлены многочисленные количественные и качественные изменения, последние протекают в собственно семантическом и социолингвистическом аспектах. В советский период эти изменения шли в направлении утраты отдельных семем или их слияния и контаминации: общее количество значений у слов сократилось. Во многих случаях значение сужалось, оно становилось более конкретным, в некоторых словах утрачивалась однозначность положительной оценки, они приобретали разговорный, шуточный, иронический, неодобрительный оттенки.

Специфика современной языковой эпохи заключается в свободе от разного рода ограничений, разрушении советских стереотипов мышления, в отказе от установлений тоталитарного режима. Соответственно в последние годы появилась тенденция к реактивизации ЦСЛ, под которой мы понимаем возвращение данного пласта лексики в активный состав языка, деатеизацию, деархаизацию, актуализацию значений. В последние десятилетия церковнославянизмы входят в более широкое употребление, что связано и с возрождением православия. Изменения, происходящие на наших глазах,

свидетельствуют о низком уровне стабильности лексической системы русского языка. В этих условиях перед лингвистами стоит серьезная **перспективная** задача по сбору и описанию нового лексического материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбань О.А. Русская церковнославянская лексика как новый компонент культуры иноязычного общения. / О.А. Горбань, С.П. Лопушанская // ROSSICA OLOMUCENSIA XXXVI. – 2002. – С. 43–48. – Режим доступа: http://publib.upol.cz/~obd/fulltext/Rossica36/Rossica36_07.pdf.
2. Журавлев В.К. Русский язык и русский характер / В. К. Журавлев. – М.: Московский патриархат, Отдел религиозного образования и катехизации, Лицей духовной культуры, 2002. – 256 с.
3. Прядко И.П. Библейская лексика на страницах современных СМИ / И.П. Прядко. Режим доступа: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_24.
4. Склярская Г.Н. Давайте говорить правильно! Лексика православной церковной культуры: краткий словарь-справочник / Г.Н. Склярская – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 208 с.
5. Ушакова А.П. Церковнославянизмы в языке газет / А.П. Ушакова // Художественная культура как феномен: Материалы региональной научно – практической конференции. 11–12 апреля 2002 г., г. Тюмень / Под науч. ред. И. Н. Гнездиловой. – Тюмень, 2002. – С. 137–146.

Татьяна Павловна Рогожникова, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой истории языка Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, e-mail: pmtr@mail.ru

УДК 811.111:81'37

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА
Г.В. Токарев (Волгоград, Россия)**

Г.В. Токарев. Лингвокультурологическая интерпретация концепта. В статье рассматриваются принципы лингвокультурологической интерпретации концепта. Указываются основные признаки концепта как макроструктуры по отношению к представлениям, наивным и научным понятиям, культурным установкам, идеологиям, стереотипам, архетипам – строевым элементам концепта. Рассматривается соотношение этих строевых элементов – ментальных категорий, структурирующих концепт.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, макроструктура, культурная установка, идеология, стереотип, ментальная категория.

Г.В. Токарев. Лінгвокультурологічна інтерпретація концепту. У статті розглядаються принципи лінгвокультурологічної інтерпретації концепту. Наводяться основні ознаки концепту як макроструктури по відношенню до уявлень, наївних і наукових понять, культурних настанов, ідеологем, стереотипів – стройових елементів концепту. Розглядається співвідношення цих стройових елементів – ментальних категорій, що структурують концепт.

Ключові слова: лінгвокультурний концепт, макроструктура, культурна установка, ідеологема, стереотип, ментальна категорія.

G.V. Tokarev. Linguocultural interpretation of the concept. This article discusses the principles of linguocultural interpretation of the concept. It outlines the main features of the concept as a macrostructure with respect to representations, naïve and scientific concepts, cultural attitudes, ideologies, stereotypes – constructive elements of the concept. The relation between these elements – mental categories structuring the concept are analysed.

Keywords: linguocultural concept, macrostructure, cultural setting, ideologeme, stereotype, mental category.

Термин *культура* многозначный. Немецкий учёный Карл Аймермахер отмечает, что понятие культуры тождественно понятию человеческого сознания [Аймермахер 2001: 174]. Ю.М. Лотман определял культуру как совокупность ненаследственной информации, которую накапливают, хранят и передают разнообразные коллективы человеческого общества [Лотман 2002: 56], систему запретов и предписаний [Лотман 2002: 88]. Таким образом, культура – результат действия процессов смыслообразования, система его

принципов и продуктов. Результаты этого процесса воплощаются на ментальном уровне в виде концептов. Тем самым **объект** нашего анализа концепт – составляющая культуры. Он является атрибутом культуры, «сгустком культуры в сознании человека» [Степанов 2001: 43]. Концепт может иметь статус константы культуры, если существует постоянно или долгое время. Это означает, что он играет роль принципа культуры. Так, концепт ТРУД можно отнести к концептам-константам: он присутствует в русской идеосфере (концептосфере – совокупности всех концептов данной культуры) на протяжении многих лет, способствует выражению христианских принципов русской культуры.

Таким образом, в культурологическом понимании концепт – это исторически развивающаяся часть концептосферы. **Актуальный** сегодня культурно-семиотический подход рассматривает концепт как глобальную, многомерную единицу ментального уровня. **Цель** статьи – описание признаков лингвокультурного концепта, к которым относятся следующие:

- культурно-историческая обусловленность, то есть зависимость порождения тех или иных смыслов от идеологием какой-либо эпохи;
- структурированность более простыми в ментальном отношении смыслами: научными и обыденными понятиями, представлениями, культурными установками, идеологиемами, стереотипами, которые могут иметь разнообразные формы репрезентации (выражения);
- неоднородность содержания, проявляющаяся в синтезе конкретного и абстрактного, рационального и эмоционального, объективного и субъективного;
- широкий объём (экстенционал);
- разнообразие типов знаковых репрезентаций, то есть способность к выражению средствами, неоднородными с точки зрения сложности, разных семиотических систем.

Структурная модель концепта определяется характером входящего в него содержания. Можно выделить два основных типа содержания.

Первый тип включает в себя конструкты знания, обладающие ценностью и истинностью для всего человечества. Одной из типичных ситуаций смыслообразования выступает ситуация научного творчества. Учёный пользуется принятой в мире парадигмой знаний. Слои концепта, содержащий знания этого типа, назовём универсальным. Универсальными могут быть научные и обыденные понятия, культурные установки и стереотипы. Например, культурная установка *человеку необходимо трудиться / каждый человек должен трудиться; не откладывай дела*, стереотипы *труд приносит пользу обществу; хороший специалист имеет многолетний опыт работы* являются универсальными на данном синхронном срезе. Учёные насчитывают до 70 культурных универсалий. К основным относятся: речь vs. язык, искусство, мифология, наука, религия, семья, собственность, правительство, война.

Второй тип включает в себя национально специфические знания, которые продуцируются лингвокультурной общностью, то есть группой, объединённой совокупностью признаков (язык, история, культура, религия и пр.). Слой концепта, содержащий знания этого типа, назовём культурным. Культурный слой концепта содержательно неоднороден. Это обусловлено дифференциацией лингвокультурной общности как субъекта, продуцирующего смысл, на более мелкие группы – социумы, то есть группы, выделяемые по общности профессии, возраста, конфессии, уровня образования, хобби и др. Н.И. Толстой отмечал, что в культуре можно выделить четыре разновидности: «культуру образованного слоя, “книжную”, или элитарную, культуру народную, крестьянскую, культуру промежуточную, соответствующую просторечию, которую обычно называют “культурой для народа” или третьей культурой, и для полноты картины и более чёткого параллелизма ещё традиционно-профессиональную субкультуру (пастушескую, пчеловодческую, гончарную и др. на селе, торговоремесленную – в городе)» [Толстой 1995: 16–17]. Так, поговорки о труде отражают ценность времени в народной (крестьянской) культуре и ценность инструмента в профессиональной: *сей и холь яровое в мае, так будет зимой добро; овсы да льны в августе смотри; в октябре та бабам и работа, что льны приспевать; до солнца пройти три покоса – не будешь ходить босо / кабы не клин да не мох, так бы плотник издох; без веретена пряжи не спрядёшь; кому до чего, а кузнецу до наковальни*. Классификация культуры, предложенная Н.И. Толстым, отражает стративный характер общества XIX в. Безусловно, каждый исторический период формирует свой набор культурных стратов.

В культурный слой концепта входит информация о социальном рейтинге концепта: в одни культурно-исторические периоды концепт может приобретать особую социальную значимость, в другие – утрачивать её. В качестве примера можно привести значимость труда на предыдущих этапах развития русской культуры, воплощённую в модусных компонентах языковых единиц разного типа: *в дальних краях ремесло кормит; мастер на все руки; ничто так, как труд, не облагораживает человека*, и скептическое отношение к честному труду в нынешнее время, которое отражается, например, в эмоционально-оценочных коннотациях газетных заголовков: «*Как избежать безработицы, если никто не хочет работать*» («Комсомольская правда», 19.07.91), «*Работа не волк, но что-то звериное в ней есть*» («Аргументы и факты», № 50, 2000), «*Не хотим быть трудом, хотим быть капиталом*» («Комсомольская правда», 11.12.91).

Неотъемлемой частью процесса изменения социального рейтинга концепта является актуализация входящих в него смыслов. Выше мы говорили, что составляющие концепта подвержены актуальной дифференциации: одни аспекты уходят в пассивный слой, другие составляют ядерную часть. Несмотря на возможность протекания данных процессов, ядерная часть концепта отличается той или иной степенью стабильности, которая обусловлена фактором социально-исторической преемственности.

Инвариантное содержание ядерной части концептов детерминировано архетипами, особенностями национального менталитета, глубинной структуры, определяющей на протяжении длительного времени этническое и национальное своеобразие и характеризующейся большой стабильностью.

Вне всякого сомнения, предложенная классификация мыслящих субъектов условна, поскольку один и тот же субъект продуцирует как универсальные, так и культурно-специфичные смыслы. Д.С. Лихачёв отмечал, что в сознании человека может сочетаться несколько концептосфер: «Одна концептосфера может сочетаться с другой – скажем, концептосфера русского языка в целом, но в ней концептосфера инженера-практика, а в ней концептосфера семьи, а в ней индивидуальная концептосфера» [Лихачёв 1997: 282].

Ю.С. Степанов учит, что концепты могут быть как априорные (имеющие один или небольшое число существенных, актуальных признаков, представленных в виде коллективного бессознательного, широкую сферу применения; чаще всего постоянные, «рамочные», по Готфриду Лейбницу, чистые), так и апостериорные, по Г. Лейбницу, эмпирические (с плотным ядром). Априорные концепты человек использует как данное. Они не зависят от его опыта. Апостериорные – всегда проведены индивидуумом через себя, продуманы и прочувствованы им. Рамочными концептами являются ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ДР., эмпирическими – ТРУД, ЛЮБОВЬ и др.

В зависимости от характера семиотического процесса концепты могут быть определены как идеологически детерминированные и эволюционные. Репрезентации эволюционных концептов позволяют проследить развитие семиотического процесса, идеологически детерминированных – нет. Примером эволюционного концепта может быть ЛЮБОВЬ, поскольку каждая культурная эпоха включает в него свои смыслы, оставляя инвариантную часть. Концепт ПЯТИЛЕТКА является идеологически детерминированным, так как существовал только в советскую эпоху.

Итак, концепт является способом существования и организации культуры. Структурируя культуру и указывая на динамику культурно-когнитивных процессов, он обеспечивает связь между различными эпохами и стилями культуры. Концепт не только отражает, но и задаёт определённый угол зрения на объективный мир и тем самым закрепляет и организует те или иные ценности, помогает человеку ориентироваться в том или ином культурном пространстве. Он отражает этнический характер лингвокультурной общности, сущность которого заключается в определённом типе реакций на явления окружающего мира.

Итак, концепт культуры структурирован разнообразными смыслами: научными и обыденными понятиями, представлениями, стереотипами, культурными установками, идеологемами. Что представляют собой эти ментальные единицы?

Представления – это ощущения, которые возникают у человека при его взаимодействии со средой. Представления отражают наивную (обыденную, в противовес научной) картину мира.

Представления могут репрезентироваться посредством натурфактов и артефактов. Например, с именинным снопом связывали представления об особой созидательной силе, обеспечивающей плодородие земли. Считалось, что вся продуцирующая сила земли сосредоточивалась в первом и последнем снопах, которым приписывались магические свойства: эти артефакты служили оберегом от сглаза, болезни. Существовала и иная традиция: последние колосья не вырывались, а завязывались в сноп, а затем прижимались («заламывались») камнем к земле, тем самым ей возвращалась вложенная в урожай сила. Количество звёзд на небе связывалось с представлениями о будущем урожае или приплоде домашнего скота. В основе данного представления, вероятно, лежали количественные и цветовые ассоциации: число звёзд связывалось с числом телят, ягнят и пр., а цвет звезды отдалённо напоминал цвет ягнёнка (очевидно, не последнюю роль при формировании этого представления играло созвучие слов «ярки» (о звёздах) и «ярки» («овцы»), включённых в поговорку: *яркие звёзды породят белых ярок*.

Кроме представлений, наивную картину мира структурируют культурные установки, идеологемы, стереотипы, обыденные понятия.

Культурные установки – это «совокупность знаний о поведении в ситуации общения, определяемых культурной традицией» [Болдырев 2001: 33]. В результате взаимодействия с другими индивидами человек осознаёт себя как члена коллектива, продуктами этого взаимодействия являются эталонизированные образцы поведения (культурные установки), имеющие характер рекомендации, правила, закона: трудись в поте лица, занимайся существенными делами и др. Вооружаясь этими образцами, человек усваивает «правила игры»: он узнаёт, как себя вести в той или иной ситуации, как следует отнестись к тому или иному явлению, какую оценку получит, совершив тот или иной поступок и т. п., то есть овладевает культурно обусловленными сценариями поведения. Так, в сказе Николая Семёновича Лескова «Левша» изображено, как тульские мастера, получив от генерала Платова задание выполнить царский наказ, начинают это непростое дело с паломничества к иконе Св. Николая (глава 7 сказа). Тем самым тульские мастера следуют действующей в то время культурной установке, отражённой в «Домострое»: *«...всякое дело начать... прежде всего – святым образам поклониться трижды в землю... а кто может молитву сказать... с тем и начать всякое дело, ибо ему божья милость сопутствует...»*.

Особым видом культурных установок являются **идеологемы**. Они используются на определённом культурном срезе и меняются при переходе от одной культурной модели к другой. Идеологемы включают в себя набор актуализированных в тот или иной период ценностей. Так, в период буржуазных революций в Европе были актуальны такие ценности, как

свобода, равенство, братство, человек, которые были включены в идеологемы типа: *каждый имеет право выразить своё мнение; все люди равны в социальном отношении*. Однако в период Реставрации произошло забвение этих принципов, перемещение их в прошлое. Идеологемы отличаются от культурных установок высокой сложностью, императивностью, безапелляционностью. Ср.: христианскую культурную установку *трудись в поте лица*, указывающую человеку на способ существования в обществе, и идеологему *труд должен быть свободным*, в которой акцентируется ценность «свобода». Из приведённых примеров ясно, что культурные установки и идеологемы могут сосуществовать. Ещё одним отличием культурных установок от идеологем является возможная противоречивость установок и обязательная согласованность идеологем на одном культурном срезе. Так, культурной установке *честно трудись* противопоставлена *нет смысла честно трудиться*. Ср.: *трудом праведным не наживёшь палат каменных / трудовая денежка до веку живёт; где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто; кто рано встаёт, у того копейка растёт*.

Культурным установкам близки по своим функциям и сущности стереотипы. **Стереотип** – это стандартное мнение, измеряющее деятельность той или иной социальной группы или индивида. Стереотипы упорядочивают знания, противопоставляя при этом своё чужому, помогают человеку ориентироваться в жизни. Если культурные установки мы сравнили с правилами игры, то стереотипы можно сопоставить с ориентирами, координатами этой игры. В качестве примера стереотипов можно привести стандартные мнения о национальностях: немцы – пунктуальны, китайцы – трудолюбивы, цыгане – обманщики, воры, и т. д.

Среди стереотипов различают гетеростереотипы, то есть внешние стереотипы, которые сложились у представителей одной культуры о другой, и автостереотипы, то есть мифы о самих себе, существующие внутри одной культуры. Так, русские считают немцев пунктуальными, себя – открытыми, добродушными, гостеприимными людьми.

Культурные установки, идеологемы, стереотипы, с одной стороны, формируются теми или иными социумами, с другой – они объединяют людей в группы, противопоставляют одну группу другой, что обуславливает их культурную маркированность.

Концепт может структурироваться **обыденными** (наивными, нестрогими) **понятиями**. Исследователи понятий обычно выделяют понятия в строгом и нестрогом (широком) смысле. Для наивных понятий характерны чёткие содержательные характеристики. Обыденное понятие отличается от представления более высокой степенью обобщённости и объективированности, отсутствием эмоционально-оценочных смыслов, от научного понятия – минимальным набором признаков: оно обобщает наиболее существенные черты той или иной реалии. Отсюда следует, что основной

способ образования обыденных понятий – обобщение: *бобыль, кулак, будний день, молоток* и пр.

Рассмотрим содержание обыденного понятия (в настоящее время утратившего свою актуальность) *тягло* – ‘мера земли, которую обрабатывает одна немногодетная семья’. Оно имеет чёткий экстенционал (объём) ‘мера земли’. Интенционал (содержание) понятия закрыт, включает 4 наиболее существенных признака: ‘обработка’, ‘семья’, ‘одна’, ‘немногодетная’. Обобщённость и объективированность данного понятия проявляется в узуальности содержащегося в нём смысла, забвении внутренней формы, отсутствии эмоционально-оценочных смыслов.

Обыденные понятия могут соотноситься, вступать в функциональные омонимические отношения с представлениями и научными понятиями. Так, содержание обыденного понятия *зарплата* включает в себя следующие признаки: ‘деньги, полученные за работу в течение месяца’. Представления о *зарплате* связаны со сроками её выплаты, размером, основным местом работы и пр. Очевидно, что эти представления отличаются по набору признаков от коррелирующего понятия, например, в немецкой картине мира. Научное понятие *заработная плата* охватывает историю возникновения этого явления, теорию добавочной стоимости, социальные и политические аспекты и т. д.

Представления в наибольшей степени зависят от культурной ситуации, наряду с обыденными понятиями они являются элементами наивной картины мира, относятся к культурно маркированным единицам.

Какова природа научного понятия? Под **научным понятием** понимают «результат обобщения предметов некоторого класса и мысленного выделения самого этого класса по определённой совокупности общих для предметов этого класса – и в совокупности отличительных для них – признаков...» [Войшвилло 1989: 91].

Научное понятие представляет собой высший вид ментальных репрезентаций. Переход от представления к понятию осмысливается как переход от чувственной ступени познания к абстрактному мышлению.

Понятие представляет собой расчленённое, многопризнаковое, аналитичное мыслительное образование. Интенционал (содержание) научного понятия открыт, новые признаки явления с развитием науки и техники могут добавляться. Количество этих признаков не регламентируется: чем больше признаков, тем лучше разработано понятие. При этом набор признаков не вариативен, как у представлений, а фиксирован. Например, понятие *интенсивность труда* включает в себя следующий набор признаков ‘степень напряжённости’, ‘труд’, ‘производительность’, ‘рабочее время’, ‘производство’, ‘рационализация’ и др. Основные признаки данного научного понятия фиксируются его дефиницией: ‘степень напряжённости труда, ограниченная рабочим временем, обусловленная степенью рациональности в процессе производства и являющаяся одним из факторов производительности труда’. Содержание научных понятий характеризуется высокой степенью

объективности, чёткости, ясности (что обусловлено их апостериорностью), отсутствием эмоциональных компонентов: *нормы труда, трудовой стаж* и др. Специфика научных понятий, по наблюдениям Е.К. Войшвилло, состоит в их необразном отражении действительности.

Среди традиционных признаков научного понятия называют и такие: оно входит в состав той или иной теории, является единицей той или иной классификации. Например, научное понятие *заработная плата* входит в теорию добавочной стоимости, является гипонимом для понятия *национальный доход*, гиперонимом для понятий *сдельная заработная плата, повременная заработная плата*.

Научные понятия имеют специфические приёмы образования: анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование, идеализация.

Каждый из рассмотренных типов ментальных единиц является элементом наивной или научной картины мира. Концепт в лингвокультурологической интерпретации – категория, связывающая фрагменты как научной, так и наивной картин мира. Так, концепт ТРУД включает в свой состав представления, культурные установки, идеологемы, стереотипы, обыденные и научные понятия, что обусловлено признаками культурно-исторической детерминированности и содержательной целостности концепта. Как наивные, так и научные ментальные единицы могут участвовать в концептуализации одного и того же фрагмента идеосферы. Кроме этого, как мы могли видеть, из представлений могут развиваться научные понятия. Лингвокультурологию интересуют прежде всего наивные знания.

Рассмотренные ментальные единицы характеризуются особой значимостью для человека, социума, лингвокультурной группы, всего человечества в целом. Значимость представлений, культурных установок, стереотипов и прочего состоит в том, что они играют роль идеалов, эталонов, принципов, с учётом которых тот или иной субъект регулирует своё поведение. В зависимости от того, какой субъект культивирует ценности, их можно дифференцировать как личностные, социальные, национальные, общечеловеческие.

Так, для героя рассказа Б. Полевого «Вклад» Захарыча ценностью являются профессиональные умения, которые требуют от человека веры и полной самоотдачи: *«Профессия – она вещь святая! В неё, брат, верить надо»*.

Для иллюстрации социальных ценностей приведём отрывок из очерка Г.И. Успенского «Власть земли», где сопоставляются ценности петербургского интеллигента и крестьянина:

«Вам, например, петербургскому интеллигентному чиновнику, жизнь не так легка: вы работаете в министерстве до пяти часов подённую, чтобы выработать средства к жизни... Жизнь для вас – особь статья: Сара Бернар, Зембрих, почести, политика. ...Вы в департаменте совсем другой, чем дома или в театре. А крестьянин-земледелец везде один и

тот же: он трудится и живёт интересами этого же труда... Результат вашей жизни, положим, хоть плотная банковая книжка; банковая книжка пахаря тут же всегда с ним – в его радости, что вёдро, что овсы вязались шибко... Вам нужен кабинет – для себя, салон – для общества, классная для детей... для пахаря-мужика нужна одна изба, потому что все живут одним – землёй...»

Приведённый отрывок отчётливо освещает ценности чиновника: деньги, квартира, должность и пр. – и крестьянина: погода, урожай, земля. Таким образом, интенционал концепта представляет собой всю историю человеческой мысли по данной теме, аспекты содержания концепта могут быть охарактеризованы как старые или новые, актуальные или неактуальные.

Исследования по культурологии, психоанализу, лингвистике, философии показывают, что существуют более сложные в аспекте содержания ментальные единицы – предельные понятия, архетипы, праобразы коллективного бессознательного [Юнг 1992; Снитко 1999]. **Архетип** представляет собой возможность возникновения тех или иных образов, представлений и пр., которые хранятся в подсознании индивида. Карл Густав Юнг указывал, что архетип – «не врождённое представление, а врождённая возможность представления», «априорные идеи», «регулирующие принципы формирования творчески оформленного материала» [Юнг 1992: 116]. Архетипические структуры не обусловлены личным опытом, наследуются человеком от предшествующих поколений. Инвариантность архетипических структур определяется значимостью их содержания, «проверенностью», многообразием практик ряда поколений. Содержанием инварианта архетипа является усреднённый тип психических реакций на окружающий мир.

Для данной ментальной категории характерен абсолютный объём и содержание, стремящееся к нулю. Они создают своеобразную рамку для продуцирования или интерпретации концептов. Так, Т.Н. Снитко показывает, что при истолковании восточных концептов следует исходить из принципа целостности, западных – аналитичности. К архетипическим представлениям, лежащим, например, в основе концептуализации труда, относится жизнеобеспечивающая ценность данного вида деятельности.

Если концепты структурируют картину мира, соотносятся с миром вещей, то архетипы (предельные понятия) «держат», представляют его как целое.

Специфика репрезентации предельных понятий заключается в том, что они не находят прямого отражения языковыми средствами.

Итак, концепт по отношению к представлениям, наивным и научным понятиям, культурным установкам, идеологемам, стереотипам выступает как макроструктура. Эти единицы – части, точнее, строевые элементы концепта. В свою очередь, концепт находится в зависимости от архетипов. Соотношение ментальных категорий можно представить в виде схемы, предложенной на рисунке 1.

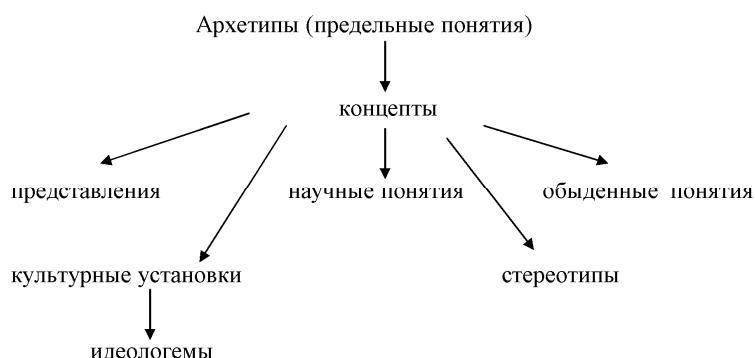

Рис. 1. Соотношение ментальных категорий

Таким образом, в культурологическом понимании концепт – это исторически развивающаяся часть концептосферы. Структурная модель концепта, определяемая характером входящего в него содержания, включает в себя (1) конструкторы знания, обладающие ценностью и истинностью для всего человечества, (2) национально специфические знания. Будучи способом существования и организации культуры, указывая на динамику культурно-когнитивных процессов, концепт обеспечивает связь между различными эпохами и стилями культуры. Концепт задается определенным архетипом и выступает как макроструктура по отношению к представлениям, наивным и научным понятиям, культурным установкам, идеологемам, стереотипам, которые являются строевыми элементами концепта. Предложенные рассуждения открывают **перспективы** детального анализа лингвокультурных концептов на различных исторических этапах развития того или иного общества и его языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – 123 с.
3. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления / Е.К. Войшвилло. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989. – 239 с.
4. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. Антология / Под ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – 320 с.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство СПб, 2000. – 704 с.
6. Пелипенко А.А. Культура как система / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. – 376 с.

7. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
8. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. . Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. – 186.
9. Психологический словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
10. Снитко Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах / Т.Н. Снитко. – Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 1999. – 158 с.
11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Академ. проект, 2001. – 824 с.
12. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) / Г.В. Токарев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 233 с.
13. Юнг К.Г. Феномен духа в искусстве и науке / К.Г. Юнг // Собр. соч.: В 19 т. – М.: Ренессанс, 1992. – Т. 15. – 320 с.

Григорий Валериевич Токарев, доктор филол. н., профессор, зав. кафедрой документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого; e-mail: grig72@mail.ru

УДК 811.11'42

**ТАКТИКА ИЗГНАНИЯ КАК СТРУКТУРНАЯ
 СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВИНДИКТИВНОГО ДИСКУРСА
 (прямые и косвенно-производные формы объективации)**

И.И. Чесноков (Волгоград, Россия)

И.И. Чесноков. Тактика изгнания как структурная составляющая виндиктивного дискурса (прямые и косвенно-производные формы объективации). В статье описываются психический эпицентр, мотив, цель, стратегии и тактики виндиктивного дискурса. Получают освещение прямые и косвенно-производные формы объективации тактики изгнания как структурной составляющей названного вида речевой деятельности. Конструируется коммуникативно-семантическое поле объективирующих данную тактику форм.

Ключевые слова: эмоциональный поведенческий концепт «мечь», виндиктивный дискурс, тактика изгнания, коммуникативно-семантическое поле.

І.І. Чесноков. Тактика вигнання як структурна складова віндиктивного дискурсу (прямі та непрямо-похідні форми об'єктивації). У статті наводяться психічний епіцентр, мотив, мета, стратегії та тактики віндиктивного дискурсу. Отримують висвітлення прямі та непрямо-похідні форми об'єктивації тактики вигнання як структурної складової зазначеного виду мовленнєвої діяльності. Конструюється комунікативно-семантичне поле форм, що об'єктивують дану тактику.

Ключові слова: емоційний поведінковий концепт «помста», віндиктивний дискурс, тактика вигнання, комунікативно-семантичне поле.

I.I. Chesnokov. Tactic of banishment as a structural component of vindictive discourse (direct and indirect forms of presentation). Mental epicentre, motive, aim, strategies and tactics of vindictive discourse are described in this article. Direct and indirect forms, presenting tactic of banishment as a structural component of mentioned above type of speech activity, get enlightenment. Communicative-semantic field of forms, which present this tactic, is constructed.

Key words: emotional behavioural concept “revenge”, vindictive discourse, tactic of banishment, communicative-semantic field.

1. Введение

По мере укрепления когнитивистских позиций в современном языкознании перед лингвистами возникают все новые проблемы, нуждающиеся в комплексном междисциплинарном решении. Одну из таких проблем

составляет теоретическое моделирование концептов и верификация конструируемых аналогов изучаемых ментальных сущностей в лингвокультурных контекстах.

Особый интерес в этой связи представляют эмоциональные концепты, которые определяют поведение человека в той или иной ситуации социального взаимодействия и которые благодаря его способности к саморефлексии объективируются, т.е. обретают знаковую оформленность в соответствии с системой ценностей, исторически сложившейся в рамках данного сообщества.

Предлагаемая вниманию читателей статья представляет собой часть более общего, когнитивно-коммуникативного, описания эмоционального поведенческого концепта «месть» и производного от него виндиктивного дискурса в контексте русской лингвокультуры. **Объектом** исследования в настоящей статье является тактика изгнания как структурная составляющая виндиктивного дискурса, а **предметом** – представляющие названную тактику вербальные формы. **Актуальность** данного исследования обусловливается необходимостью систематизации вербальных построений в рамках виндиктивного дискурса. **Цель** настоящей статьи – построение коммуникативно-семантического поля объективирующей изучаемую тактику форм. (Под коммуникативно-семантическим полем подразумевается совокупность высказываемых носителем этноязыкового сознания предложений, обеспечивающих реализацию определенной тактики его речевого поведения).

Одним из источников социальной активности человека является эмоциональный концепт, представленный в русскоязычном быденном сознании ключевым словом “месть”. Названный концепт находит свое выражение не только в предметно-практической, но и возникшей на ее основе речевой деятельности, которая характеризуется фрустрационной обусловленностью, осознанностью, целенаправленностью, агрессивностью и по прагматическим параметрам определяется нами как виндиктивный дискурс (далее – ВД) [см.: Шаховский, Чесноков 2005].

Глубинным психологическим мотивом данного вида речевой деятельности является потребность индивида в эмоционально-энергетической разрядке, которая трансформируется в целевую установку, связанную с устранением источника фрустрации (или замещающего его объекта) и установлением границы, отделяющей свое (безопасное) от чужого враждебного пространства. Реализуется данная целевая установка в стратегиях устрашения и проклятия и соответствующих им тактиках угрозы, а также изгнания, поругания и злопожелания.

Поскольку целевая установка ВД сводится к установлению выше названной границы, а последняя в конечном счете определяется волей речедействующего субъекта, то тактику изгнания (как, впрочем, и другие структурные составляющие изучаемого вида речевой деятельности – тактики

угрозы, поругания и злопожелания) можно рассматривать как вспомогательный способ (или прием), который используется им для утверждения своей воли.

Тактика изгнания наряду с другими тактиками ВД реализуется в прямых и косвенно-производных формах.

2. Прямые формы объективации тактики изгнания

Изучаемая тактика как структурная составляющая стратегии проклятия восходит к предметно-практическому действию – выталкиванию субъектом угрожающего объекта за пределы территории, которую первый считает своей. В столкновениях людей, ведущих борьбу за жизненное пространство, это действие является насильственным или, выражаясь несколько иначе, достаточно жестким способом утверждения субъектом своей воли. А поскольку это так, то в качестве первичных (прямых) форм объективации возникшей на его основе речеповеденческой тактики следует рассматривать такие, которые с точки зрения выражаемых ими конкретно-коммуникативных смыслов (термин Н.И. Формановской: [Формановская 1986: 18]) можно охарактеризовать как требования (или приказы), но не как просьбы (или мольбы).

Ключевым смыслообразующим компонентом объективирующих тактику изгнания требований является глагол *“идти”* в форме повелительного наклонения или прошедшего времени, который нередко предваряется усилительной частицей *“а ну”* и как правило сопровождается наречиями *“отсюда”*, *“вон”* или *“прочь”* (*“Иди отсюда”*, *“А ну иди отсюда”*, *“Пошел вон / прочь”*, *“А ну пошел вон / прочь”*).

Надо сказать, что единицы *“вон”* и *“прочь”* как междометия, выражающие требования или приказы уйти, удалиться [См.: МАС-2, Т.1: 209, Т.3: 546] и сами используются как ключевые средства объективации тактики изгнания: *“Вон!”*, *“Вон отсюда!”*, *“Прочь с дороги!”*, *“Прочь из моего дома!”* и пр.

Еще одним ключевым средством выражения требования уйти, удалиться является предикативная единица *“долой”*, которая, будучи производной от одноименного наречия, восходящего к общеславянскому корню *“dol”* (низ), позволяет субъекту речи эксплицировать нисходящий вектор требуемого от адресата-агрессора передвижения. Это надо понимать так, что, высказывая предложения *“Долой с моих глаз!”* или *“Долой со двора!”*, адресант требует от адресата-агрессора не просто уйти, а уйти вниз в определенной системе иерархических отношений. (Последнее обстоятельство, связанное со способностью предикативной единицы *“долой”* означать движение вниз, низвержение, оказывается релевантным для выражения субъектом речи требования отлучения того или иного лица или группы лиц от власти: 1) *“Долой тиранов! Прочь оковы! Не нужно гнета, рабских пут!”* (песня “Красное знамя”), 2) *“Долой самодержавие!”*, *“Долой антинародное правительство!”* (лозунги демонстрантов). Поэтому, как отмечает Е.И. Шейгал, объективирующие тактику изгнания требования с компонентом *“долой”* и получают столь широкое распространение в политическом дискурсе [Шейгал 2000: 249]).

Направленные на изгнание адресата-агрессора требования представляются также и такими устойчивыми императивными конструкциями, как *“не попадайся мне на глаза”, “чтоб я тебя (здесь) больше не видел”, “чтоб духу твоего / ноги твоей (здесь) больше не было”* и др.

См. 1) *“– Из-за Вашего непрофессионализма я лишился автомобиля и партнера. Так, аванс оставляете себе и больше на глаза мне не попадайтесь”* (Х/ф “Возвращение Турецкого”).

2) *“– Вот сорванцы! Опять за свое! Я же предупреждал вас, что в этом месте ловить рыбу воспрещается. Быстро сматывайте удочки, и чтоб я вас здесь больше не видел”* (ЗЖР).

3) *“– Я доверял тебе так, как доверяют самым близким людям. А ты предал меня! Такое трудно забыть. Словом, собирай свои пожитки, и чтоб духу твоего здесь больше не было”* (ЗЖР).

Для интенсификации намерения причинить адресату-агрессору моральный вред адресант использует также глаголы *убирайся, проваливай, катись, дергай, выметайся, исчезни* и многие другие, а в некоторых случаях – и междометия *брысь* или *кыш*, предназначенные для отгона кошек и птиц. Однако наиболее сильными интенсификаторами данного намерения являются вводимые им в высказывания наименования реалий, к которым он отправляет своего оппонента, – болото, баня, леший, черт, а также обценные обозначения прокреативных и экскреторного органов. Подобного рода конструкции, указывающие, куда следует отправляться адресату-агрессору, иногда называют посылами [См.: Успенский 1994], а среди последних выделяют еще и табуированные послы [См.: Жельвис 1997], имея в виду сорержающиеся в них лексические единицы, на которые общество налагает те или иные запреты. Посылы как формы выражения вербальной агрессии достаточно хорошо описаны в функциональном и структурном аспектах [См. выше указ. авторов, а также: Седов 2003; Кусов 2004 и др.]. Однако реалии – референты имен-интенсификаторов намерения говорящего причинить адресату-агрессору моральный вред лишь в последнее время получают небольшой комментарий, нацеленный на освещение некоторых релевантных для ВД аспектов ценностно-смыслового отношения носителей русского этнокультурного сознания к окружающей действительности и понимание причин, по которым данные реалии превратились в локусы послы [См.: Чесноков 2009: 198–208]. Этот комментарий показывает, что стереотипные представления носителей русского этнокультурного сознания о выше названных предметах реальной и “виртуальной” действительности оказывали существенное влияние на речеповеденческую тактику изгнания: они предопределяли языковую форму ее воплощения, обеспечивая регулярное использование говорящим соответствующих лексических единиц (болото, баня, леший, черт, х..., п..., ж...) для интенсификации своего намерения причинить адресату-агрессору моральный вред. [О стереотипах сознания и стереотипах поведения см.: Красных 2003]. Данное обстоятельство, в свою очередь, вело к

фразеологизации речи и образованию дискурсивных идиом: иди (пошел) в болото, – в баню, – к лешему, – к черту, – на х..., – в п..., – в ж....

Подобного рода дискурсивные идиомы Б.М. Гаспаров рассматривает как коммуникативные фрагменты или отрезки речи, которые “хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которым он оперирует при создании и интерпретации высказываний” [Гаспаров 1996: 117–118]. К данному определению следует добавить лишь то, что в рассматриваемых примерах речь идет не об индивидуальном опыте, а опыте всего лингвокультурного сообщества. К этому опыту индивид приобщается в процессе социализации и воспроизводит его в коммуникативных ситуациях конфликтного типа. Этот опыт позволяет ему экономить усилия в процессе вербализации своих социальных действий и придает им оперативность и недвусмысленность.

Итак, прямые формы объективации тактики изгнания включают в себя высказываемые субъектом речи требования (или приказы), которыми он побуждает адресата-агрессора покинуть определенную (считающуюся первым своей) территорию. Ключевым смыслообразующим компонентом данных требований (или приказов) является глагол “идти” в форме повелительного наклонения или прошедшего времени, нередко предваряемый усилительной частицей “а ну” и, как правило, сопровождаемый наречиями “отсюда”, “вон” или “прочь”. Последние две единицы в качестве междометий и сами используются как средства объективации изучаемой тактики. Еще одним ключевым средством ее выражения является предикативная единица “долой”, позволяющая субъекту речи эксплицитно выразить нисходящий вектор требуемого от адресата-агрессора передвижения. Кроме этого к прямым формам объективации тактики изгнания относятся требования (или приказы), выражаемые устойчивыми императивными конструкциями “не попадайся мне на глаза”, “чтоб я тебя (здесь) больше не видел” и др., а также требования (или приказы), в которых субъект речи для интенсификации намерения причинить адресату-агрессору моральный вред использует глаголы *убирайся*, *проваливай*, *катись*, *дергай* и др., междометия *брысь* или *кыш* или наименования реалий, к которым он отправляет своего оппонента, – болото, баня, леший, черт и обценные обозначения прокреативных и экскреторных органов.

3. Косвенные формы объективации тактики изгнания

Косвенные формы представления тактики изгнания включают в себя широкий круг высказываемых субъектом речи предложений, которыми он побуждает адресата-агрессора покинуть ту или иную, считающуюся им (т.е. субъектом речи) своей, территорию, формально не нанося ему морального вреда. Все они, по нашему мнению, являются продуктами приспособления ВД к принятым в сообществе нормам поведения, требующим от людей – членов этого сообщества в процессе коммуникации как с чужими, так и со своими не проявлять агрессию (за исключением ситуации военного типа, в которой

угрозы и проклятия в адрес врага нормативны) и не обострять общественные отношения.

Это означает, что человек, испытывающий чувство раздражения (или гнева) от присутствия на его территории другого человека и соблюдающий при этом этические нормы речевого поведения, использует такие формы объективации тактики изгнания, которые с точки зрения выражаемых ими конкретно-коммуникативных смыслов представляют собой советы (рекомендации), просьбы или даже мольбы и которые обеспечивают ему воздействие на реципиента в иной, более мягкой по сравнению с прямыми формами объективации изучаемой тактики, тональности.

Совет, как известно, является некатегоричным директивом, который, хотя и задает нисходящий от адресанта к адресату вектор межличностных отношений, тем не менее позволяет говорящему манифестировать то, что он учитывает интересы реципиента и побуждает его сделать нечто лишь потому, что последнее будет для него (т.е. реципиента) благом [См.: Карасик 2002: 74–75]. Поэтому, когда желание прогнать собеседника наталкивается на осознаваемую необходимость соблюдать этические нормы речевого поведения, вместо *“Идите /иди отсюда”* говорят *“Вам / тебе лучше уйти”*.

Надо сказать, что представление благоприятной перспективы рекомендуемого действия может быть весьма развернутым, что, в свою очередь, делается не только для выражения доброго отношения к реципиенту, но и для переориентации его внимания с наличной ситуации социального взаимодействия на некую виртуальную, сулящую ему гораздо большие блага, чем те, которые он намеревается получить здесь и сейчас.

См. *“Когда в закуской появились вчерашние посетители, еще не протрезвевшие и готовые к новым потасовкам, хозяин решил, что от них надо избавиться, и как можно быстрее.*

– Господа, – начал он, подойдя к столику, – мы еще не готовы принимать гостей. Продукты не завезли, а предлагать вчерашнее, сами знаете, – неприлично. Вы бы прошли к центральной площади. Там столько новых кафе! Хозяева – уважаемые люди. У них и меню поразнообразнее, чем у нас, а главное – пиво всегда свежее.

Последние слова оказались решающими. Переглянувшись, мужчины встали и направились к выходу” (А. Малышева. Пассажир без багажа).

Такие формы объективации тактики изгнания были известны еще древним славянам, которые использовали их не только в межличностных отношениях, но и для воздействия на таинственные силы природы. Последнее обстоятельство следует рассматривать как вполне закономерное, поскольку природные стихии олицетворялись и вовлекались в коммуникативный процесс со всеми свойственными человеческим отношениям нюансами.

Вот лишь некоторые примеры так называемых увещательных заговоров, в которых тактика изгнания представлена советами, весьма развернуто

эксплицирующими благоприятные перспективы рекомендуемых реципиентам действий.

Заговор от лихорадок: *“Здесь вам не жилье, не жилище, не прохладище; ступайте вы в болота, в глубокие озера, за быстры реки и темны боры: там для вас кровати поставлены тесовыя, перины пуховыя, подушки пересныя, там яства сахарныя, напитки медовыя; там будет вам житье, жилище, прохладище...”* [КЭСМ: 333].

Заговор на отгон грозовой тучи: *“Туча, туча, ідзі бокам, апыніся над Глыбокім, там пірожки пякуць, табе крошкі дадуць і цябе поджыдаюць”* [Цит. по: Левкиевская 2002: 143].

Просьба, хотя и является категоричным директивом, тем не менее задает восходящий от адресанта к адресату вектор межличностных отношений, что, в свою очередь, и предопределяет использование субъектом речи данной формы волеизъявления для объективации тактики изгнания, поскольку позволяет ему продемонстрировать свою вежливость. Последнее обстоятельство в контексте социальной иерархии оказывается релевантным для всех видов статусных отношений.

Просьба со стороны вышестоящего, конечно же, является вежливой формой требования (или приказа), но именно она (отмеченная эксплицитным перформативом, этикетным словом “пожалуйста” и / или соответствующей интонацией) и облегчает коммуникацию, поскольку сигнализирует об уважительном отношении говорящего к своему собеседнику. Поэтому данная форма объективации тактики изгнания и получает широкое распространение у лиц, которые имеют полномочия требовать (или приказывать), но, понимая жесткость этих форм, предпочитают просить.

Так, например, высказывание *“Попрошу Вас покинуть зал заседаний”* используется Председателем Государственной Думы как форма объективации тактики изгнания, направляемой на нарушителя установленных в данном учреждении норм поведения, а выражение *“Попрошу Вас выйти из аудитории”* (*“Выйдите, пожалуйста, из аудитории”*), употребляется преподавателем в качестве формы объективации тактики изгнания, ориентированной на студента, нарушающего правила поведения во время занятия.

Просьба в равностатусных отношениях и, тем более, в обращениях нижестоящего к вышестоящему лицу – это нормативная форма волеизъявления, которая, помимо выше отмеченного свойства – быть индикатором вежливости и тем самым способствовать успеху производимого речевого действия, позволяет говорящему избегать очень возможного в случае использования им требования вопроса со стороны реципиента: *“А кто ты такой, чтобы от меня что-либо требовать?”* и формально не обострять межличностные отношения. Поэтому просьба как форма объективации тактики изгнания вполне закономерно получает широкое распространение и в выше названных

статусных отношениях: ведь она позволяет субъекту речи побудить реципиента уйти, удалиться, не нарушая принципа мирного сосуществования.

Мольба является усиленным вариантом просьбы. Неслучайно М.Я. Гловинская в толкование глагола “умолять” включает компоненты “Х говорит, что он хочет, чтобы У сделал Р” и “Х говорит это так, чтобы У представил себе важность Р для Х-а или сжалился над Х-ом” [Гловинская 1993: 181]. Умолять кого-либо что-либо сделать – это значит изъявлять волю, демонстрируя полную зависимость от реципиента, полную подчиненность реципиенту, и тем самым давая ему возможность ощутить свою значимость. Ощущение значимости относится к категории приятных. А поскольку это так, то мольбу можно рассматривать как такую форму волеизъявления, которая рассчитана на достижение положительного результата через усиленное воздействие на центры удовольствия реципиента. Поэтому мольба также используется как косвенная форма объективации тактики изгнания и при обращении вышестоящего к нижестоящему в том или ином статусном отношении лицу: “Я вас умоляю: идите со своим футболом...на стадион, не бегайте под окнами”, и в равностатусных отношениях: “Ты пропил всю нашу любовь. Уходи. Умоляю тебя” и при воздействии нижестоящего на вышестоящее лицо: “Отец, умоляю тебя, оставь меня в покое” (ЗЖР).

Тактика изгнания объективируется также вербальными построениями, которые не содержат формальных показателей намерения субъекта речи побудить своего оппонента покинуть определенную территорию – лексических и фразеологических единиц с семантикой удаления (*уходи, вон, чтоб я тебя (здесь) больше не видел* и т.д.). Они рассматриваются в настоящей работе как формы импликации тактики изгнания и включают в себя как вопросительные (рогативы), так и утвердительные (репрезентативы) предложения, содержащие самую разную, ситуативно обусловленную, информацию, которая с точки зрения отправителя сообщения способна побудить реципиента уйти, удалиться. Такие предложения встречаются и в обыденной, и в институциональной сферах общения и с точки зрения говорящего, вероятно, являются наиболее мягкими, щадящими реципиента, формами представления изучаемой тактики.

В качестве примеров, иллюстрирующих использование речедействующим субъектом рогативных и репрезентативных конструкций для импликации тактики изгнания в обыденной сфере общения, можно привести фразы, которые хозяева адресуют нежеланным или даже желанным (в том числе и званым) гостям, нарушающим своим чрезмерно долгим присутствием правила приличия: “Ты не хочешь подышать свежим воздухом?”, “Ты не опоздаешь на автобус?”, “Твои, наверное, уже волнуются”, “Мне надо отдохнуть” и т.д.

Конечно, нежеланного гостя вряд ли можно назвать агрессором, имея в виду то, что он не совершает никаких, нацеленных на причинение вреда хозяину, действий. Однако в сознании хозяина он и превращается в агрессора, если своим присутствием противоречит его воле и вызывает у него фрустрацию.

Надо полагать, что подобного рода формы импликации тактики изгнания и порождаются конфликтом между желанием хозяина избавиться от присутствия на его территории гостя и необходимостью соблюдать закон гостеприимства. (О том, что такой конфликт существует, можно судить по устойчивым речевым формулам, которые остаются за кадром взаимодействия хозяина и гостя. Одна из них выражает неудовольствие хозяина по поводу прихода нежеланного гостя (*черт (бес, леший, нелегкая) несет кого / принес кого*), а другая – удовольствие по поводу его (а в него при выше описанных условиях превращается и желанный (званный) гость) ухода (*черт (нелегкая) унес кого*) [См.: ФСРЯ: 521]).

В качестве примеров импликации тактики изгнания в институциональной сфере общения можно привести высказывания (надписи на транспорантах), которыми русскоязычные жители Крыма не так давно встречали высаживавшихся на берег американских моряков, участвовавших совместно с украинскими моряками в военно-морских учениях стран-членов НАТО.

См. 1) “*Американцы! Вы не ошиблись адресом?*”.

2) “*Американцы! Вас ждут дома жены и дети!*”. (РТР. «Вести». 23.07.2007).

Главной коммуникативно-прагматической особенностью выше рассмотренных форм является то, что они позволяют субъекту речи опредмечивать тактику изгнания, не нарушая принципа мирного сосуществования, что, в свою очередь, как нам кажется, и обуславливает их распространение и в личностно-, и в статусно ориентированном общении.

Итак, косвенные формы объективации тактики изгнания включают в себя советы, просьбы и мольбы, которыми субъект речи побуждает оппонента покинуть определенную (считающуюся первым своей) территорию. Кроме этого к косвенным формам объективации изучаемой тактики мы относим вербальные построения, не содержащие формальных показателей намерения говорящего побудить оппонента покинуть определенную территорию – лексических и фразеологических единиц с семантикой удаления. Они рассматриваются нами как формы импликации изучаемой тактики и включают в себя как вопросительные (рогативы), так и утвердительные (репрезентативы) предложения, содержащие самую разную, ситуативно обусловленную, информацию, которая с точки зрения отправителя сообщения способна побудить реципиента уйти, удалиться (“*Ты не хочешь выйти на воздух?*”, “*Ты можешь опоздать на автобус*” и т.д.).

4. Коммуникативно-семантическое поле форм выражения тактики изгнания

Если все формы объективации тактики изгнания представить в виде коммуникативно-семантического поля, то

в его **ядро** войдут высказываемые субъектом речи требования (или приказы), которыми он побуждает оппонента покинуть определенную территорию (ключевым смыслообразующим компонентом данных требований (или приказов) является глагол “*идти*” в форме повелительного наклонения

или прошедшего времени, нередко предваряемый услительной частицей “а ну” и, как правило, сопровождаемый наречиями “отсюда”, “вон” или “прочь”); здесь же окажутся требования (или приказы), выражаемые устойчивыми императивными конструкциями “не попадайся мне на глаза”, “чтоб я тебя (здесь) больше не видел” и др., а также требования (или приказы), в которых говорящий для интенсификации намерения причинить адресату-агрессору моральный вред использует глаголы *убирайся, проваливай, катись, дергай* и др., междометия *брысь* или *кыш* или наименования реалий, к которым он отправляет своего оппонента, – болото, баня, леший, черт и др.;

околоядерное пространство данного поля займут советы, просьбы и мольбы, которыми субъект речи побуждает оппонента уйти, удалиться (“*Вам лучше уйти*”, “*Попрошу Вас покинуть зал заседаний*” и др.);

на **периферии** моделируемого поля окажутся различные рогативные и репрезентативные конструкции, которыми субъект речи намекает оппоненту на то, чтобы он ушел (“*Ты не хочешь подышать свежим воздухом?*”, “*Ты можешь опоздать на автобус*” и др.).

5. Выводы

Отметим, что конфликт между индивидом и обществом в части права на реализацию себя в качестве карающей силы является важнейшим фактором, стимулирующим речемыслительную деятельность и появление косвенных форм объективации и тактики изгнания, и виндиктивного дискурса в целом.

Представленная в настоящей статье систематизация форм воплощения тактики изгнания, естественно, **применяется** и по отношению к формам воплощения других тактик виндиктивного дискурса, поскольку вытекает из выше отмеченного, свойственного изыскаемому виду речевой деятельности, социально-психологического обстоятельства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М., 1996. – 352 с.
2. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / М.Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 152–159.
3. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема / В.И. Жельвис. – М., 1997. – 307 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
6. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дис... канд. филол. наук / Г.В. Кусов. – Краснодар, 2004. – 245 с.

7. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура / Е.Е. Левкиевская. – М.: Индрик, 2002. – 293 с.
8. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия / К.Ф. Седов // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – С. 196–212.
9. Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Б.А. Успенский // Избранные труды. Т. II: Язык и культура. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – С. 53–128.
10. Формановская Н.И. О коммуникативно-семантических группах и интенциональной семантике их единиц / Н.И. Формановская // Языковое общение и его единицы: сб. науч. ст. – Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1986. – С. 18–27.
11. Чесноков И.И. Мечь как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): дис. ... доктора филол. наук / И.И. Чесноков. – Волгоград, 2009. – 334 с.
12. Шаховский В.И. Фрустрации – эмоции – дискурс (к теории виндиктивного дискурса) / В.И. Шаховский, И.И. Чесноков // Языковая личность в дискурсе: полифония структур и культур: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М.; Тверь: ИЯ РАН: ТвГУ: ТГСХА, 2005. – С. 152–159.
13. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Е.И. Шейгал; Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ

- КЭСМ – Краткая энциклопедия славянской мифологии: Ок. 1000 статей / Н.С. Шапарова. – М.: ООО «Издательство АСТ» : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Русские словари», 2003.
- МАС-2 – Словарь русского языка: в 4-х т. – М.: Русский язык, 1981-1984.
- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под. ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978.

Иван Иванович Чесноков, доктор филол. наук, профессор каф. русского языка как иностранного Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: figa@vsru.ru

УДК 811.111-112:81'371

**ДИСКУРСООБРАЗУЮЩИЕ
 КОНЦЕПТЫ ВИКТОРИАНСТВА:
 СКРОМНОСТЬ vs ХАНЖЕСТВО**
И.С. Шевченко (Харьков, Украина)

И.С. Шевченко. Дискурсообразующие концепты викторианства: СКРОМНОСТЬ vs ХАНЖЕСТВО. В статье рассматриваются дискурсообразующие этические концепты викторианского дискурса СКРОМНОСТЬ и ХАНЖЕСТВО, соответствующие моральным приоритетам эпохи. Структура этического концепта имеет двухмерное лингвокультурное и социодинамическое представление. При стабильности понятийного слоя концепта социодинамический аспект обуславливает изменение оценочной и образной составляющих концепта СКРОМНОСТЬ и появление концепта ХАНЖЕСТВО.

Ключевые слова: викторианский дискурс, викторианская этика, дискурсообразующие концепты, лингвокультурный концепт, социодинамическая двойственность.

Шевченко І.С. Дискурсотвірні концепти вікторіанства: СКРОМНІСТЬ vs ХАНЖЕСТВО. У статті розглядаються дискурсотвірні етичні концепти вікторіанського дискурсу СКРОМНІСТЬ і ХАНЖЕСТВО, що відповідають моральним пріоритетам епохи. Структура етичного концепту має двомірне лінгвокультурне й соціодинамічне представлення. За умови стабільності понятійного шару концепта соціодинамічний аспект зумовлює зміни оцінної та образної складових концепта СКРОМНІСТЬ і появу концепта ХАНЖЕСТВО.

Ключові слова: вікторіанський дискурс, вікторіанська етика, дискурсотвірні концепти, лінгвокультурний концепт, соціодинамічна подвійність.

I. Shevchenko. Discourse-forming concepts of Victorian period: MODESTY vs PRUDERY. This article considers specific Victorian discourse-forming ethic concepts MODESTY and PRUDERY. The structure of the ethic concept has two-dimensional linguocultural and sociodynamic character. The conceptual aspect being stable, a sociodynamic change in evaluative and image-bearing aspects of of the concepts MODESTY results in the appearance of PRUDERY.

Key words: discourse forming concepts, linguocultural concept, sociodynamic duality, Victorian discourse, Victorian ethics.

1. Вводные замечания. Современная английская культура покоится на наследии викторианской этики. XIX в. создал особую культуру, моральные ценности которой характеризуются неоднозначно и порой диаметрально противоположно, причем двойственная оценка заложена в самой эпохе, где превалируют эти моральные ценности. Воплощаясь в дискурсе, доминирующие ценности во многом определяют, структурируют дискурс, выступая его дискурсообразующими концептами. **Актуальность** исследуемой проблемы обусловлена, с одной стороны, возрождением интереса к викторианству в наши дни (так, в 1983 г. М. Тэтчер провозгласила викторианские ценности важнейшими ценностями человечества, на которые должно ориентироваться современное британское общество). С другой стороны, актуальность анализа определяется тем, что он выполнен в современной когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистики и отвечает требованиям разработки лингвокультурного подхода в когнитивистике и дискурсологии.

Начиная с 1987 года, когда Англия отмечала 150-летие восшествия на престол королевы Виктории, когда было переиздано много работ английских авторов XIX в., не исчезает интерес к наследию королевы Виктории и ее времени. Обращаясь к викторианскому опыту, британцы стремятся сопоставить его с сегодняшней жизнью, переосмысливают его ценности и идеалы, важнейшие из которых – система викторианских моральных ценностей, ведущие концепты которой избраны **объектом** нашего анализа. **Предметом** рассмотрения служат ведущие концепты викторианской этики, генерирующие викторианский дискурс.

Цель статьи – определение характеристик этических концептов, лежащих в основе бытийного дискурса викторианской эпохи – MODESTY / СКРОМНОСТЬ и PRUDERY / ХАНЖЕСТВО, исходя из гипотезы о том, что лингвокультурные концепты способны выступать в роли организующих, продуцирующих дискурсы определенных типов и трансформировать ценностный (оценочный) и образный слои при сохранении понятийного слоя концепта с изменением ментальности лингвокультурной общности.

Дискурс – система когнитивных и коммуникативных составляющих, где первые преимущественно определяют его содержание, а вторые – его форму, структуру, стратегии. Период их изолированного анализа в лингвистике закончился с оформлением в последние годы когнитивной прагматики, которая «сфокусирована на ментальных операциях, связанных с передаваемыми в дискурсивных ситуациях смыслами: в ее предмете акцентировано порождение и толкование смыслов как ментальных / мыслительных феноменов в речевой деятельности субъектов» [Шевченко, Сусов, Безуглая 2008: 7]. Такой подход позволяет ставить и комплексно решать вопрос о дискурсе во взаимосвязи его когнитивных и коммуникативных характеристик, в частности, говорить об определяющей роли базовых концептов для коммуникативных параметров дискурса. Для любой системы, включая дискурс, это соответствует идее системообразующих (в отличие от системопроброетенных и системо-

нейтральных) средств по В.М. Солнцеву [Солнцев 1971: 47]. Такими системообразующими элементами дискурса выступают дискурсообразующие концепты.

В последние десятилетия бурное развитие когнитивной лингвистики привело к оформлению двух общепризнанных подходов к трактовке концепта – лингвокогнитивного и лингвокультурного. При всей дискуссионности ряда понятий когнитивной лингвистики эти подходы едины тем, что концепт – это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти» [Кубрякова 1996: 90], либо «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик 2002: 7].

В рамках лингвокультурологии выделяются базовые для того или иного типа дискурса концепты, которые определяют его важнейшие характеристики и сами задаются ними. «Концепт – микромодель культуры, а культура – макромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею» [Зусман 2001: 41]. Как отмечает В.И. Карасик, различие между культурами проявляется в количественном и комбинаторном предпочтении признаков при концептуализации мира, а объяснение таких предпочтений требует обращения к истории, психологии, философии того или иного народа [Карасик 2002: 133].

Каждому типу дискурса присущи специфические концепты, которые В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин называют «генеративными» (центральными для данного дискурса, лежащими в основе развертывания его смыслов и норм) [ККС 2009: 78], Е.И. Шейгал – «дискурсо-образующими» [Шейгал 2002: 24]. Е.М. Верещагин [1996] описывает «концепт-код» (ключевой концепт) советской культуры **ОЧЕРЕДЬ**, а Е.В. Горина – «дискурсообразующие» концепты американского электорального дискурса **НАРОД**, **ВЛАСТЬ**, **ПРЕЗИДЕНТ**, **СВОБОДА**, **ДЕМОКРАТИЯ**, **ТЕРРОРИЗМ**, **ВОЙНА** [Горина 2008: 132]. Викторианский дискурс формирует дискурсообразующие концепты **MODESTY / СКРОМНОСТЬ** и **PRUDERY / ХАНЖЕСТВО**.

2. Принципы викторианской этики и дискурс. В центре внимания нашей работы – лингвокультурные концепты викторианства. Викторианский бытийный дискурс, представленный в художественной литературе, который мы понимаем как мыслекоммуникативный феномен, процесс и результат речевой деятельности британских коммуникантов среднего и высшего классов, соответствующий этосу и ментальности викторианской лингвокультуры.

Дискурс как система взаимодействия определенной лингвокультурной общности зависит от социальных, культурных (ценностных, этических, эстетических) компонентов этой общности, от этоса – конкретного стиля взаимодействия в социуме, обобщенного типа речевой интеракции. При этом обобщенная модель дискурса – речевой интеракции эпохи – схематически

определяется как производная от культуры и социума через языковую личность, лингвокультурную общность и этос, а от него – к дискурсу [Шевченко 1998: 128]. Тем самым роль культуры для бытийного дискурса, как и дискурса иных типов, трудно переоценить.

Викторианская культура сформировала собственные моральные ценности справедливости, свободы, направленные против эксплуатации, стяжательства, цинизма, о чем свидетельствуют произведения Ч. Диккенса и др. Культурные ценности викторианства не были однородны на протяжении своего века. Так, в области религии викторианская мораль оказалась поколебленной после выхода из печати труда Ч. Дарвина о происхождении видов (в 1859 году).

Викторианские ценности среднего класса и аристократии существенно различались. С ростом индустриального общества появление новых ценностей, как, например, индивидуализма, сформировало идею *self-made man* – человека, обязанного всем самому себе [Bailey 2008: 200], которая быстро стала доминирующей для среднего класса. Влияние среднего класса росло, он усвоил ценности прогресса, либеральной политики, конкуренции, честности, порядочности, благотворительности, семьи, материализма, собственного достоинства, почтения к традициям. Жесткое соревнование стало нормой жизни не только в бизнесе; победитель высоко ценился, если мог «*keep up with the Joneses*» [там же: 200–202]. Таким образом, викторианская эра заложила фундамент для современных экономик массового потребления западного мира.

Напротив, 300 семейств правящего класса – британской элиты – провозглашали традиционные ценности наследственности, происхождения и непрерывности рода, веря в свое предназначение править. У элиты сформировалось патерналистское представление об обществе, в котором она играла роль отца семейства, обязанного заботиться об обществе [там же: 154]; её главным девизом стало «*Noblesse oblige*». По мере изменения викторианских ценностей элита начала постепенно признавать средний класс вплоть до возможности браков между представителями разных классов, о чем пишет Ш. Бронте и др. Однако важнейшей в викторианской культуре была викторианская мораль – квинтэссенция моральных убеждений общества периода правления королевы Виктории и расцвета Британской империи (1837 – 1901).

Викторианская мораль – набор ценностей, проповедующих строгий социальный код поведения, осуждение сексуальной распущенности, преступности. Среди ведущих концептов викторианской этики – *MODESTY* / СКРОМНОСТЬ (с точки зрения общехристианских ценностей СКРОМНОСТЬ, подобно СДЕРЖАННОСТИ, СМИРЕНИЮ, и КРОТОСТИ, является элементом одной из важнейших христианских добродетелей – СДЕРЖАННОСТИ). Ведущая роль скромности в этике задана самим определением этой дисциплины как «практической философии; науки о морали (нравственности)» [Гуссейнов 2001: 573–581], как философского исследования сущности, целей и причин морали и нравственности, проблемы критериев добра и зла и т.п.

Основной целью этики Аристотель называл счастье – деятельность души в полноте добродетели, то есть самореализацию человека – его разумные поступки, которые избегают крайностей и держатся золотой середины. Поэтому основная добродетель – это умеренность и благоразумие.

Доминирование моральных ценностей в бытийном дискурсе викторианского периода отражается в особой роли конверсационных максим вежливости с преобладанием стратегий позитивной вежливости; в появлении и расцвете особой разновидности бытийного дискурса – т.н. светской болтовни (small talk) как одного из ярких проявлений метакоммуникативного дискурса [Шевченко 1998; Морозова 2004] (в терминологии В.В. Дементьева – непрямой коммуникации [Дементьев 2006: 275]). Такая дискурсивная практика предписывалась нормами вежливого поведения для лиц среднего / высшего классов и полностью соответствовала идеалам скромности, сдержанности, порядочности XIX века.

3. Лингвокультурный концепт MODESTY / СКРОМНОСТЬ. Лингвокультурный концепт, по определению В.И. Карасика, Н.А. Красавского, Г.Г. Слышкина, – это многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны, причем для лингвокультурологии релевантны лишь те концепты, которые «характеризуют специфику культуры как совокупности человеческих достижений во всех сферах жизни» [ККС 2009: 26–27]. С одной стороны, поскольку ценности входят в определение сущности этики, все концепты этики характеризуются неразрывностью их понятийной и ценностной составляющих. С другой стороны, нормы этики приобретают свою ценность, лишь будучи признанными обществом в целом, а не только отдельным индивидом. Поэтому концепты этики – социокультурные регулятивы, которые непосредственно связаны с ментальностью и культурой определенного общества в определенный период его развития, а *изменение культуры и ментальности вызывает трансформации не столько в понятийной составляющей концепта (являющейся фактором его стабильности, узнаваемости в различных дискурсах), сколько его ценностной и образной составляющих*. В качестве примера достаточно обратиться к различным оценкам, которые превалируют в концептах ДОБРО, ГРЕХ и под. в дискурсах разных лингвокультурных обществ.

Социокультурный концепт-регулятив MODESTY / СКРОМНОСТЬ имеет целью сдерживание людских страстей. MODESTY / СКРОМНОСТЬ предполагает соответствие внешности человека – его одежды, разговора, его поведения – и внутреннему смирению, которое предписано христианину. Во внутреннем мире человека MODESTY / СКРОМНОСТЬ выражается через соблюдение этики, стремление к самосовершенствованию, толерантность к другим.

Внешняя MODESTY / СКРОМНОСТЬ, как правило, превалирует над ее другими проявлениями. Например, христианская мораль исходит из того, что

человек живет среди «падшей» природы, поэтому должен быть одетым; а исходя из трактовки тела как священного дара разрешает отдавать его другой особе только в браке.

В соответствии с требованиями христианской морали, для викторианского среднего и высшего классов приличными (*decent*) считались женщины, «*adorning themselves with modesty and sobriety, not with plaited hair, or gold, or pearls, or costly attire, But as it becometh women professing godliness, with good works*» [I Timothy 2: 9–10]. Стандарты MODESTY / СКРОМНОСТИ задаются викторианской культурой и обществом и, в свою очередь, служат мерилom оценивания членов этого общества. В общении как форме социального взаимодействия скромность выражается через смирение, застенчивость, простоту. СКРОМНОСТЬ (сдержанность) включает:

- преуменьшение своих достижений (смирение);
- поведение или намерение избежать неуместности или непристойности;
- отказ от неискренного самоунижения, фиктивной скромности, которая является формой хвастовства.

Эти характеристики концепта MODESTY / СКРОМНОСТЬ восходят к его историческому слою и прослеживаются в этимологии соответствующей лексемы *modesty* (n), которая приходит в английский язык в 1530-х гг. из латыни (*modestia* «moderation» от *modestus* «moderate, keeping measure, sober» от *modus* «measure, manner») через среднефранцузское *modestie* и обозначает «freedom from exaggeration, self-control» [OED]. Производное прилагательное фиксируется словарями с 1560-х гг. в значении «having moderate self-regard» от латинского *modestus* «keeping due measure», а применительно к женщине – с 1590-х гг. как «not improper or lewd» и о ее одежде – с 1610-х гг.

В новоанглийском языке лексема *modesty* (n) [FOD] имеет основные значения:

1. «The state or quality of being modest».
2. «Reserve or propriety in speech, dress, or behavior».
3. «Lack of pretentiousness; simplicity».

Эти значения детализированы во множестве синонимов, которые свидетельствуют о высокой номинативной плотности концепта MODESTY / СКРОМНОСТЬ:

(1) *reserve, decency, humility, shyness, propriety, reticence, timidity, diffidence, quietness, coyness, self-effacement, meekness, lack of pretension, bashfulness, humbleness, unpretentiousness, demureness, unobtrusiveness, discreetness* (например, *His modesty does him credit*);

(2) *plainness, simplicity, ordinariness, unpretentiousness, inexpensiveness* (например, *The modesty of the town itself comes as a surprise*);

(3) *decorum, virtue, decency, delicacy, propriety, sobriety, coyness, demureness, decorousness, seemliness, chasteness* (например, *There were shrieks as the girls tried to protect their modesty*).

Для сравнения: толковый словарь В.И. Даля определяет СКРОМНЫЙ как «умеренный во всех требованиях, смиренный; кроткий и невзыскательный в отношении себя; не выпячивающий свою личность вперед; приличный, тихий в обращении» (например, *Скромный человек сам своих заслуг не оценивает. Скромная просьба, умеренная, в пределах обычая, и дельная. Скромная жизнь, тихая, незатейливая, домашняя, нероскошная. Скромная наружность обманчива. Скромная улыбка, кроткая. У нее какая-то нескромная походка, с размашкой. Скромнее было бы не требовать, а просить. Трезов скромен, а во хмелю буйан. Это собака скромная, никого не укусит*) [Даль].

Описанные выше основные значения имени концепта СКРОМНОСТЬ *modesty* находят отражение в формировании дискурсов с выраженной позитивной (1, 2) или нейтральной (3) оценочностью:

(1) *...I stood with the key in my hand, exchanging a few words of special farewell with some half-dozen of my best scholars as decent, respectable, modest, and well-informed young women as could be found in the ranks of the British peasantry* (Ch. Bronte, Jane Eyre)

(2) *...and you were so discreet, and so thoroughly modest and sensible, I hoped you might be trusted to protect yourself.* (Ch. Bronte, Jane Eyre)

(3) *...I thought Moor House as complete a model of bright modest snugness within, as it was, at this season, a specimen of wintry waste and desert dreariness without* (Ch. Bronte, Jane Eyre)

По определению Ю.С. Степанова, в картине мира существуют наиболее значимые для данной культуры смыслы, «культурные доминанты», совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке. Такие смыслы служат константами культуры [1997]. Культурные доминанты – это наиболее важные для данной лингвокультуры концепты. Приведенные данные свидетельствуют, что концепт MODESTY / СКРОМНОСТЬ – одна из культурных доминант викторианства.

4. Лингвокультурный концепт PRUDERY / ХАНЖЕСТВО. Историки называют викторианскую эру периодом противоречий, основанных на жесткой классовой системе: с одной стороны, соблюдение внешних приличий и достоинства, а с другой, широкое распространение проституции, тяжелого детского труда. Само понятие викторианской морали двойственно, ибо содержит в себе как позитивную, так и негативную коннотацию, поскольку набор строгих моральных установок (принципы скромности) нередко лицемерно использовались (проявления ханжества). Не удивительно, что концепт MODESTY / СКРОМНОСТЬ выступает в дискурсе и в своей второй ипостаси – как ханжество, причем прямые номинации ХАНЖЕСТВА – *prudery* в викторианском дискурсе не обнаружены; в XIX в. они присутствуют в подтексте и эксплицитно проявляются лишь в XX веке.

В своей понятийной составляющей концепты MODESTY / СКРОМНОСТЬ и PRUDERY / ХАНЖЕСТВО содержат общий для них этический принцип скромности (*be modest*), но оценка во втором случае негативна [FOD], что

обуславливает их разную ценность и разные образы, стоящие за ними. Так, прихоти моды порой выходят за пределы общественных стандартов скромности. Однако викторианская мораль диктовала строгие каноны в одежде: наименьшее выставление тела. Это кожи, волос, нижнего белья и особенно интимных зон тела. Стандарты не только призывают к покрытию частей тела, но и к тому, чтобы их формы были скрыты одеждой.

В изобразительном искусстве викторианская скромность проявилась в фиговых листочках, а в литературе – в эвфемизации и табу на описание человеческих эмоций, связанных со сферой физиологии.

Викторианское ханжество доходило до того, что считалось неприличным слово *leg* – нога в смешанной компании; вместо него использовался эвфемизм *limb* – конечность. Мебель, например, столы, были покрыты скатертями таким образом, что ноги были скрыты полностью; купание на морском пляже было возможным лишь в особой кабинке (*bathing machine*) и т.п. [Gay 2000]. Устное или письменное выражение эмоций, сексуальных ощущений формально было под запретом и нередко заменялось так называемым языком цветов.

Любопытен перечень контрольных вопросов для особ женского пола, которыми они должны были руководствоваться при выборе одежды (для мужчин, по мысли моралиста XIX века, выбор скромной одежды не представлял сложности):

- «Станьте прямо и спросите себя: Покрывает ли одежда верхнюю часть моих ног? – приличный ли вырез? Есть ли зазоры, не морщится ли платье над грудной областью, указывая возвышение? Если лиф имеет кнопки, не будет ли моя грудь видна со стороны? Не просвечивает ли ткань?»

- Сделайте несколько шагов и спросите себя: Если есть разрез, не обнажает ли он слишком много при ходьбе? Достаточно ли свободна одежда, чтобы ходить удобно?

- Сядьте и спросите себя: Мои ноги все еще закрыты? Все ли прилично, когда я скрещиваю или распрямляю ноги? Удобно ли мне сидеть?

- Наклонитесь в талии, как будто бы вы выбираете цветок. Спросите себя: не слишком ли сильно вырез открывает грудь? Прилично ли я выгляжу сзади? Могу ли наклониться удобно?

- Протяните руки над головой, как будто бы вы тянетесь к чему-нибудь на высокой полке. Спросите себя: Не выставлены мой живот или ноги? Удобно ли мне доставать что-либо?

- Посмотрите не себя в зеркале целиком. Спросите себя: Если бы я увидела подобным образом одетую женщину, что бы я сказала о ней, судя по ее одежде? Достаточно ли она скромна? Не нарушает ли она принципов красоты?» [www\modesty\Modesty.mht].

Сказанное свидетельствует, что трактовка лингвокультурного концепта – социокультурного регулятива как единства образно-перцептивной, понятийной и ценностной сторон нуждается в уточнении и добавлении как минимум составляющей, которая позволяет объяснить обнаруженную социально-

культурную изменчивость концепта. Такая структура концепта может быть представлена в виде двухмерной модели, учитывающей не только когнитивно-аксиологическое измерение (понятийная, образная, ценностная составляющие) но и социо-динамическое (этимологический, базовый, ассоциативно-расширительный уровни) [Филиппова 2007; Карасик 2007: 217]. Применение такого моделирования позволяет увидеть, что с учетом социо-динамической составляющей дискурсивное функционирование концептов этики, соответствующих ведущим моральным ценностям, приводит уже в конце XIX века к формированию двух взаимосвязанных дискурсообразующих концептов СКРОМНОСТЬ и ХАНЖЕСТВО.

Противоположные оценочные компоненты СКРОМНОСТИ и ХАНЖЕСТВА прослеживаются в словарях и энциклопедиях. Так, в отличие от исключительно позитивных коннотаций *modest* – *скромный* лексема *prude* имеет значения *скромница*, а также негативные *ханжа*, *жеманница*. Этимологический слой концепта PRUDE / СКРОМНИЦА восходит к старофранцузскому *prude femme* в значении «honourable woman, prudefemme» («wise or good woman»), что в мужском роде соответствует *prud'homme* («wise man»). Во французский язык эта лексема приходит через Vulgar Latin *prōdis* из Late Latin *prōde*, "advantageous," производного от глагола *prōdesse*, "to be good." Исторически *prude* имело позитивные коннотации, связывалось (в обозначении мужчины) с «usefulness, profit, wisdom, integrity», однако уже во французском языке лексема приобретает выраженный негативный оттенок, вместе с которым и заимствуется в английский язык в 1704. Современная лексема *prude*, как правило, употребляется как упрек [Online Etymology Dictionary], причем это характерно для дискурса последних лет викторианского периода, в то время как дискурс первых десятилетий XIX века содержит *prude* и производные преимущественно с позитивной / нейтральной оценкой, как в следующем обращении м-ра Рочестера к Джейн Эйр:

I wish to remind you that it was you who first said to me, with that discretion I respect in you—with that foresight, prudence, and humility which befit your responsible and dependent position—that in case I married Miss Ingram, both you and little Adèle had better trot forthwith (Ch. Bronte, Jane Eyre)

Образный слой концептов СКРОМНОСТЬ и ХАНЖЕСТВО также существенно различается. По данным Wikipedia, *a prude* – жеманница – особа, которая заботится о внешних приличиях (*decorum, propriety*) гораздо более, чем того требуют преобладающие общественные стандарты. Такая номинация предлагает чрезмерную скромность, и используется в качестве оскорбления теми, кто не разделяет моральных стандартов жеманства. *A prude* – жеманным называют человека, чье поведение и суждения относительно секса, алкоголя, вопросов веры отличается повышенной, часто фальшивой, нетерпимостью, притворной стыдливостью [FOD]. Например:

Thin-lipped wisdom spoke at her from the worn chair, hinted at prudence, quoted from that book of cowardice whose author apes the name of common

sense. She did not listen. She was free in her prison of passion. (O. Wilde. The Picture)

LORD ILLINGWORTH. What is of importance to-day, as yesterday, is still our son. I am extremely fond of him, as you know, and odd though it may seem to you, I admired his conduct last night immensely. He took up the cudgels for that pretty prude with wonderful promptitude. He is just what I should have liked a son of mine to be. Except that no son of mine should ever take the side of the Puritans: that is always an error. Now, what I propose is this. (O. Wilde. A Woman of No Importance)

Тем самым формируются дискурсы (дискурсивные фрагменты) с выраженной негативной оценочностью, ироничностью и т.п. Аналогичную негативную окраску лексемы *скромность* для русского языка констатирует В.И. Даль: *Скромность* противостоит *Скромнику*, *-нице*: «Скромничать, быть сознательно, намеренно скромным, и нередко для виду» (Например, *Он при людях скромничает, а себя помнит. Она скромничала, поскромничала, ничего не сказала нам. Скромничая, она не стала было петь, поколе в упрас не упростили. Скромность добра, а скромничание не годится*) [Даль].

5. Выводы. Лингвокультурный концепт этики, каким является *MODESTY / СКРОМНОСТЬ*, представляет собой единство понятийного, ценностного и образного слоев и характеризуется внутренней неразрывностью двух первых. Изменение ценностной и образной составляющих концептов этики по мере исторического развития дискурса обуславливает необходимость двухмерного представления таких концептов: в лингвокультурном и социодинамическом аспектах.

Проведенный анализ свидетельствует о наличии дискурсообразующих концептов викторианского бытийного дискурса – *MODESTY / СКРОМНОСТЬ* и *PRUDERY / ХАНЖЕСТВО*. Будучи социокультурными концептами-регулятивами, они имеют общую понятийную составляющую, но противоположные ценностные / оценочные образные составляющие. Двойственность оценки ведущего этического концепта *СКРОМНОСТЬ* заложена в самом определении моральных приоритетов викторианства, причем полярность оценки углубляется со временем: если в дискурсе начала правления королевы Виктории преобладает позитивная оценка *MODESTY / СКРОМНОСТИ*, то современное общество все чаще негативно воспринимает доминанты викторианской морали как фальшивые и лицемерные – *PRUDE / ХАНЖЕСКИЕ*. Последнее обусловлено различным пониманием морального принципа скромности с изменением менталитета и исторически проявляется в дискурсах с преобладанием позитивной или негативной оценочности в различные эпохи.

Рассмотрение дискурсообразующих концептов **перспективно** продолжить для других исторических эпох и языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М. Из лингвострановедческой археологии / Е.М. Верещагин // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. – Вып. № 426. Язык. Поэтика. Перевод. – М., 1996. – С. 15–26.
2. Гусейнов А.А. Этика: Энциклопедический словарь / А.А. Гусейнов. – М.: Гардарики, 2001. – С. 573–581.
3. Горина Е.В. Когнитивно-коммуникативные характеристики американского электорального дискурса республиканцев: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Горина Елена Владимировна. – Харьков, 2008. – 240 с.
4. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
5. Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: учебное пособие / В.Г. Зусман. – Н. Новгород: Деком, 2001. – С. 38–53.
6. Карасик В.И. Лингвокультурная концептология: учебное пособие / Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г. – Волгоград: Парадигма, 2009. – 116 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
8. Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
9. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
10. Морозова И.И. Коммуникативные стратегии вежливости в стереотипном речевом поведении викторианской женщины: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Морозова Ирина Игоревна. – Харьков, 2004. – 205 с.
11. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1971. – 294 с.
12. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.
13. Филиппова М.А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США): автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук / М.А. Филиппова. – Волгоград, 2007. – 22 с.
14. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: монография / И.С. Шевченко. – Харьков: Константа, 1998. – 168 с.
15. Шевченко И.С. Абрис когнитивного вектора прагмалингвистики / Шевченко И.С., Сусов И.П., Безуглая Л.Р. // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – № 811. – Харків, 2008. – С. 3–7.

16. Шейгал Е.И. Культурные концепты политического дискурса // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: материалы междунар. научн. конф «Коммуникация – 2002». / Е.И. Шейгал. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – С. 24–26.
17. Bayley S. Victorian Values: An Introduction / S. Bayley. – Montreal: Dawson College, 2008. – 340 p.
18. Gay P. The Bourgeois Experience: Victoria to Freud / P. Gay. – London: Sage, 2000. – 305 p.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание : ок. 1500 ил. / В.И. Даль. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 349, [3]с.: ил.
- FOD – The Free Online Dictionary, Thesaurus and Encyclopedia. – Режим доступа: [www.TheFreeOnline Dictionary, Thesaurus and Encyclopedia.htm](http://www.TheFreeOnlineDictionary.com)
- Modesty. – Режим доступа: [www\modesty\Modesty.mht](http://www.modesty.com)
- OED – Online Etymology Dictionary. – Режим доступа: [www.modesty\Online Etymology Dictionary.mht](http://www.modesty.com)

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

- Bronte Ch. Jane Eyre / Bronte Ch. – London: Penguin Books, 1994. – 447 p.
- Wilde O. A Woman of No Importance / Wilde O. // Plays. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1961. – P. 91–168.
- Wilde O. The Picture of Dorian Gray / Wilde O. – Режим доступа: [www.projectgutenberg\Wilde.mht](http://www.projectgutenberg.org/Wilde.mht)

Шевченко Ирина Семеновна, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ishev7@gmail.com

УДК 811.112.2: 811.161.2 – 115:316.46.058

HOMO CHARISMATICUS
В НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ
(контрастивный аспект)
Н.В. Петлюченко (Одесса, Украина)

Н.В. Петлюченко. *Homo charismaticus* в немецком и украинском политическом дискурсах (контрастивный аспект). Статья посвящена дискурсивному исследованию феномена политической харизмы путем контрастивного анализа средств апеллятивности современных политических фигур Германии и Украины – Йошки Фишера, Герхарда Шредера, Ангелы Меркель, Виктора Ющенко, Виктора Януковича, Юлии Тимошенко. Выявлены контрастивные черты вербальной, просодической и кинетической апеллятивности публичных фигур в двух лингвокультурах, которые определяются как *homo charismaticus* и формируют в период кризиса отдельный харизматический субдискурс в рамках политического дискурса.

Ключевые слова: политическая харизма, *homo charismaticus*, политический дискурс, лингвокультура, контрастивный, вербальный, просодический, кинетический.

Н.В. Петлюченко. *Homo charismaticus* у німецькому та українському політичному дискурсах (контрастивний аспект). Стаття присвячена дискурсивному дослідженню явища політичної харизми шляхом контрастивного аналізу засобів апеллятивності сучасних політичних фігур Німеччини й України – Йошки Фішера, Герхарда Шредера, Ангели Меркель, Віктора Ющенка, Віктора Януковича і Юлії Тимошенко. Встановлено контрастивні риси вербальної, просодичної та кінетичної апеллятивності публічних фігур двох лінгвокультур, які визначаються як *homo charismaticus* і формують у кризовий період окремий харизматичний субдискурс у межах політичного дискурсу.

Ключові слова: політична харизма, *homo charismaticus*, політичний дискурс, лінгвокультура, контрастивний, вербальний, просодичний, кінетичний.

N.V. Petlyuchenko. *Homo Charismaticus* in German and Ukrainian Appellative Discourses (A Contrastive Perspective). This article focuses on a discourse research into the political charisma phenomenon by means of contrastive analysis of appellative instruments of contemporary German and Ukrainian political figures – Joschka Fischer, Gerhard Schroeder, Angela Merkel, Viktor Yushchenko, Viktor Yanukovich, and Yulia Timoshenko. It reveals contrastive features of verbal, prosodic and kinetic appellativity of

public figures representing two different language cultures. In the period of social crisis such political figures are defined as *homo charismaticus* forming a charismatic sub-discourse within the framework of political discourse.

Key words: political charisma, *homo charismaticus*, political discourse, language culture, contrastive, verbal, prosodic, kinetic.

„...das Außergewöhnliche, das den politischen
Führer über die Normalität erhebt.“

Frank Möller

1. Введение. Явление харизмы издавна было областью интересов гуманитарных исследований, а именно богословия, философии, социологии, психологии и др. Так, богословы указывали на божественные, благодатные (духовные и моральные) свойства харизмы [Катанский 1902; Sohm 1907; Daujat 1959; Andenna 2005; Biernath 2005]; философы акцентировали внимание на иррациональных, первоначально инстинктивных, свободных от социальных детерминант, пассионарных проявлениях этого феномена [Adorno 2001; Marcuse 2008; Гумилёв 1979]; социологи и историки устанавливали характеристики харизмы политического лидера [Weber 2006; Блондель 1992; Кэ де Ври 2003; Зинев 2005], выделяли ее врожденный и приобретенный признаки [Häusermann 2001; Gries 2005]. В настоящее время антропологи связывают харизму с популярностью, шармом, привлекательностью, флюидностью личности [Koppetsch 2000; Lenze 2002], которые можно использовать в пиар-технологиях для создания харизматического имиджа публичной фигуры [Почепцов 2004; Bredemeier 2007, Enkelmann 2000], в частности лидера-женщины [Попов 1991; Поссе 2005].

Лингвистика исходит из того, что харизматический лидер как носитель языка обнаруживает себя и свою субъектность через общение – коммуникативно-общественную деятельность, которая невозможна без языка и речи. Речь человека довольно полно отражает его внутренний мир и, таким образом, становится источником знаний о его личности [Богин 1984; Караулов 1987; Шахнарович 1995]. Поэтому фокусирование лингвистических исследований на личности политика как *Homo loquens*, который достигает власти и удерживает ее разными, в том числе языковыми, средствами, – важный шаг на пути изучения речевой деятельности публичной личности, ее комплексного отображения в формате дискурс-портретов [Ухванова-Шмыгова 2002]. Включение паравербальных и экстралингвальных составляющих в круг лингвистических исследований дискурса политика как носителя языка расширяет понятие языковой личности и требует введения понятия *коммуникативной*, или *дискурсивной личности* [Карасик 2003], которая действует в континуальном дискурсивном пространстве и использует вместе с языковым кодом другие семиотические коды в зависимости от специфики общения. Имеющиеся исследования дискурсивных практик политических

лидеров, таких как Антонио Салазар, Бенито Муссолини, Франциско Франко [Danler 2007], Адольф Гитлер [Schnauber 1969; Kopperschmidt 2003; Laak 2004], Уго Чавес [Bolívar 2005], Герхард Шредер, Гельмут Коль [Юдина 2001], определенных в истории и социологии как харизматические, сегодня не дают ответа на вопрос о способах их речевого воздействия в контексте политической харизмы. Кроме того, указанные исследования не учитывали специфики устного модуса дискурса, который дает возможность наиболее полно раскрыть механизмы вербального и паравербального влияния политика как *Homo charismaticus* [Dorfler и др. 2007].

Политик осуществляет свое влияние посредством *апеллятивного дискурса*, основным функциональным содержанием которого является призывность, хортаторность (англ. *hortatory, hortatory speech* [Edelman 1990]). Это проявляется в регулировании поведения адресата через побуждение его к действиям или их запрету, к ответу или реагированию на вопрос или сообщению информации с целью корректировки деятельностных стратегий адресата. В рамках апеллятивного дискурса выделяют такие разновидности языковой призывности: активация (побуждение к действию, призыв, приказ, девиз), интердикция (запрет) и дестабилизация (несогласованность, нарушение деятельности), а также инспирация (воодушевление) и суггестивность (внушение), которые приобретают максимальную эффективность в сфере идеологического воздействия, направленного на агитацию и пропаганду [Шейгал 2004].

Общая антропоцентрическая направленность современных гуманитарных исследований на комплексное изучение личностных черт говорящего в плоскости дискурса определяет **актуальность** выбранной темы исследования. Фокусирование анализа на дискурсивных характеристиках политика, связанных с лексико-синтаксическими особенностями его/ее речевых реализаций, лингвокогнитивными механизмами восприятия и интерпретации действительности и мотивационными установками, определяет интегративный характер работы, которая основывается на достижениях дискурсологии (дискурсивная личность политического лидера), социологии и социолингвистики (феномен политической харизмы) и контрастивно-лингвистических исследований (сопоставление апеллятивных дискурсов неблизкородственных языков). **Объектом** исследования в данной статье является харизматический лидер – *Homo charismaticus* в немецком и украинском политическом дискурсах. **Предметом** анализа выступают вербальные и паравербальные средства харизматической апеллятивности в двух лингвокультурах. **Цель** исследования состоит в определении контрастов вербальной и паравербальной организации апеллятивных дискурсов современных харизматических политических лидеров Германии и Украины. Поставленная цель определяет решение следующих **задач**: (1) определить научный статус феномена харизмы в гуманитарных исследованиях в религиозно-философском, социально-политическом, психологическом,

гендерном и культурологическом аспектах, (2) выделить апеллятивную доминанту в дискурсе политического лидера как *Homo charismaticus*, (3) классифицировать вербальные и паравербальные средства харизматической апеллятивности политических лидеров в немецкоязычной и украиноязычной лингвокультурах; (4) описать вербальные, просодические и кинетические контрасты харизматических дискурсов немецких и украинских политических лидеров на фоне общего признака – апеллятивности. Корпус **материала исследования** сформирован из 300 выступлений трех немецких политиков – Йошки Фишера, Герхарда Шредера, Ангелы Меркель (1998–2008 г.г.) и 210 выступлений трех украинских политиков – Виктора Ющенко, Виктора Януковича, Юлии Тимошенко (2004–2007 г.г.) общим объемом звучания 25 часов.

1. Научный статус феномена харизмы в гуманитарных исследованиях. Анализ религиозно-философского, социально-политического, психологического, гендерного и культурологического аспектов исследования харизмы позволил сделать общий вывод об отсутствии единого подхода, который мог бы дать категориальное определение этому феномену. В целом, выделяют две основных разновидности харизмы: социально детерминированная *политическая* харизма, которая основана на исключительных лидерских свойствах политика на переломных этапах развития общества, а также *личностная* харизма, которая связана с привлекательностью человека и присуща почти с рождения (нем. *Ursprungscharisma*) как публично известным фигурам (кинозвездам, футбольным кумирам и др.), так и человеку вообще. Из указанных разновидностей харизмы для исследования была выбрана именно *политическая харизма* как идеально-типичное понятие (нем. *Idealtyp*), основанное на теориях иррационального (харизматического) лидерства Макса Вебера, кризисного лидерства Жана Блонделя, а также теории резонансного (эмоционального) лидерства Даниеля Гоулмана и используемое преимущественно в социологии и истории для классификации разных типов господства.

Для понимания процесса харизматизации политического лидера нами была разработана *модель харизматической коммуникации*, основу которой, по Максиму Веберу, представляет приписывание (нем. *Zuschreibung*) лидеру народом харизматических признаков. Основными этапами преобразования политического лидера на харизматизированного являются: (1) отправление нехаризматизированным лидером послания народу, (2) воздействие послания через аргументы и призывы, (3) овладение народом аргументами и призывами послания, (4) совпадение отправленного содержания с ожидаемым, (5) воодушевление народа, (6) осуществление совместных действий на высоком эмоциональном единении (харизматический экстаз), (7) приписывание лидеру харизматических качеств (см. рис. 1).

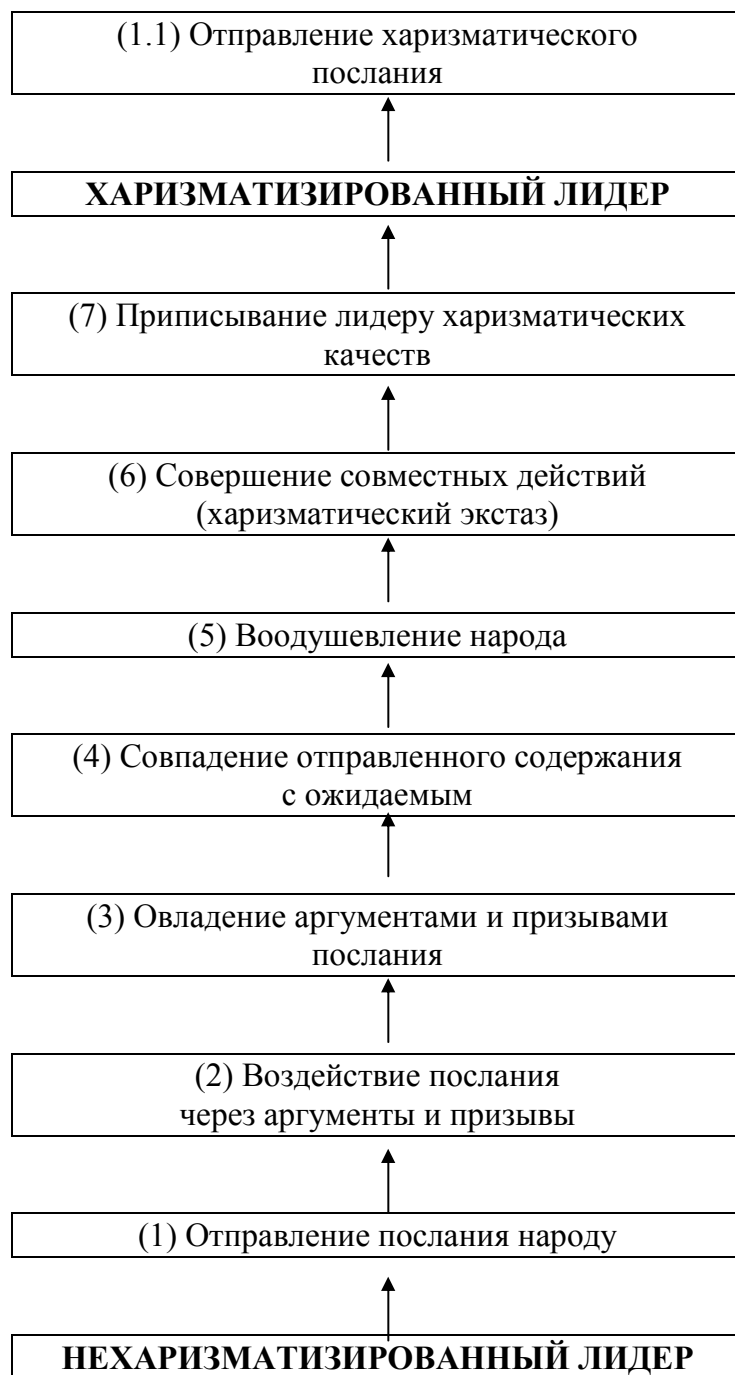

Рис 1. Модель харизматической коммуникации

Условием успешного процесса харизматической коммуникации является *воодушевленное состояние* политического лидера, источниками чего служат его/ее страстная убежденность в правильности содеянных действий, вера в высокие идеи, осознание себя способным на осуществление изменений в

масштабах страны или мира, а также историчность, эпохальность политической ситуации. Указанный мотивационный блок настраивает лидера и аудиторию на общую эмоциональную волну, вследствие чего возникает резкий всплеск эмоций у всех участников коммуникации, т.е. *харизматический экстаз*, своеобразный *unio mystica* (мистическое единение с Богом). В этот момент между лидером и народом исчезают субъектно-объектные отношения, лидер не отделяет себя от народа, а народ ассоциирует себя с образом лидера и приписывает ему все свойства, которыми тот, по мнению аудитории, наделен или которые у него/у неё должны быть. В дальнейшем политический лидер воспринимается как харизматический, и все его/ее следующие послания (обращения) к народу будут восприниматься как харизматические (см. на рис. 1 блок 1.1.).

2. Апеллятивная доминанта в дискурсе харизматического политического лидера. Гипотеза проведенного исследования основывается на выделении *апеллятивной доминанты в дискурсе харизматического политического лидера* (далее – ХПЛ). Согласно учению Макса Вебера о разных типах господства, харизматический политический лидер в период кризисной или революционной ситуации отказывается от рациональных установок и осуществляет эмоциональное речевое воздействие, основой которого является состояние максимального воодушевления, подъема, запала. В таком состоянии харизматический лидер способен сам вдохновляться великими идеями и вдохновлять ими других. Кризисность политической ситуации порождает повышенную апеллятивность, воодушевленную окрашенность обращений говорящего лидера к народу.

Именно в "кризисных" выступлениях политиков ведущим становится макропрагматический коммуникативный акт *призыв* (нем. *Appell, Aufruf*), а их речь приобретает ярко выраженный апеллятивный характер. Семантика призыва основана на одноранговых взаимоотношениях адресанта (*X*) и адресата (*Y*). Условия выполнения призыва являются свободными, открытыми, не требуют моментального осуществления; мотивом апеллирования выступают этические и социальные ценности высшего порядка. Семантические условия призыва выражены парфразой: *X призывает <апеллирует (к), взывает (к)> Y* выполнить действие *P*, считая, что *Y* может выполнить действие *P*, и не считая, что *Y* должен (может) выполнять действие *P*; *X* говорит *Y*-у, что он хочет, чтобы *Y* выполнил действие *P*. *X* говорит это таким образом, чтобы *Y* понял, что *X* апеллирует к этическим или другим социальным ценностям как стимулу к действию *P* и (не) считает, что *Y* должен выполнить действие *P* непосредственно. В приведенных семантических условиях отражается глубинная структура призыва, основу которой представляет грамматическая категория повелительного наклонения, общая для всех видов апеллятивов в немецком и украинском языках. Специфика семантических условий апеллятивов отражается в вербальных средствах апеллятивности, которые

сопоставляются с целью получения дискурсивных контрастов и манифестируют общую и харизматическую апеллятивность.

В исследовании введено терминопонятие *малой апеллятивной волны* для обозначения роста амплитуды темпоральных, тональных и динамических показателей призывов в пределах *отдельных сегментов* – синтагм, сверхфразовых единств. Понятие *большой апеллятивной волны* ассоциируется с ростом амплитуды темпоральных, тональных и динамических показателей призывов в пределах *целого выступления* с учетом амплитуды волн с начала выступления до его финала [Петлюченко 2009: 179].

Просодию, которая имеет значительный размах амплитуды всех акустических показателей призывов от начала волны до ее завершения, определяем как *рапсодическую*. Термин "*рапсодический*" (англ. *rhapsodical* – восторженный, высокопарный, экстатический) обозначает преувеличенный энтузиазм, восторг, спесивость (напыщенность) в языке или поведении человека. Так характеризуется, например, чрезмерно торжественная проповедь (*rhapsodical sermon*), восторженное выступление (*rhapsodical speech*) [Oxford English Dictionary 1971: 2534]. Рапсодическая просодия выступлений присуща значительному количеству харизматических лидеров XX столетия (Л. Троцкий, А. Гитлер, Б. Муссолини, Ф. Франко и др.) и отличается следующей структурой: медленное вступление, в котором представлено краткое содержание речи, затем за счет роста эмоционального напряжения резкое изменение темпа и звучности, экспрессивность которых на кульминационной фазе речи достигает значительной силы и формирует у публики эффект своеобразного "взрыва" [Laak 2004: 150]. Отсутствие диапазона амплитудного колебания акустических показателей призывов на протяжении всего выступления характеризуем как монотонную просодию [Цеплитис 1974].

Кинетическая специфика апеллятивности ХПЛ связана с движениями правой руки, сопровождающими призыв и выполняющими функцию "жестового удара" [Крейдлин 2005], синхронизируясь с главноударным слогом в синтагме или фразе [Kendon 2004]. Такие движения называем, вслед за К. Мюллер [Müller 1998], *речесопровождающими* жестами. Особое значение имеет именно *взмах правой руки, выброс правой руки вперед*. У древних римлян это был жест приветствия (*saluto romano*), характерный для многих харизматических лидеров.

3. Вербальные и паравербальные (просодические и кинетические) средства харизматической апеллятивности политических лидеров в немецкоязычной и украиноязычной лингвокультурах.

При контрастивном исследовании апеллятивных дискурсов ХПЛ Германии и Украины мы исходим из специфики западных индивидуалистских и славянского общинного типов мышления, опираясь на процедуру идентификации личностей в каждой из лингвокультур. Учитывается то, что в идеализированном образе ХПЛ отражается, прежде всего, коллективное сознание общества, каждая конкретная политическая ситуация заставляет народ

искать своего политического идола. Так, для немецкого менталитета характерным является восприятие выдающихся лидеров своей страны, прежде всего, в контексте конкретной исторической ситуации и той роли, которую они в ней сыграли. Этим определяются такие мифологемы немецких политических харизматов, как "воплощение нации", "равный Германии" – Г. Гагерн, "железный Канцлер", "строитель рейха" – О. фон Бисмарк, "успокоительный фактор для Германии в послевоенные годы", "памятник своего времени" – К. Аденауэр, "канцлер-объединитель" – Г. Коль. Для украинского менталитета, в свою очередь, характерна склонность к превращению человека в легендарную личность, национального героя, символ национальной украинской идеи. Это в определенной мере отражают такие мифологемы, как "выдающийся сын", "большой ученый", "патриот" – в отношении М. Грушевского, "легендарная личность", "революционер-бунтарь" – о Н. Махно, "отважный борец за независимую республику" – о С. Петлюре, "прирожденный вождь", "символ украинской национальной идеи" – в отношении В. Черновола.

Вербальные средства *общей апеллятивности* определяются мотивационно-прагматическим уровнем дискурсивной личности политического лидера. К ним относим *эксплицитные* средства: (1) перформативы, (2) императивы, императивные конструкции, (3) конструкции с модальными глаголами, (4) инфинитивы, короткие предложения, слоганы. К средствам *имплицитного* апеллирования принадлежат (5) вопросительные предложения, (6) утвердительные предложения, (7) формы будущего времени, (8) цитация или квазичитация, (9) мелиоративно окрашенные слова с ценностной семантикой. Указанные средства связаны, прежде всего, с синтаксической структурой призыва (за исключением цитаций и слов с ценностной семантикой) и являются универсальными персуазивными средствами формирования политического дискурса [Петлюченко 2009: 210].

Собственное *харизматическая апеллятивность* транслируется слушателю/зрителю в виде косвенных имплицитных смыслов, которые эксплицируются в речи соответствующими лексическими маркерами и группируются по определенной тематике. Такие смыслы определяются далее как *апеллятивные харизматические смыслы*, имеющие выразительный индивидуальный характер и определяющиеся прежде всего спецификой национально-культурного кода языковой личности харизматического лидера, в нашем исследовании как представителя Германии или Украины. К *апеллятивным харизматическим смыслам* принадлежат косвенные обращения к (1) Богу, (2) народу, нации, (3) историческим авторитетам, (4) вере-убеждению, (5) единству, (6) решению актуальных вопросов времени, а также таким темам, как (7) пророчество, предсказание будущего развития страны, (8) требование самопожертвования и самоотречения со стороны приверженцев, (9) создание ауры сопротивления, злости, гнева и презрения к миру врагов, (10) выбор в качестве цели действия объединяющего, а не разъединяющего начала, (11) непоколебимое убеждение в том, что оратор (лидер) – единственно верная

фигура в нужном месте и в нужное время [Петлюченко 2009: 222]. Вербальные средства общей апеллятивности как носители харизматических апеллятивных смыслов используются политическим лидером для реализации его/ее *харизматических апеллятивных тактик* и представляют основу формирования дискурс-портретов современных ХПЛ Германии и Украины с учётом исторических, социальных и индивидуальных традиций каждой лингвокультуры.

Паравербальная специфика апеллятивного дискурса ХПЛ связана с состоянием харизматического воодушевления, которое проявляется в повышенной физической активности, улыбчивости, увлеченности, радостном настроении, а также определяется склонностью политика к театральности. Признаки харизматического воодушевления в *речи* политического лидера проявляются в возбуждении, выраженном преимущественно усилением речевой активности, заключающейся в ускорении или удлинении периодов звучания речи и сопровождающейся грамматической бессвязностью. *Голосовыми* маркерами воодушевления являются звонкость, звучность, модулирование, возможный переход на фальцет и вопль, реже приглушенность. Харизматическое воодушевление в *жестике* обнаруживает себя проявлениями двигательного экзатического возбуждения, неестественными, чрезмерными движениями, жестами, мимикой, позами, выражающими состояние экстаза, восторга.

Для сопоставления паравербальных признаков харизматического воодушевления в апеллятивных дискурсах немецких и украинских политиков введены понятия просодической и кинетической интенсивности. *Просодическая интенсивность* связана с *резким изменением* (ростом или падением) акустических параметров (продолжительность, ЧОТ, интенсивность) речевого сигнала в восторженном призыве по сравнению с нейтральной интенсивностью. Просодическая интенсивность воодушевленной харизматической апеллятивности сопоставляется по следующим признакам: 1) ускорение темпа речи (эффект "темпорального сжатия") на пиковых участках апеллятивной волны; 2) увеличение частотного диапазона (эффект "тонального скачка") с начала выступления до его завершения; 3) увеличение показателей динамического диапазона (амплитуды) с начала выступления до его завершения. Одновременное увеличение показателей частотного и динамического диапазонов высказывания воспринимается слушателем как энергетический "выплеск" харизмы. *Кинетическая интенсивность* определяется *усиленным участием* движения правой руки при паравербальном оформлении призыва и сопоставляется по таким признакам: 1) импульсивный характер движения руки; 2) направление движения руки к публике и вверх; 3) положение руки выше линии плеча и 4) конфигурация кисти руки в виде кулака или сжатой ладони с выпрямленным указательным пальцем.

4. Вербальные контрасты харизматической апеллятивности дискурсов немецких и украинских политических лидеров. Исследуя

контрастивную специфику харизматических апеллятивных тактик политического лидера в двух лингвокультурах, в историческом аспекте сделан акцент на тех чертах языковых личностей политиков, которые связаны с исходным трактованием харизмы как религиозного феномена. Религиозность харизматического лидера, взаимосвязь всех его поступков и помыслов с волей Божьей, согласно концепциям Р. Генона, А. Шопенгауера, Ф. Ницше, определяется ролью харизматического вождя как посредника между реальным и высшим мирами, эвгемера, который наделяется божественными и/или идеализированными качествами.

Значительное количество апелляций к имени Господа находим в политических обращениях немецких исторических харизматических лидеров, таких как Вильгельм Второй, Пауль фон Гинденбург, Вилли Брандт, Гельмут Коль. В эпохальный момент падения Берлинской стены и объединения Германии Гельмут Коль и Вилли Брандт просят благословения Господа для своей единой немецкой родины, например: *Gott segne unser deutsches Vaterland!* и выражают Ему свою благодарность за возможность пережить этот исторический момент, например: *Jetzt erleben wir, und ich bin dem Herrgott dankbar dafür, daß ich dies miterleben darf, daß die Teile Europas zusammenwachsen!* Сегодня современные немецкие политические лидеры практически не используют в своих апеллятивных тактиках обращений к имени Господа Бога. В исследуемом материале был выявлен лишь косвенный призыв к Господу в таких языковых клише-вставках, как *weiß Gott* (Бог знает), *Gott sei Dank* (слава Богу), например, в дискурсе Й. Фишера.

Отличительной особенностью славянской харизматики, наоборот, является подчеркивание политическим лидером связи всех своих дел и помыслов с именем Господа, с Господом Богом. Свое обращение к Нему В. Ющенко часто эксплицирует в виде мольбы, молитвы, просьбы, например: *Як і ви, у ці дні я молю Бога за Україну. Я прошу Його послати нам усім мудрість і силу, щоб протистояти неправді, яку сіє між нас нинішня влада; Ви підкоряєтесь одній заповіді: боронь Боже, щоб ти з сусідами лаявся!* Ю. Тимошенко и В. Янукович в меньшей степени демонстрируют свою религиозность, чем В. Ющенко, однако призывы к Господу Богу также активно включены в их харизматические апеллятивные тактики.

Предполагается, что харизматический лидер, владея прямой связью с Богом, может прямо обращаться к Нему и получать от Него дары пророчества, предвидения. Именно пророчествами, предсказаниями будущего страны окрашена призывность харизматика. Пророчество, предсказания, которые по религиозным представлениям являются Божественным откровением, харизматический лидер адресует отдельным людям или группе людей – своим сторонникам, народу, нации, всему человечеству. В речи современных политических харизматических лидеров мы не находим таких эксплицированных перформативов, как *я пророкую, я завбачаю, я провіщаю, я бачу й оголошую наперед майбутнє* и др. Вместо этого политик в подобном

контексте чаще всего использует такие перформативы, как *ich weiss, ich glaube, ich verstehe, ich sehe, ich bin in der Lage* / я знаю, я вважаю, я розумію, я присягаю, я спроможний и прочие, а также придаёт проспективный характер своим аргументам и призывам.

Важным является то, что в апеллятивном дискурсе немецких ХПЛ отсутствует тональность пророчества, предсказания особого предназначения Германии, так называемого "немецкого пути", упоминание о котором, как известно, имеет отрицательные исторические ассоциации. Поэтому А. Меркель, Й. Фишер, Г. Шредер, безусловно, учитывают этот момент в своих апеллятивных тактиках. Темы будущего Германии, перспектив европейской интеграции в новых геополитических условиях находятся в сфере интересов Й.Фишера, однако свое проспективное видение он демонстрирует в форме прогноза, а не пророчества, например: *Bedenken Sie, dass die Entscheidung, ob diese Regierung das Vertrauen bekommt, eine Entscheidung über die Zukunft dieses Landes ist!* Последнее в большей степени присуще таким украинским политикам, как Ю. Тимошенко и В. Ющенко, например: *Знайте: наступного дня наша країна стане іншою. Ваша воля відкриє перед кожним із нас нові шляхи, а перед Україною нове і, я переконаний, велике майбутнє! На іншій дорозі – свобода, повага до людської гідності, повага до влади. Бо ту владу вже ніхто не буде боятися – її будуть поважати. Достаток і справедливість у кожному домі. Це – наше майбутнє. Майбутнє моєї нації!*

В основе апеллятивных тактик харизматического политического лидера лежит его постоянная взаимосвязь со своим *народом*, со своей нацией. Харизматические лидеры обеих стран декларируют свою устремлённость к решению проблем единства народа, единства наций, как немецкой, так и украинской, поскольку решение такой проблемы для Германии и Украины было исторически обусловлено существованием в них двух и более политически самостоятельных частей. Экспликация этой разновидности харизматического призыва в немецком апеллятивном дискурсе реализуется через такие лексические маркеры (слова, словосочетание), как *Deutschland und das deutsche Volk* (Германия и немецкий народ), *ein einzig Volk von Brüdern* (единый народ братьев), *das gesamte deutsche Volk* (весь немецкий народ), *vor dem Erwachen der Nation* (перед пробуждением наций), *die deutsche Nation* (немецкая нация), *nationale Interessen* (национальные интересы), в украинском – *єдиний народ, єдиний український народ, пуповина народу нашого, рахунок народу, душа нашого народу, унікальна нація, українська нація, мудра нація, наш народ і наша нація/моя нація, мій народ* и др.

В харизматических апеллятивных тактиках немецких и украинских политических лидеров главным является использование *фактора единства*. Как правило, речь идет о единстве в принятии решений, единстве внутринациональных и международных интересов, а также об общности целей, выборе объединяющего начала общих действий. Эксплицитными маркерами призыва в дискурсе немецких политиков в этом случае выступают лексические

маркеры *alle* (все), *einig* (единый), *Einheit, Einigkeit* (единство), *gemeinsam, zusammen* (вместе), *wir* (мы), *unser* (наш), в дискурсах украинских политиков – *єдність, єдиний, об'єднання, солідарність, разом, спільно, консолідація, ми, наша* и др.

Современные немецкие харизматические политические лидеры обращаются за поддержкой и апеллируют к таким *историческим авторитетам*, как Конрад Аденауэр, Вилли Брандт, Гельмут Коль и др., т.е. к политическим лидерам, к числу которых они сами принадлежат. Таким образом, подчеркивается единство, общность политических мотивов и целеустановок настоящей политической борьбы в Германии с традициями ведения политической борьбы в прошлом. Современные украинские харизматические политические лидеры, в свою очередь, также обращаются к украинским историческим политическим авторитетам, таким как Богдан Хмельницкий, Симон Петлюра, Михаил Грушевский, однако для современных украинских ХПЛ более важным является обращение к наследию великих духовных лидеров Украины, писателей, культурных деятелей, таких как Тарас Шевченко, Леся Украинка, Григорий Сковорода, Владимир Винниченко и др.

В дискурсе харизматических политических лидеров довольно активно используются призывы к решению *вопросов времени (Fragen der Zeit)*. Насущность решения этих вопросов немецкий харизматик обыгрывает в терминах необходимости, которая маркируется в его/ее апеллятивных тактиках такими фразовыми клише, как *die Zeit ist gekommen* (пришло время), *der Zeitpunkt (der Moment) ist gekommen* (пришел момент), *es ist Zeit, die Zeit ist reif, es ist an der Zeit* (пора, пришло время), *es wird/wurde höchste Zeit* (уже давно пора). Например, у Й. Фишера: *Es ist Zeit, eine erste Bilanz zu ziehen!* Украинский харизматик оперирует такими клише, как *прийшов час, приходиться колись період часу, найближчим часом, прийде час, час (працювати, захищати Україну), це той час, коли*. Например, у В. Януковича: *Ми зробимо все, щоб найближчим часом ми знайшли знову ж таки порозуміння і об'єднались заради вирішення багатьох проблемних питань!*

В своём призыве к решению срочных задач времени харизматический лидер активно обыгрывает также ситуацию *последнего шанса*: он, харизматический лидер, никогда не потеряет его и всегда использует для достижения поставленной цели. Лексема *Chance/шанс* используется немецкими харизматическими лидерами в таких словосочетаниях, как *eine einmalige Chance* (один шанс), *die große Chance* (большой шанс), *eine historische Chance* (исторический шанс), *wieder die Chance haben* (снова иметь шанс), *eine neue Chance bekommen* (получить новый шанс), *eine Chance ergreifen* (воспользоваться шансом), например, Г. Шредер: *Wir alle wären nicht gut beraten, wenn wir diese Chance nicht ergreifen würden!* Для украинских политиков "шанс" окрашен эсхатологическими тонами: *останній шанс, свій історичний шанс, вибороти останній шанс, це єдиний шанс*. Например,

В. Ющенко: *Я використав свій історичний шанс. У нашій спільній перемозі є і моя особиста заслуга як виборця, як громадянина України!*

Требование самоотречения себя и своих сторонников и самопожертвования в апеллятивном дискурсе политического лидера связано с тем, что харизма проявляется, прежде всего, в аскезе, в готовности к самопожертвованию ради достижения великой цели. В этом усматриваются телеологические установки лидера, который признает за всем сущим логическую целесообразность, приписывает естественному окружению цель, переносит на нее способность к целеполаганию, что присуще лишь человеческой деятельности. Призывы к самопожертвованию в дискурсе немецких политиков идентифицируются через лексические маркеры *Opfer* (жертва), *enorme Opfer* (большие жертвы), *Opfer an Gut und Blut* (человеческие жертвы), *Opfer bringen* (приносить в жертву), *zum Opfer fallen* (пасть жертвой), *Opfer auffordern* (вызвать жертву), *opfern, sich aufopfern* (отдавать себя в жертву). Например, у Г. Шредера: *Entscheidende Maßnahmen hat die Bundesregierung bereits ergriffen – auch wenn alle dabei Opfer bringen mussten!* В дискурсах украинских политиков – *віддавати себе в жертву, жертвувати собою, вимагати жертв, принести в жертву, упасти жертвою, великі жертви* и др.

Харизматический лидер четко определяет круг своих сторонников и неприятелей, идеологических врагов. Для харизматика не существует средних, промежуточных отношений, когда он создает имплицитную ауру сопротивления, злобы, гнева против "мира врагов". Как правило, такая разновидность харизматических смыслов эксплицируется в дискурсах немецких и украинских лидеров через лексические маркеры *Feind* (враг), *Gegner* (неприятель), *Opposition* (оппозиция), *dem Feind Widerstand leisten, widerstehen* (противостоять врагу), *gegen Feinde kämpfen* (бороться против врагов), *Bedrohung* (угроза), *in der Opposition sein* (быть в оппозиции). Например, у Ю. Тимошенко: *Ми з вами маємо одну місію, наше з вами покоління, – це не дати пройти ворогу України!*

Определение общих и контрастных средств апеллятивности в дискурсах ХПЛ Германии и Украины осуществляется по показателю разницы между средними двух выборок к их общему среднему (далее – ПР). Если ПР меньше или равен 20 % от общего среднего значения двух сравниваемых выборок, то в этом случае делается вывод об интегральном характере использования соответствующего типа призыва в апеллятивных дискурсах. Превышение разницы между средними двух выборок более чем на 20 % свидетельствует, наоборот, о дифференцированном характере его использования. Для сопоставления полученных в каждой из выборок процентных показателей вербальных средств общей и харизматической апеллятивности введен *весовой коэффициент* (далее – ВК), который градуируется в диапазоне от 1 до 5 с шагом в 0,5 и отражает частотность использования той или иной вербальной разновидности призыва каждым отдельным политическим лидером.

Таким образом, общей для апеллятивных дискурсов ХПЛ Германии и Украины является эксплицированная форма призыва, выраженная с помощью *инфинитивных конструкций, коротких предложений, слоганов* (ПР = 8,2 %). Различия прослеживаются, прежде всего, в харизматических апеллятивных тактиках политических лидеров. Так, контрастивными признаками немецкого харизматического дискурса, по данным средних показателей, являются такие имплицитные харизматические смыслы, как выбор общей цели, которая объединяет лидера со своими подчиненными (40,4 %, ВК = 5), утверждение о необходимости срочного решения вопросов времени (11,6 %, ВК = 4), предсказание будущего (9 %, ВК = 3), а также обращение к историческому авторитету (7,9 %, ВК = 2,5). Контрастивными признаками украинского харизматического дискурса, в свою очередь, выступают такие апеллятивные тактики ХПЛ, как обращение к особой миссии украинской нации (37,6 %, ВК = 5), православной вере украинцев (19 %, ВК = 4,5) и Господу Богу (4,3 %, ВК = 3).

5. Паравербальные контрасты харизматической апеллятивности дискурсов немецких и украинских политических лидеров.

Инструментальный анализ (PRAAT 5.0.43, Sound Forge 9.0, VirtualDub 1.6.15) *просодических средств* апеллятивности дискурсов немецких и украинских политических лидеров дали возможность установить совпадения и расхождения как в отдельных сегментах выступления (в малых апеллятивных волнах), так и в пределах целого выступления (в больших апеллятивных волнах) и определить признаки раскодичности и монотонности в просодическом оформлении двух видов волн.

Основными просодическими маркерами высокого воодушевления у *Й. Фишера* являются специфический характер паузального членения малой апеллятивной волны (приемы медленного старта и "темпорального сжатия" в финале), ускорение темпа произнесения на кульминационных апеллятивных участках речи, а также широкий диапазон тональных и динамических характеристик апеллятивов в начальной и финальной частях малых апеллятивных волн. Просодическими коррелятами состояния воодушевления у *Г. Шредера* на пиках его призывов являются увеличение скорости произнесения, что создает эффект темпорального сжатия, а также широкое диапазонное варьирование на уровне тональных и динамических параметров речи. Использование коротких форм призывов на пиках воодушевления придает апеллятивной просодии *Г. Шредера* особую ритмичность. Харизматическое воодушевление *А. Меркель* проявляется в быстром темпе речи в начале выступления, отсутствии акцентированных участков речи, а также равномерного паузального членения. При переходе от вступления к основной части выступления появляются акцентированные участки призыва, возрастает количество пауз, создается эффект так называемой "дробности" речи, что в целом отражает состояние нарастающего воодушевления. В завершающей части, которая, как правило, у *А. Меркель* насыщена эксплицированными прямыми призывами, усиливается

динамика тонального и динамического выделения участков призыва; при этом темп речи значительно замедляется.

В свою очередь, просодия воодушевлённой речи *В. Ющенко* на пиках его призывов характеризуется отсутствием рапсодических изменений тональных и динамических параметров речи в структурных частях выступления (начало, основная часть и заключение). В заключительной части выступления *В. Ющенко*, как и *А. Меркель*, замедляет общий темп речи, выделяя, таким образом, важнейшие места в своем апеллировании к аудитории. Эффекты темпорального сжатия и тонального скачка, характерные для рапсодического построения выступлений немецких харизматических лидеров, в воодушевлённой просодии *В. Ющенко* являются слабыми и не выступают ее дифференциальными признаками. Тональные и динамические показатели призывов в выступлениях *В. Януковича* характеризуются увеличением показателей ЧОТ и амплитуды в начальной части выступления. Эффект темпорального сжатия, типичный для рапсодической просодии немецких харизматических лидеров, в формировании большой аппелятивной волны в выступлениях *В. Януковича* проявляется довольно слабо, при этом в значительной мере *В. Янукович* использует тональную модуляцию, например, в финале своих выступлений, а также сохраняет на протяжении всего выступления высокий уровень интенсивности произнесения призывов. Интенсивность апеллирования *Ю. Тимошенко* можно сравнить с высокими тональными и динамическими характеристиками призывности *Й. Фишера* и *Г. Шредера*. При этом рапсодическое нарастание тональной и динамической интенсивности с начала выступления до его завершения, которое является определяющим в речи немецких политических лидеров, отсутствует в воодушевлённой речи *Ю. Тимошенко*. Интенсивность апеллирования *Юлии Тимошенко* можно сравнить с динамическими показателями призывов *Йошки Фишера*, что выражается в их общих показателях, варьирующих в диапазоне от 80 до 90 дБ. Воодушевленная речь *Ю. Тимошенко* характеризуется определенной монотонностью, связанной с отсутствием динамического диапазона на высоком уровне интенсивности, что свидетельствует об эмоциональной напряженности ее выступлений.

Коэффициент звукового убывания (K_i), который обозначает отклонение воодушевлённого типа речи от нейтрального, выступает *темпоральным дифферензором* [Златоустова, Потапова и др. 1997 : 85] аппелятивной просодии харизматических политических лидеров Германии и Украины, и при увеличении темпа произнесения аппелятивов значение K_i возрастает. Так, медленный темп начала речи, значительное ускорение в основной части со следующим замедлением в финале выступления характерны для проявления призывности в выступлениях *Й. Фишера* и *Г. Шредера*, а также *В. Ющенко* и *Ю. Тимошенко*. Наибольший коэффициент звукового убывания в основной части выступления отмечается в воодушевлённой аппеляции выступлений *Й. Фишера* ($K_i = 5,13$) и *В. Ющенко* ($K_i = 4,5$). Воодушевленная речь *Г. Шредера* характеризуется довольно спокойным темпом говорения во всех

частях выступления. Незначительное ускорение отмечается лишь в основной части выступления ($K_i = 3,62$), где воодушевление является максимальным.

Коэффициент звукового убывания воодушевлённой призывности Ю. Тимошенко $K_i = 2,9$, что также свидетельствует об отражении эффекта темпорального сжатия в основной части. При этом показатель темпорального сжатия находится в одном ряду с K_i начала и финала выступления (2,0 и 2,4, соответственно), что свидетельствует об отсутствии, как и у Г. Шредера, резких перепадов в темповом оформлении апеллятивов во всех структурных элементах выступления. Ускорение темпа речи в начале выступления с последующим замедлением в основной и заключительной частях свойственно А. Меркель и В. Януковичу. О высоком уровне темпорального сжатия в начале выступлений свидетельствуют коэффициенты звукового убывания в воодушевлённой речи А. Меркель ($K_i = 4,25$) и В. Януковича ($K_i = 3,6$). Дальнейшее замедление темпа речи в основной части и в финале выступления (K_i составляет 3,17 и 2,53 для А. Меркель, 3,1 и 2,6 для В. Януковича), с одной стороны, может быть интерпретировано как ослабление состояния харизматического воодушевления, а с другой – как индивидуальная особенность интонационной выразительности речи указанных политиков.

Визуальный анализ и сопоставление кинетического компонента апеллятивных высказываний харизматических политических лидеров позволили выделить следующие кинетические доминанты в каждой подгруппе политиков и определить общие и отличительные особенности **кинетического оформления** апеллятивов. Так, кивание головой наиболее активно используют Г. Шредер (25,3 %) и А. Меркель (22,9 %), две руки предпочитает использовать Й. Фишер (24,9 %), активная правая рука с разной конфигурацией кисти характерна для жестикуляции В. Ющенко (76 %), Ю. Тимошенко (50,7 %) и В. Януковича (34 %).

Кульминационные апеллятивные участки в выступлениях харизматических политических лидеров усиливаются речесопровождающим жестом правой руки в том случае, если ее движение направлено *в сторону публики*, а также если рука на пиках призыва находится *наравне с линией плеча* либо *выше линии плеча*. Направление жеста правой руки к публике с одинаковой частотностью используют Й. Фишер (82,6 %) и Ю. Тимошенко (81,6 %). В. Янукович, наоборот, в момент усиления своих призывов чаще направляет правую руку к себе (40 %), что является дифференцирующим признаком его речесопровождающей кинетики. В свою очередь, Г. Шредер на пиках призыва довольно резко меняет амплитуду размаха правой руки и направляет ее то вверх (19,7 %), то вниз (24,6 %). Призывность политического лидера считается более яркой и активной, если сопровождающая призыв правая рука на пиковых участках призыва находится выше линии плеча. Преобладающее положение правой руки на пиках призыва выше линии плеча – общая черта для Ю. Тимошенко (62,9 %) и В. Януковича (60 %), а также Й. Фишера (58,3 %) и Г. Шредера (57,7 %). У таких политиков, как В. Ющенко

и А. Меркель, на пиках призыва рука находится обычно ниже линии плеча (64,9% и 78,3 %, соответственно).

6. Выводы и перспективы исследований *Homo charismaticus* в других дискурсах (религиозном, академическом, актерском и др.). Сопоставление вербальных средств апеллятивности позволило определить контрастивные черты лингвальной организации апеллятивного дискурса немецких и украинских харизматических политических лидеров. Апеллятивной дискурсивной универсалией харизматического политического лидера в обеих лингвокультурах выступают вербальные средства общей апеллятивности. Отношения контраста обнаруживаются в харизматических апеллятивных тактиках, отражающих историческую, социальную, национально-культурную и индивидуальную специфику ХПЛ в каждой лингвокультуре. Проведенный контрастивный анализ харизматических апеллятивных тактик свидетельствует об относительном доминировании рациональных установок в дискурсе немецких ХПЛ, за исключением небольшого уклона к пророческим элементам. В апеллятивном дискурсе украинских харизматических политических лидеров, наоборот, доминируют духовные установки, которые определяются связью лидера с Богом, верой и являются ключевыми в украинской культурной среде.

Сопоставление паравербальных средств апеллятивности дало возможность охарактеризовать черты сходства и отличия в просодическом и жестовом компонентах апеллятивности дискурсов немецких и украинских политических харизматических лидеров. Так, в паравербальной структуре апеллятивов немецких и украинских политических лидеров наблюдаются совпадения в тональном модулировании, увеличении интенсивности проговаривания акцентированных мест призывности, усиленной жестикуляции правой рукой с конфигурацией кисти в виде ладони или кулака. Расхождения касаются, прежде всего, темпоральной организации апеллятивных волн, темпа речи на кульминационных участках призыва. В выступлениях немецких лидеров на пиках апеллирования происходит ускорение речи, в выступлениях украинских лидеров, наоборот, темп речи замедляется. Контрастивным признаком апеллятивной просодии немецких харизматических политических лидеров является ее рапсодичность, тогда как дифференциальным признаком апеллятивной просодии украинских харизматических лидеров является ее монотонность.

Выполненное исследование позволяет сделать вывод о том, что за почти столетний период с момента разработки теории харизматического лидерства немецким социологом Максом Вебером в начале XX века состоялась значительная трансформация в оценке этого "внеоценочного" феномена в ментально-культурном коде немцев, а также его укоренение в славянском культурном поле, что стало возможным в 90-е годы XX века вследствие революционных изменений на всем постсоветском пространстве. Трансформационный эффект состоит в отказе немецкого общества от толкования феномена харизмы как положительной компоненты в имидже

политического лидера. Вместе с тем харизматичность в имидже славянского лидера остается положительным признаком для его/ее аудитории, что, безусловно, используют украинские имиджмейкеры, коучеры и СМИ, вводя этот феномен в мелиоративный инвентарь украинского политика.

Результаты проведенного исследования дают возможность обозначить **перспективы** дальнейшего контрастивного изучения апеллятивной доминанты харизмы в разных лингвокультурах и разных типах дискурса (религиозном, академическом, актерском и т.п.). Изучение харизмы сквозь призму дискурсивных характеристик *Homo charismaticus* будет оказывать содействие интеграции результатов лингвистических исследований в другие гуманитарные (социологию, политологию, психологию личности) и прикладные науки (синтез и распознавание речи, экспертные системы для анализа харизмы публичных лиц, лингвистическое моделирование дискурсов и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Т. Адорно. – М. : Серебряные нити, 2001. – 416 с.
2. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу / Жан Блондель ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1992. – 135 с.
3. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Г.И. Богин ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1984. – 45 с.
4. Бредемайер К. Искусство словесной атаки: Практическое руководство / Карстен Бредемайер. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 178 с.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.-Л., 2–25 октября 1979. – Депонировано ВИНТИ. – N 3734 - 79 Деп. – Вып. 2: Пассионарность. – 10 авт. л.
6. Зинев С.Н. Харизматическая личность: идентификация и манифестация в трансформирующемся мире : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Сергей Николаевич Зинев ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2005. – 29 с.
7. Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей / В.И. Карасик // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков. Человек и его дискурс : сб. науч. тр. / под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной ; Ин-т языкознания РАН. – М. : Азбуковник, 2003. – С. 24–45.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 264 с.
9. Катанский А. Учение о Благодати Божией в творениях древних св. отцов и учителей церкви до бл. Августина [Текст] : Историко-догматическое исследование / А.Л. Катанский. – Ксерокс: СПб.: типогр. А.П. Лопухина, 1902. – 330 с.
10. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации / Г.Е. Крейдлин. – М. : Языки славян. культуры, 2005. – 224 с.

11. Кэ де Ври М. Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта / Манфред Кэ де Ври ; пер. с англ. – М. : Альпина, 2003. – 311 с.
12. Общая и прикладная фонетика : учеб. пособие / Л.В. Златоустова, Р.К. Потапова, В.В. Потапов, В.Н. Трунин-Донской. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 416 с.
13. Петлюченко Н.В. Харизматика : мовна особистість і дискурс : монографія / Н.В. Петлюченко. – Одеса : Астропринт, 2009. – 464 с.
14. Попов В.И. Маргарет Тэтчер: человек и политик / В.И. Попов. – М. : Прогресс, 1991. – 428 с.
15. Поссе А. Страсти по Эвите / Абель Поссе; пер с исп. Н. Беленькая // Ин. лит. – 2005. – № 1. – С. 7–15.
16. Почепцов Г.Г. Имиджелогия / Г.Г. Почепцов. – М.-К. : Рефл-бук-Ваклер, 2004. – 574 с.
17. Ухванова-Шмыгова И.Ф. Речевой портрет политического лидера : Новые подходы в рамках дискурс-исследований / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // *Respectus philologicus*. – 2002. – № 1. – С. 24–40.
18. Цеплитис Л.К. Анализ речевой интонации / Л.К. Цеплитис. – Рига : Зинатне, 1974. – 270 с.
19. Шахнарович А.М. Языковая личность и языковая способность / А.М. Шахнарович // *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность*. – М. : Изд-во РАН, 1995. – С. 260–276.
20. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
21. Энкельманн Н. Харизма. Личностные качества как средства достижения успеха в профессиональной и личной жизни : пер. с нем. / Энкельманн Н. – М. : АО «Интерэксперт», 2000. – 272 с.
22. Юдина Т.В. Теория общественно-политической речи / Т.В. Юдина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 160 с.
23. Andenna G. Charisma und religiöse Gemeinschaften im Mittelalter : Akten des 3. Internationalen Kongresses des "Italienisch–deutschen Zentrums für Vergleichende Ordensgeschichte" / Giancarlo Andenna. – Münster : Lit, 2005. – 495 S.
24. Biernath A. Missverständene Gleichheit: die Frau in der frühen Kirche zwischen Charisma und Amt / Andrea Biernath. – Stuttgart : Steiner, 2005. – 179 S.
25. Bolívar A. Dialogue and confrontation in Venezuelan political interaction / Adriana Bolívar // *Applied Linguistics in Latin America*. – 2005. – Vol. 18. – P. 3–17.
26. Danler P. Valenz und diskursive Strategien. Die politische Rede in der Romania zwischen 1938-1945: Franco – Mussolini – Pétain – Salazar / Paul Danler. – Tübingen: Günter Narr Verlag, 2007. – 352 S.
27. Daujat J. The theology of grace / Jean Daujat. – New York : Hawthorn Books, 1959. – 158 p.

28. Dorfler V., Baracskaï Z., Velencei J. Knowledge Visualization by Doctus Knowledge Galaxy – Mode of access [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.viktordorfler.com/webdav/papers/KnowledgeGalaxy.pdf>
29. Dorfler V., Baracskaï Z., Velencei J., Kulcsár L. Architecture of three-dimensional knowledges in the discipline of leadership. – Mode of access [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.viktordorfler.com/webdav/papers/3DKnowledges.pdf>
30. Edelman M. J. Politik als Ritual: die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns / Murray J. Edelman. – Frankfurt : Campus-Verlag, 1990. – 202 S.
31. Gries R. Kultur der Propaganda. "Herausforderungen. Historisch-politische Analysen" / Rainer Gries, Wolfgang Schmale (Hrsg.). – Bochum : Verlag Dr. Dieter Winkler, 2005. – Bd. 16. – 355 S.
32. Häusermann J. Inszeniertes Charisma: Medien und Persönlichkeit / Jürg Häusermann (Hg.) – Tübingen : Niemeyer, 2001. – 160 S.
33. Kendon A. Gesture: Visible Action as Utterance / Adam Kendon. – Cambridge : University Press, 2004. – 410 p.
34. Kopperschmidt J. Hitler der Redner / Josef Kopperschmidt . – München : Fink, 2003. – 502 S.
35. Koppetsch C. Körper und Status: zur Soziologie der Attraktivität / Cornelia Koppetsch. – Konstanz : UVK, Univ.-Verl. Konstanz, 2000. – 295 S.
36. Laak von Dirk, van. Adolf Hitler / Von Dirk van Laak // Charismatische Führer der deutschen Nation. – München : R. Oldenburg Verlag, 2004. – S. 149–171.
37. Lenze M. Postmodernes Charisma : Marken und Stars statt Religion und Vernunft / Malte Lenze. – 1. Aufl. – Wiesbaden : Dt. Univ.-Verl., 2002. – X, 217 S.
38. Marcuse H. Versuch über die Befreiung / Herbert Marcuse. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2008. – 133 S.
39. Müller C. Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich / Cornelia Müller. – Berlin : Berlin-Verlag, 1998. – 314 S.
40. Schnauber C. Ausdrucksphonetische Untersuchungen von Rhythmus und Melodik an Hitlers Rede zum Ermächtigungsgesetz / Cornelius Schnauber. – Hamburg : Lüdke bei der Uni, 1969. – 129 S.
41. Sohm R. Kirchengeschichte im Grundriss / Rudolph Sohm. – Leipzig : Ungleich, 1907. – 219 S.
42. The Compact Edition of the Oxford English Dictionary / Complete text reproduced micrographically. – Oxford : University Press, 1971. – Vol. 1 : A-O. – 2048 p.; Vol. 2 : P-Z. – 4116 p.
43. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie / Max Weber. – Paderborn : Voltmedia, 2006. – 1311 S.

Наталья Владимировна Петлюченко, канд. филол. наук, доцент кафедры немецкой филологии Одесского национального университета имени И.И. Мечникова; e-mail: npetljutschenko@ukr.net

РЕДАКТОРЫ

Ирина Семеновна Шевченко, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ishev7@gmail.com

Владимир Ильич Карасик, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: vladimir_karasik@mail.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алла Дмитриевна Белова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; www.philolog.univ.kiev.ua

Лилия Ростиславовна Безуглая, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Владислав Иванович Говердовский, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: germphil@univer.kharkov.ua

Светлана Анатольевна Жаботинская, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: saz9@ukr.net

Герхард Коллер, доктор, директор лингвистического центра, университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия; e-mail: Gerhard.Koller@sz.uni-erlangen.de

Геннадий Николаевич Манаенко, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией "Личность. Информация. Дискурс" ("ЛИД"); e-mail: manaenko@list.ru

Алла Петровна Мартынюк, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: allamart@list.ru

Морин С. Миниелли, доктор филологии, Кингсборо колледж университета г. Нью-Йорк; e-mail: maureen.minielli@verizon.net

Лев Михайлович Минкин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: lev.minkin@gmail.com

София Ахметовна Моисеева, доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии Белгородского государственного университета, Россия; e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Елена Ивановна Морозова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: elena.i.morozova@gmail.com

Валентина Григорьевна Пасынок, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики и практики английского языка, декан факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: inyaz@univer.kharkov.ua

Лидия Сергеевна Пухтовникова, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: germphil@univer.kharkov.ua

Анатолий Николаевич Приходько, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Запорожского юридического института Днепропетровского государственного университета внутренних дел; e-mail: arykhod@rambler.ru

Геннадий Геннадьевич Слышкин, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Волгоградского филиала Российского государственного торгово-экономического университета; e-mail: ggsl@yandex.ru

Людмила Васильевна Солощук, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: lsolo@ukr.net

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого и скандинавских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Евгения Валериевна Бондаренко, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ybond7@gmail.com

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы принимаются в объеме не менее 10 страниц текста в текстовом редакторе Microsoft Word, версия 6.0 и выше, шрифт Times New Roman Cyr, размер шрифта 14, интервал 1. Текст форматируется по ширине. Отступ для абзаца 1,25 см, поля: слева – 3 см., справа – 1 см., сверху и внизу – 2,5 см. В левом углу указывается УДК. По центру заглавными буквами жирным шрифтом пишется название статьи. На следующей строке по центру указываются сначала инициалы, затем фамилия автора, в скобках пишется город, страна; например:

ПРОБЛЕМА ВТОРИЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ

Н.И. Иванова (Киев, Украина)

2. В начале каждой статьи ВАК Украины рекомендует указывать актуальность, объект и предмет, цель и материал статьи. Приветствуется структурирование статьи на подразделы (нумерованные), названия которых печатаются с отступом строки от предыдущего текста и выделяются жирным шрифтом.

3. Примеры и их перевод выделяются *курсивом*, нужное подчеркивается. Подразделы, важнейшие понятия даются жирным шрифтом; авторы могут использовать подчеркивание. Растяжка шрифта, постраничные сноски в электронных изданиях не допускаются. При необходимости возможны примечания после текста статьи перед списком литературы.

4. Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках по образцу [Арутюнова 1976: 15; Гумбольдт 1985: 373]. Библиография оформляется по требованиям ВАК Украины. После слова **ЛИТЕРАТУРА** (заглавными буквами жирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится нумерованный алфавитный список. Тире и дефис различаются. В случае цитирования работ одного автора, изданных в один год, после года ставится буква (2001a; 2001b).
Пример:

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С.17 - 33.
2. Карпова Е.В. Стратегии вежливости в современном английском языке (на материале малоформатных текстов) : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Е.В. Карпова. – СПб, 2002. – 17 с.
3. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова – М.: АСТ: „Восток – Запад“, 2007. – 314 с.

5. В разделе “Наши авторы” подается информация о месте работы (полное название), степени и звании, приводится электронный адрес, который автор желает указать для читателей журнала.

6. Все статьи проходят анонимное рецензирование. Авторам могут быть предложены изменения, которые желательно внести в течение месяца.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Международный электронный сборник научных статей. 2010, № 2

Серия “Филология”

На русском языке

Компьютерная верстка

Л.П. Зябченко

Компьютерная поддержка сайта:

В.О. Шевченко
(Харьковский национальный
университет радиоэлектроники)